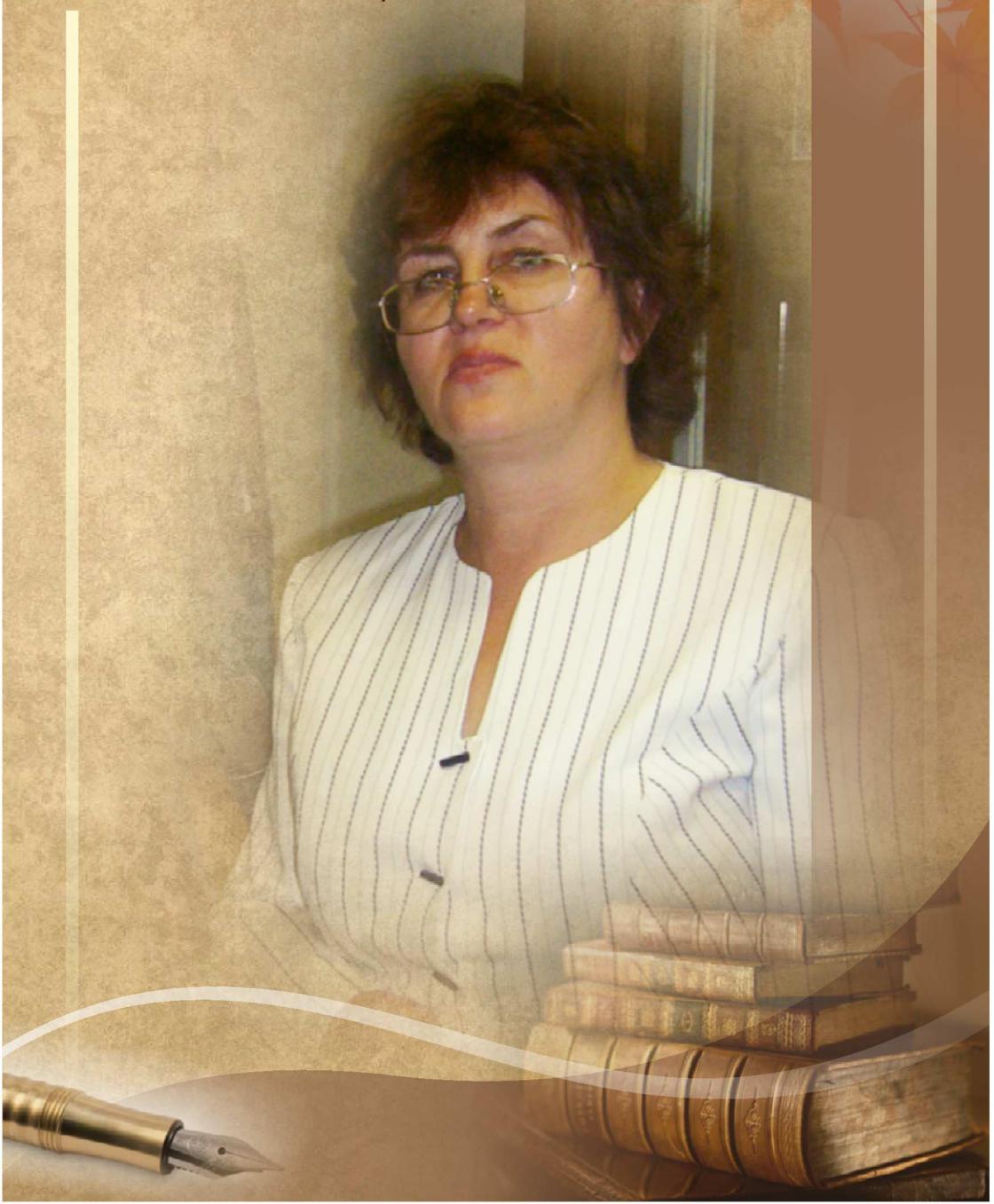

Татьяна Алексеевна

ЕВНЕВИЧ *Архивист. Учёный. Человек.*

ГАОУ ДПО
«Институт регионального развития Пензенской области»

Татьяна Алексеевна
Евневич

Архивист. Учёный. Человек.

Пенза, 2022

УДК 930 (91)
ББК 63.3 (2 Рос-Пен)
Е20

Печатается по решению редакционно-издательского совета ГАОУ
ДПО «Институт регионального развития Пензенской области»

Татьяна Алексеевна Евневич: Архивист. Учёный. Человек
/составитель и редактор Н. П. Берлякова.

ГОУ ДПО «Институт регионального развития Пензенской области»
– Пенза, 2022. – 210 с.

Е20

Книга посвящается памяти Татьяны Алексеевны Евневич (1955–2018), которая с 1991 по 2016 гг. была директором Государственного архива Пензенской области. Именно при Татьяне Алексеевне началась работа по перестройке деятельности архива. Как профессионал высокого уровня своей деятельностью она открыла немало новых страниц в изучении истории Пензенского края.

В книгу включены воспоминания и рассказы о Т. А. Евневич. Перед вами живой портрет удивительного человека, всю жизнь посвятившего формированию исторической памяти с позиций уважительного отношения к историческому документу. В книгу включены материалы публикаций и выступлений Т. А. Евневич, а также список работ, которые издавались при её участии. Книга представляет интерес для тех, кто занимается изучением краеведения с научных позиций. Она адресована и тем, кто делает первые шаги по изучению истории Пензенского края, поскольку знакомит с материалами, впервые опубликованными Т. А. Евневич.

Вы держите в руках книгу, посвящённую памяти замечательного человека – Татьяны Алексеевны Евневич, оставившей неизгладимый след в истории областного архива и Пензенского краеведения. Её биография не слишком обширна. Она родилась в Пензе 6 ноября 1955 г., после окончания средней школы в г. Заречном в 1973 г. 17-летняя Татьяна Филина (девичья фамилия Т. А. Евневич) поступила в Московский государственный историко-архивный институт, на специальность «историко-архивоведение». По окончании института в 1978 г. была направлена на работу в Государственный архив Пензенской области на должность старшего архивиста отдела комплектования, ведомственных архивов и экспертизы, а через год она становится старшим научным сотрудником в отделе. В этом отделе она проработала свыше 13 лет. В июне 1991 г. Татьяна Алексеевна стала заместителем директора по основной деятельности, а в декабре того же года – директором Государственного архива Пензенской области.

Впервые с Татьяной Алексеевной я познакомился в начале 1992 г., когда пришёл в читальный зал архива поработать с документами (в то время я работал в краеведческом музее). Уже тогда она меня удивила тем, что отнеслась ко мне неформально – очень подробно рассказала, в каких фондах могут быть документы, которые меня интересуют. Разговаривать с ней было интересно, она прекрасно ориентировалась в документах архива, знала очень много об истории государственных учреждений. Но наиболее полно я узнал её, когда пришёл на работу в архив в начале 1997 г. Здесь уже в полной мере мне довелось узнать её не только как руководителя, но и как человека. Мне всегда импонировало её равнодушие к просьбам простых посетителей архива, не важно, кто был перед ней – старушка, пришедшая искать какой-либо документ, подтверждающий её права на недвижимость или на пенсию, или же маститый краевед, она всегда была открыта и старалась сделать всё возможное, чтобы помочь пришедшему к ней на приём человеку. У неё никогда не было гонора, чиновничьего равно-

душия к людям. Немногословная, не любившая красивых слов, она просто молча делала своё дело.

Именно при Татьяне Алексеевне началась работа по перестройке архива на новые информационные рельсы, привезли первые компьютеры, стали появляться компьютерные базы данных, намного облегчившие работу архивистов. Она постоянно уделяла этому внимание, заботилась о том, чтобы архив шагал в ногу со временем. Ежегодно, принимая участие в научно-методических советах, проходивших в разных регионах Приволжского федерального округа, она старалась подсмотреть какие-либо новшества, чтобы в дальнейшем применить их на практике в архиве.

Благодаря усилиям Татьяны Алексеевны в архиве был возобновлён выпуск сборников документов. При её непосредственном участии вышли сборники: «Снабдить ... для умножения порядка всякого...» (из истории управления Пензенским наместничеством), «Зовёт к Отечеству любовь...» (Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года). Большое внимание Татьяна Алексеевна уделила 2-х томному изданию «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны» из серии сборников «Документальная история Пензенского края». Она написала археографическое предисловие к сборнику, занималась редактированием документов, зачастую дома в своё свободное время. Здесь надо особо подчеркнуть, что Татьяна Алексеевна никогда не считалась со своим личным временем: если было необходимо, она посвящала работе и свои выходные. Уже будучи тяжелобольной, она занималась сборником документов, который был посвящён истории Пензенской губернии в 1918 году, событиям Гражданской войны.

В середине 1990-х гг. Татьяна Алексеевна стояла у истоков создания десяти томной книги «Память. Пензенская область», посвящённой погибшим и пропавшим без вести в годы Великой Отечественной войны. Она и позже продолжала работу по восстановлению имён участников Великой Отечественной войны. Татьяна Алексеевна разработала алгоритм поиска сведений о не вернувшихся с войны жителях Пензенской области в сети Интернет, благодаря чему вышли дополнительные 11 и 12 тома Книги памяти, размещённые на сайте архива.

Человек она была весьма разносторонний, любила готовить, часто делилась рецептами с коллегами. Говоря о человеческих качествах Татьяны Алексеевны, можно вспомнить о том, как она готовила новогодние подарки для детей сотрудников архива, с какой любовью и желанием она это делала – искала особенные конфеты и печенье, радовалась, когда удавалось порадовать детей сотрудников. Татьяна Алексеевна очень любила животных, часто рассказывала о своём коте Кеше, который волей случая попал к ней. Надо было слышать её рассказы о нём, о его проделках...

Она отлично вязала различную одежду (пуловеры, кофточки, шарфики, шапочки и др.), что в годы тотального дефицита середины и конца 1980-х годов помогало ей оставаться элегантной женщиной.

Татьяна Алексеевна часто вспоминала о годах учёбы в Москве, увлечённо рассказывая о своей студенческой жизни, о концертах знаменитостей тех лет, на которые она ходила в то время, о театральных постановках в столичных театрах.

Татьяна Алексеевна запомнилась как настоящий профессионал своего дела, она знала о документах буквально всё и всегда была готова ответить на любой вопрос по ним, поделиться имеющейся у неё информацией. Память о ней навсегда останется жить в делах нынешних архивистов, так как она заложила основы той информационной среды, с которой мы работаем сейчас.

Данное издание содержит воспоминания разных людей – архивистов, учёных, краеведов, преподавателей и журналистов, встречавшихся с Татьяной Алексеевной, а также её работы в краеведческих изданиях.

Надеемся, что эта книга поможет тем, кому не довелось встретиться с Татьяной Алексеевной лично, узнать не только о её профессиональной деятельности, но и каким человеком она была, о круге её интересов. А тем, кто знал её, книга поможет узнать ещё что-то новое и неизвестное о ней.

*Заместитель директора ГБУ
«Государственный архив Пензенской области»
П. В. Кашаев*

9 ноября 2018 года в музее В. О. Ключевского проходил вечер памяти Татьяны Алексеевны Евневич, которая ушла из жизни 4 октября этого же года. Четверть века Татьяна Алексеевна возглавляла Государственный архив Пензенской области. На прощальном вечере было принято решение написать книгу о Татьяне Алексеевне: не просто поделиться воспоминаниями, а представить её портрет как талантливого учёного-архивиста и краеведа, 25 лет посвятившего работе с документами по истории Пензенского края. Долго размышляли, с чего начать и кто первый будет рассказывать о её профессиональном и жизненном пути. И в этом, как всегда, помогла сама Татьяна Алексеевна. С нами её уже не было, а вот рассказ о себе она оставила.

==== Т. А. Евневич. Что я могу рассказать о своей работе ====

В ноябре 2016 года, отметив своё 60-летие, Татьяна Алексеевна рассказывала о своей работе корреспонденту газеты «Улица Московская» Екатерине Куприяновой. Перед вами вопросы корреспондента и ответы на них Татьяны Алексеевны.

– **Расскажите, как начиналась Ваша работа?**

– Профессию я выбрала сознательно. Наверное, начиталась книг Андронникова о его поисках и находках, и меня это заинтересовало. В школе у меня хорошо шли математика и иностранные языки. Но буквально в последний момент я распаковала документы, которые были подготовлены для другого вуза, и отправила их в Московский государственный историко-архивный институт, где проучилась 5 лет. Конкурс при поступлении был 17 человек на место, как в МГУ. После окончания института, в августе 1978 г., я начала работать в Государственном архиве Пензенской области. Конечно, работу архива я представляла себе несколько по-иному. Потому что я начала работать в отделе ведомственных архивов, который занимался упорядочением документов в организациях. Пока архив находился в старом здании (Преображенской церкви), 30 лет не принимались документы от учреждений – негде было размещать.

А в 1984 г. было построено вот это здание на ул. Дзержинского. И нам пришлось очень тяжело – документы повалили валом: по 25 тыс. дел в год. Потом пришёл 1991 г., ключевой не только для архивов. Все архивы перешли на условия нового хозяйствования, получили юридическую самостоятельность: собственный расчётный счёт, свою печать и право зарабатывать деньги. В этом же 1991 г., как вы помните, был августовский путч. И в сентябре вышел указ президента о ликвидации архивов комитета госбезопасности и партийных архивов и передаче их в систему государственных архивов. Предыдущему директору, Вячеславу Степановичу Годину, тогда как раз исполнилось 60 лет, и он покинул свой пост, а меня назначили директором в ноябре 1991 г.

– Вы принимали эти архивы?

– Да, мы принимали архивы КГБ, я три месяца провела у них, готовила документы к передаче вместе с их сотрудниками. Но мы приняли не все, а только о лицах, побывавших в плену, свыше 27 тыс. дел. Каждое надо было просмотреть, подшить, пронумеровать и т.д. Потом пошёл процесс передачи бывшего партийного архива. Его передали вместе со штатом и зданием. Но получилось так, что Пензенская область оказалась чуть ли не единственным субъектом РФ, где до 1991 г. не успели построить новое здание партийного архива. А старое здание около НИИФИ по адресу ул. Володарского, 12А даже не ремонтировали, надеясь, что построят новое. И в таком проблемном состоянии оно было передано нам. Конечно, мы столкнулись с определёнными трудностями, потому что система учёта и правила работы в партийных архивах были совершенно иными. Было не совсем понятно, что засекречено, что нет. В 1997 г. мы всё, что могли, рассекретили. Сейчас на секретном хранении находятся около 2 тыс. дел, в основном документы бывших номерных заводов.

– Ходят слухи, что архивы после 1991 г. открывали, сейчас снова закрывают?

– Мы ограничены только законами о персональных данных и гостайне.

– Когда вы принимали архивы КГБ и партийный, компьютеризации ещё не было?

– Нет. Надо сказать, что компьютеры к нам в архив пришли значительно позже, чем в другие регионы. У нас в штате и сейчас нет программистов, но мы всё-таки оказались «на волне». В 1990-х гг. многие фирмы, имеющие компьютеры, ликвидировались. Мы заключали с оставшимися без работы людьми договоры, чтобы набивать данные в базу данных по решениям органов власти, которую нам разработали приглашённые программисты. В результате, когда у нас появились компьютеры, эта база данных за какие-то годы уже была набрана. Правда, написана она для операционной системы MS DOS. Было предвидение, что такая база понадобится. И она понадобилась, когда был издан закон о дачной амнистии. Люди пошли к нам в архив искать правоустанавливающие документы на участки и недвижимость. Без компьютера это выяснять очень сложно. У нас норма – 3 справки в день на одного сотрудника, а делаем значительно больше. К нам в день приходили по 40–50 человек, которые не знали, на основании какого нормативного документа им выделялась земля. И нам эта база данных очень помогла. Сейчас у нас около полутора десятков баз данных. Некоторые из них выложены у нас на сайте, например, метрические книги, ревизские сказки.

– **Вы занимались компьютеризацией по собственной инициативе?**

– Да, большинство наших компьютеров куплено на собственные, а не на выделенные из бюджета средства. Но потом появилась областная программа, благодаря ей мы приобрели и установили в 2012 г. АИС – автоматизированную информационную систему «Электронный архив». Правда, на все модули денег не хватило. Потом мы приобрели современный сканер, позволяющий сканировать документы бесконтактным методом, стали оцифровывать документы. Но оцифрованный документ не машиночитаемый, это картинка. Информацию из него надо вводить в базу вручную. А рукописный дореволюционный шрифт студенты-практиканты, например, понять не могут. У нас есть некоторые тексты, которые студентам показываешь, а они спрашивают: это по-русски написано? Потому что скоропись XVII в. надо уметь прочитать. Сейчас мы сканируем и создаём базу данных сельскохозяйственной переписи 2017 г. Эта база у нас тоже выложена на сайте. Человек, зная, что его предки родились в Пензенской губернии, но не зная, где конкретно, может установить

это, воспользовавшись базой. Мы сканируем и фотографии, но доступ открываем приходящим в читальный зал без права скачивания.

– **Почему?** – Сейчас идут очень большие дебаты, на каких условиях можно копировать архивные документы.

– **А как Вы считаете?**

– Архивы должны зарабатывать. Доступ к информации должен быть бесплатный – пожалуйста, приходи, смотри. Но когда ты получаешь копию на материальном носителе... Деньги берутся на восстановление материальной основы документа. Это практика в любом архиве. Конечно, для социально-правовых нужд мы бесплатно делаем справки: стаж работы, пребывание в плену, в эвакуации, раскулачивание.

– **Заработанного хватает?**

– Три года мы жили очень хорошо, зарабатывали более 5 млн руб. в год за счёт приёма документов ликвидированных организаций негосударственной формы собственности (государственные обязаны принять бесплатно). Но сейчас у нас архив забит битком, стоит вопрос о дополнительном хранилище. Мы можем ещё с 1000 дел принять и всё. То есть наши заработки будут потихоньку сходить на нет. 2–2,5 млн руб. с небольшим мы можем заработать на использовании документов.

– **Вы тратите деньги на развитие архива или на повышение зарплаты?**

– У любого учреждения есть дорожная карта с обязательствами по уровню заработной платы. Мы выдерживаем необходимый уровень. Но добавка к зарплате идёт, к сожалению, по остаточному принципу. Имея право тратить на неё до 60 % заработанных средств, мы тратим не больше 10 %. Потому что за охрану и сигнализацию, вывоз мусора мы платим только из собственных средств. Из собственных средств оплачиваем все хозяйственные нужды. А что это такое? В 2016 г. мы сделали 20 тыс. бесплатных запросов – их надо на чём-то напечатать, во что-то упаковать и как-то отправить. Конверты, бумага, тонер для принтера – всё идёт из платных услуг. Денег, которые отпускает бюджет, на всё не хватает. Это не только у нас, это во всех архивах так. Есть, конечно, области побогаче, там полегче. Наш архив при среднем уровне по количеству хранящихся дел имеет самый маленький штат в Поволжье – 70 человек.

– Удаётся ли при такой загруженности заниматься научной работой?

– Вы знаете, с трудом. Когда я шла в архив, я предполагала, как Андронников, «ищешь, находишь...» А фактически сначала много сил забирало комплектование, потом административная работа. Но, когда время находилось, набирала материал и писала статьи, потому что мне это было интересно, старалась выступать на конференциях. За последние 15 лет мы издали несколько сборников документов. Подготовка сборника – очень трудоёмкая работа, есть очень много правил, как он должен быть оформлен. Мы издали сборник «Снабдить для умножения порядка всякого» из истории Пензенского наместничества. Его уникальность в том, что это сборник по истории конкретного учреждения: его структура, штат, задачи, люди, которые там работали. Когда мы в 2011 г. представили этот сборник на Всероссийский конкурс работ в области архивоведения, первое место тогда никто не занял, а нашему сборнику дали второе. Потом мы издали сборник документов «Зовёт к Отечеству любовь» по истории войны 1812 г. Нам очень помог Сергей Владиславович Белоусов. За этот сборник мы тоже получили диплом на Всероссийском конкурсе архивных работ. Что отличает наши сборники – мы стараемся не только издавать документы, которые хранятся у нас в архиве, но оживлять их. Мы ищем воспоминания людей-очевидцев этих событий. Когда упоминаются чиновники, мы приводим не только формулярные послужные списки, но и свидетельства современников о характере этих людей, об их деловых качествах. Под патронажем Виктора Викторовича Кондрашина мы затеяли издание серии «Документальная история Пензенского края». Вышло два обширных тома по истории Первой мировой войны по документам нашего архива и архивов Мордовии, территория которой частично входила в Пензенскую губернию. В стадии завершения находится второй сборник из этой серии – «Гражданская война, 1918 год». Сейчас у Виктора Викторовича другие заботы, но я надеюсь, что к лету мы основную работу закончим.

– Воспоминания тоже хранятся в недрах архива?

– У нас их не так много, но есть очень любопытные. Например, воспоминания Лихачёва, старейшего жителя г. Мокшана, которые

опубликовал Валентин Игоревич Мануйлов в журнале «Земство» (№ 4, 1995 г.). Мы стараемся комплектоваться личными фондами, но люди считают, что они вечные, при жизни не сдают, а когда человек умирает, родственники на следующий день всё выкидывают, или всё это валяется по сараям. Помимо письменных документов у нас хранятся старые журналы, где публиковались воспоминания. У нас очень хорошая коллекция СМИ. Например, в своё время журналист Виктор Иванович Нуждов передал в архив коллекцию газет, 12 тыс. экземпляров. Как началась его коллекция: в 1937 г. известный публицист, впоследствии репрессированный Михаил Кольцов баллотировался в Верховный Совет от Пензенской области. Он приехал сюда проводить агитационную кампанию с испанского фронта, и в руках у него была газета, привезённая из Испании. Это была первая газета в коллекции Виктора Ивановича. Потом он собирал не подшивки, а по 1–2 экземпляра разных наименований. У него есть газета, привезённая из Берлина в 1945 г. Газета с острова Маврикий. Газеты, которые издавались немцами на оккупированной территории. Газеты, которые издавались в Берлине, когда он был поделён на зоны влияния.

– Много посетителей в читальном зале архива?

– Если раньше приходили в архив заниматься научной работой, изучать исторические документы, то сейчас занимаются в основном родословными, историей учреждений, конфессий.

Студентов-историков немного, наверное, они предпочитают Интернет, ту же Википедию. Хотя с Википедией мы иногда «бодаемся», потому что они не всегда желают признавать информацию, что тот или иной известный деятель родом из Пензы, даже когда мы предоставляем документы. Когда я училась в институте, нам говорили: не верьте тому, что написано в книгах, открывайте исторический документ. Ответьте сначала на вопрос, можно ли этому документу верить. Проведите источниковедческий анализ, а потом его используйте. Поэтому мы все факты стараемся проверять.

– Часто приходится сталкиваться с тем, что архивные данные не подтверждают общепринятые представления?

– Мы иногда пытаемся обнаружить, иногда бывает обидно. Ведь когда раскопали останки Сердобина, никто в архив не пришёл, а у нас его дворянское дело есть. Могилу Вигеля раскопали – долго не могли понять, кто там второй похоронен. Пришли бы в архив, мы бы

сразу сказали. К архиву обращаются в самый последний момент, либо вообще не обращаются. Многим фактам нашей пензенской истории мы не находим подтверждения в документах. Я не хочу сказать, что мы их отрицаем. Я говорю, что это не отражено в документах. Например, у нас есть село Маркино, бывший Русский Сыромяс, переименованное в честь матроса Маркина, который опубликовал указы царского правительства. Якобы он там родился. Но у нас сохранены все метрики по этому селу – не родился он там. Мы не оспариваем, что он там, может быть, жил, но зачем утверждать, что он там родился? Или повесили у нас на здании Законодательного Собрания информацию о том, что П. А. Столыпин тут был. Да никогда Столыпин тут не был. Когда шли дворянские выборы – у нас же сохранены баллотировочные списки – он везде числится отсутствующим. Хроника жизни Столыпина издана – он 20 минут на вокзале у нас постоял. И участок земли здесь приобрёл чисто случайно, а раз недвижимость купил, то и записался в Пензенские дворяне. Потом портрет губернатора И. А. Ступишина. Законодательное Собрание я убедила снять, потому что это не он. Но в Губернаторском доме висит, и написано, что это Ступишин. У нас есть собрание портретов Великого Князя Николая Михайловича, факсимильное издание, там есть этот портрет, но указаны два совершенно разных человека. Мы списались с музеем А. Н. Радищева, который представил копию портрета, они тоже говорят, это не Ступишин.

– А интересные находки попадают?

– Интересное бывает. Например, я листала документы по Первой мировой войне. Огромная кipa увольнительных солдат с фронта. Казалось бы, что может быть интересного? Бах – документ о возвращении с фронта А. С. Турищева, автора музыки «Варяга», который долгое время потом был директором музыкальной школы и училища в Пензе. У нас есть специальная картотека, которая ведётся без каких-то особых правил: кто что интересное увидел, туда записывает. Например, везде, где что-то встретится о Ключевском, мы вносим на карточку и туда. И по каждому человеку накапливается информация, где что найти. Встречаются подлинные автографы царствующих особ, какие-то имена всплывают. Например, Штевен,

который считается первым писателем-фантастом, – из Пензенской губернии. Он был городничим – вот нашли метрику о его смерти. Или писатель-фантаст Н. Карпов, издавший в 1925 г. книгу «Лучи смерти», тоже родился у нас. Книгу мы не видели, это редкое издание, но аннотация – борьба за обладание изобретением лучей смерти. Согласитесь, «Гиперболоид инженера Гарина» был издан несколько позднее, любопытно было бы эту книгу почитать. Сейчас внук Карпова издал о нём книгу.

– Тяжело Вам работалось эти 25 лет?

– Не могу сказать, что это была тяжёлая, непосильная ноша. Финансово-экономические проблемы решать было, конечно, тяжело-вато, жизнь научила нас экономить. Во взаимоотношениях с коллективом проблем не было, случались конфликты иногда, но как-то всё разрешалось. Конечно, приходилось и в выходной приходить, и из отпуска выходить, но, я думаю, это у любого руководителя так.

Существенное дополнение к сказанному в ходе интервью вносят публикации Татьяны Алексеевны о деятельности архива и его сотрудников, которые она размещала в электронных сетях в 2013–2015 гг. Это своего рода её живой портрет на фоне хроники событий, о которых ведётся рассказ.

Перед нами не только профессионал высокого уровня, а человек, который отличался заботой о сохранении исторической памяти. Ей всё интересно. Она живо откликалась на происходящее, старалась привлечь к краеведческой работе молодёжь. Она с благодарностью относилась к людям, которые делились с архивом своими книгами и документами.

Записи, дословно приведённые из её твиттера, рассказывают об этом.

«4 февраля 2013 г.

Хранение документов – очень сложный процесс, но в архиве с этим справляются, и мы можем просматривать документы, которым более трёхсот лет.

8 февраля 2013 г.

Архивистке В. А. Артемовой за добросовестный труд по обеспечению сохранности документов и в связи с 50-летием вручена грамота. Поздравляем!

29 мая 2015 г.

19 мая в читальном зале Госархива наградили победителей и призёров читательского конкурса «Твоя родословная».

29 мая 2015 г.

Несмотря на установившуюся жаркую погоду и начавшийся период летних отпусков, читальный зал архива по-прежнему полон.

1 июня 2015 г.

1 июня 1918 года был принят декрет СНК РСФСР о централизации и национализации архивного дела. До сих пор он актуален.

4 июня 2015 г.

Вчера одна посетительница читального зала передала в дар библиотеке архива свою книгу, написанную ей совместно ещё с О. М. Савиным. Спасибо.

4 июня 2015 г.

Подготовленная по фондам архива выставка «Пенза литературная» будет экспонироваться в июне в Лермонтовке. Приглашаем посетить её.

5 июня 2015 г.

70 лет назад Пензенский ЗИФ наградили орденом за заслуги. Архивисты побывали там недавно, увы, не осталось даже документов о былой славе.

9 июня 2015 г.

Сегодня Международный день архивов. С праздником, коллеги!

10 июня 2015 г.

Сегодня очередь на приём в ГАПО ещё до начала работы превышала 20 человек. Популярность архивных услуг резко возрастает.

22 июня 2015 г.

В качестве председателя госкомиссии была на защите дипломов в Пензенском многопрофильном колледже по специальности ДОУ и АД. Было интересно.

26 июня 2015 г.

На сайте Пензенского архива дополнили 448 именами электронную книгу «Память. Пензенская область». Работа над книгой продолжается.

1 июля 2015 г.

Известный фотограф Александр Назаров подарил Пензенскому архиву шикарную книгу о Митрополите Варсонофии. Спасибо, Александр!

6 июля 2015 г.

Сегодня Пензенский архив посетили будущие журналисты. Экскурсия вызвала интерес, задавали много вопросов.

7 июля 2015 г.

Сегодня уже за час до открытия очередь в читальный зал госархива Пензенской области составила 10 человек.

13 июля 2015 г.

Сотруднику нашего архива С. Н. Кузичкину вручили грамоту Федерального архивного агентства. Поздравляем, Сергей Николаевич!

15 июля 2015 г.

География посетителей чит. зала Пензархива расширяется. Сегодня были исследователи из Омска, Саратова, Сочи, Москвы.

20 июля 2015 г.

Сегодня рассказала школьникам об истории распространения наркотиков в России, начиная с древнейших времён. Были вопросы.

21 июля 2015 г.

Пензенский архив посетила внучка известного химика Ф. Селиванова, уроженца Городищенского уезда. Подарила несколько фото знаменитого деда.

22 июля 2015 г.

Сегодня очередь в читальный зал Пензенского госархива начали занимать с 7 утра, за 3 часа до открытия!

28 июля 2015 г.

За 2 недели сотрудники пензенского архива исполнили 749 запросов, и это несмотря на отпуска. Молодцы!

30 июля 2015 г.

Менее чем за 2 месяца счётчик зафиксировал 3309 посещений сайта Пензенского госархива, в т.ч. 35 из Бразилии, очевидно, там есть пензяки.

29 июля 2015 г.

Тележурналистами Россия1-Пенза снят сюжет о составлении родословных в Пензенском архиве. Эфир 30 июля.

30 июля 2015 г.

Посмотрела на канале Россия1 отснятый в Пензенском госархиве сюжет об изучении родословных. Снято очень достойно.

3 августа 2015 г.

С целью издания буклета к 145-летию А. И. Куприна приступили к подбору материалов из фондов госархива Пензенской области.

3 августа 2015 г.

А. Дворжанский подарил Пензенскому архиву 1-ю часть своей книги об архиепископе Серафиме. Спасибо, Александр Игоревич!

2 сентября 2015 г.

Издали буклет к 145-летию Куприна по документам госархива Пензенской области.

7 сентября 2015 г.

Буклет о Куприне отметили дипломом конкурса «Гранатовый браслет».

16 сентября 2015 г.

Была в Саранске на совете архивных учреждений Поволжья. Узнали много нового!

23 сентября 2015 г.

Поздравляем работников Пензенского краеведческого музея со 110-летием со дня основания. Удачи и оптимизма!»

Не удивительно, что пензенская общественность мгновенно откликнулась на известие о том, что не стало Татьяны Алексеевны.

Воспоминания и рассказы о Татьяне Алексеевне Евневич

Первые отклики на уход Татьяны Алексеевны Евневич

Газета «Улица Московская», которой давала интервью Т. А. Евневич, напечатала статью в память о ней. Сообщалось, что 4 октября 2018 года ушла из жизни Татьяна Евневич, в течение четверти века руководившая Государственным архивом Пензенской области. Профессional, с которым в знании областного архива мало кто мог сравниться. Очень сдержанный по натуре человек, она не любила показывать свои чувства, но своей доброжелательностью привлекала к себе даже тех, с кем встречалась впервые в жизни. Опубликовала десятки статей в «Пензенской энциклопедии», научных сборниках и периодической печати, участвовала в составлении нескольких сборников архивных документов: «Снабдить, для умножения порядка всякого...» Из истории управления Пензенским наместничеством» (2009), «Зовёт к Отечеству любовь...» К 200-летию Отечественной войны 1812 года» (2012), «Документальная история Пензенского края. Первая мировая война» (2013) и др.

В газете публиковались первые отклики учёных и краеведов Пензенского края на уход Татьяны Алексеевны.

Виктор Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра экономической истории ИРИ РАН, депутат Законодательного Собрания Пензенской области: «Татьяна Алексеевна Евневич – это целая эпоха в нашей культурной жизни, это феномен архивиста, подвижника исторической науки, образец руководителя научного учреждения. Она была ангелом-хранителем всех исследователей и краеведов, которые обращались в областной архив.

Татьяна Алексеевна была всегда открыта для общения. Я счастлив, что был с ней знаком, что довелось вместе работать над проектами. Сожалею, что при её жизни не успел выйти сборник документов по Гражданской войне в Пензенском крае, который мы вместе готовили и который она даже вычитала. Она понимала значение документов как сокровищ истории, которые нужно выявлять, изучать, пропагандиро-

вать. Я знаю, что она пользовалась уважением и в Росархиве. Это был специалист федерального уровня. Её уход – действительно трагедия, невосполнимая потеря. Память о Татьяне Алексеевне обязательно нужно сохранять, и данью уважения к ней может стать очередной том документов по истории Пензенского края. Поэтому хочется надеяться, что проект, который мы вместе начинали, будет иметь продолжение. Годы, когда Государственным архивом Пензенской области руководила Татьяна Евневич, стали лучшим временем для исследователей. Важно, чтобы традиции отношения к людям и сформировавшийся при ней коллектив во главе с её учеником и соратником Павлом Кашаевым сохранялись как можно дольше».

Олег Ягов, доктор исторических наук, профессор, заместитель председателя правительства Пензенской области: «Татьяна Алексеевна – это профессионал высочайшего уровня. Я был знаком с ней с тех времён, когда был ещё студентом, а затем аспирантом. Во-первых, она была специалистом, досконально разбиравшимся в своём деле, а во-вторых, она также была необычайно отзывчивым человеком. К запросам и просьбам она никогда не относилась формально, искренне пыталась дать ответ даже на самый сложный вопрос. Причём каждой мелочью занималась очень скрупулёзно, по десять раз перепроверяя найденные сведения.

Не так давно мы готовили к изданию очерки по истории Заречного и пригласили в творческий коллектив Татьяну Алексеевну. Уверен, что без её участия многие факты остались бы за пределами проекта.

Это был человек российского масштаба, с непререкаемым авторитетом. К ней часто обращались за советом архивисты из других регионов. Взвешенная, рассудительная, никогда не повышала голоса. Удивительная женщина, так много сделавшая для архивной службы. Когда она по состоянию здоровья уходила с поста директора, я говорил ей: «Как же без вас архив?» Убедил остаться хотя бы научным сотрудником. Увы, затем из-за болезни она ушла и с этой должности.

Когда я узнал о её кончине, то был в шоке. Вроде бы недавно совсем разговаривали, голос был бодрый».

Александр Дворжанский, краевед, председатель церковно-исторического комитета Пензенской епархии: «Поскольку почти все

мои книги написаны на архивном материале, то в архиве я провёл многие годы, и к Татьяне Алексеевне приходилось обращаться постоянно: за консультацией, за организационной помощью. Из-за того, что посетителей сейчас в архиве много, заниматься исследованиями на общих основаниях стало сложно, и она всегда шла навстречу, звонила в нужный отдел или хранилище, разрешала выдать дела раньше положенного срока. Она запомнилась очень мягкой в общении, всегда готовой помочь. Смерть людей, близких по духу, это всегда печально. Вместе с их уходом обрываются начатые работы, которые были только в задумках и черновиках. И они уже никогда с нами этим не поделятся».

Владимир Зименков, директор Пензенского государственного краеведческого музея: «Татьяна Алексеевна запомнилась как настоящий профессионал. Она знала о документах областного архива всё и всегда готова была ответить на любой вопрос по ним, поделиться информацией. Когда мы готовили выставки, часто сама предлагала помощь: “А у нас есть такой материал”. Последний раз мы с ней общались летом. И когда пришло известие о её смерти, даже не сразу поверилось, что больше нет такого специалиста и отзывчивого человека. Очень, очень жаль».

Евгений Белохвостиков, краевед, журналист: «Впервые я пришёл в архив, заинтересовавшись своей родословной, в 12 лет. Ни по каким нормам выдать мне архивные документы не должны были. Не знаю, может быть, Татьяна Алексеевна разглядела во мне какую-то искорку, но разрешила заниматься в читальном зале. И кто знает, как сложилась бы дальше моя судьба, если бы я тогда не “заболел” архивом – в первую очередь, благодаря Татьяне Алексеевне Евневич. Всегда поражался тому, как она ориентировалась в архивных фондах. И даже когда в архиве уже освоился, всегда обращался к ней за советом. Делопроизводство не во все периоды и не во всех организациях было идеальным, и где искать материал – иногда вообще непонятно. А Татьяна Алексеевна в этих лабиринтах ориентировалась совершенно свободно. Она никогда не жалела своего времени для помощи. Приведу пример. Вычислил метрику, в которой должна была быть запись о венчании тестя и тёщи Салтыкова-Щедрина. Книга оказалась в ветхом состоянии и не подлежала выдаче в читальный зал. Объяснил ситуацию Татьяне Алексеевне, и через какое-то время она мне принесла листочек с нужными сведе-

ниями: сама поднялась в хранилище и от руки переписала. В памяти её близких и коллег остался образ замечательного человека. Остались научные работы и сборники документов. Остались традиции отношения к посетителям архива, остались исследования, осуществлённые на базе его фондов. Но скажем честно: своё знание архива она унесла с собой. И это потеря совершенно невозполнимая.

Даже когда мы с ней общались уже только по телефону, всегда держал в памяти, что можно позвонить и проконсультироваться. А вот теперь уже не позвонишь».

Дмитрий Мурашов, кандидат исторических наук, учёный секретарь Пензенской областной библиотеки им. М. Ю. Лермонтова: «Я познакомился с Татьяной Алексеевной в 2002 г., когда работал над своей кандидатской диссертацией. Среди документов, которые использовал в ней, были и документы пензенского архива. Я пришёл в архив, где Татьяна Алексеевна была директором, она дала мне разрешение на работу с фондами. Обычная процедура. Ближе, как замечательного человека и исследователя, я узнал Татьяну Алексеевну позднее, став работать в библиотеке. Документы архива были основой моих книг. Мы встречались с Татьяной Алексеевной не только в архиве, но и на конференциях, презентациях. Часто вместе возвращались домой, в Заречный. Поездка в автобусе – возможность поговорить о многом. Я восхищался её эрудицией, тщательностью и принципиальностью. И ещё – бескорыстием. К ней всегда можно было обратиться за советом, подсказкой.

Она жила архивом. Это был её второй дом, где она знала всё. Татьяну Алексеевну огорчало, когда игнорировались архивы, не использовались их богатейшие возможности. Так появились её статьи о писателе Владимире Зазубрине, родившемся в Пензе, и о пензенских предках Керенского. Это был ответ горе-биографам. Татьяна Алексеевна всегда билась за правду истории. И рядом с ней нельзя было стать другим.

Я до сих пор не могу поверить, что её нет. Для меня это огромная потеря: товарища, собеседника, коллеги».

Игорь Шишкин, коллекционер, краевед, геральдист: «Мы с ней не были даже особо знакомы, когда я первый раз пришёл в архив и попросил помочь – мы тогда начинали проект с “Антологией”. Татьяна Алексеевна сказала: “помогу”. И через неделю подготовила все копии,

подсказала: можно посмотреть ещё вот это и это... Она очень доброжелательно отнеслась ко мне. Ведь бывает и по-другому: человек что-то открыл, нашёл и молчит. А Татьяна Алексеевна пошла со мной в читальный зал, час мы просидели вместе, я потом сидел за описями и документами ещё четыре часа, а она у себя в кабинете параллельно занималась моими вопросами.

И так было всегда, сколько бы я ни приходил. В архив было приятно не просто позвонить, а лишний раз прийти, чтобы пообщаться с Татьяной Алексеевной. Бывает так, что вроде бы с человеком и не так хорошо знаком, а теряешь его – и слёзы на глазах, как будто не стало кого-то родного.

Лариса Расказова, кандидат культурологии, заслуженный работник культуры Пензенской области, научный сотрудник комиссии по канонизации святых Пензенской епархии: «Я пришла работать в архив в 1979 г., тогда же мы и познакомились. Уже тогда у Татьяны чувствовался серьёзный, профессиональный подход к своей работе. Она относилась к архивной службе как к служению, была бесконечно предана архиву.

И когда спустя несколько лет я пришла в архив уже как исследователь, мы с ней по-прежнему остались “на ты”: она прекрасно знала фонды, очень часто подсказывала, где можно найти информацию, причём порой там, куда сам не дойдешь или дойдешь нескоро. У неё столько было в памяти!

Многие исследователи очень ревностно относятся к своим открытиям, не спешат ими поделиться. У Тани этого не было: что знала, она всем говорила.

Она была уютным человеком. Доброжелательная, открытая, спокойная, выдержанная. Рядом с такими людьми успокаиваешься. И в архиве она создала такой же микроклимат: неизменно доброжелательно относилась к посетителям, особенно иногородним, всегда была готова помочь.

Её уход – большая потеря. Для краеведения, для архива и просто по-человечески».

Короткие и печальные рассказы известных учёных и краеведов Пензы послужили своего рода вводом в раздел книги, где собраны воспоминания о Т. А. Евневич. Эти рассказы дают возможность ярче представить её жизненный и профессиональный путь.

Маленькая женщина с огромным сердцем и душой...

В моём сердце – океан эмоций, меня накрывают волны воспоминаний.
Я знаю и одновременно не знаю, с чего начать...
Мне хочется найти слово – самое важное слово...
Мама...

Я тебя очень люблю, любила и буду любить. Мне тяжело писать о тебе в прошедшем времени. Ты для меня никуда не ушла. Я понимаю, у каждого из нас есть мама. И у каждого она особенная. Другой такой нет. Ты тоже – особенная, моя мама. Для всех – Татьяна Алексеевна Евневич. И только для меня – мамочка. Я счастлива, что я твоя дочь.

...Мне никогда не забыть, как ты сидела возле моей кровати, когда я болела, как целовала меня, как горячо обнимала. Как в каждый мой день рождения устраивала мне праздник. Я не забуду твои вкуснейшие торты на праздники; не забуду, как в новогоднюю ночь ты делала для меня маленькое чудо – умела положить подарок под ёлку и обыграть всё так, будто бы Дед Мороз мне его принёс; не забуду, что не ругала меня за плохие оценки – колы – в начальной школе.

Я помню, как ты помогала мне готовиться к школьным конференциям и занимать на них призовые места. Как каждый раз, уезжая на очередную свою конференцию, ты обязательно со мной прощалась – целовала меня в щёку и давала наставления на время отъезда. Я всегда считала часы до твоего возвращения.

Моё сердце невидимой нитью связано с тобой и после твоего ухода...

Ты – удивительная женщина: добрый, открытый, большой души человек. Ты – сказочно красивая. Я люблю твою улыбку и большие голубые глаза. Они сверкали озорными огоньками. Твой задорный смех и твои руки – заботливые, тёплые, дорогие мне две ладошки.

Никто не знает тебя лучше, чем я. Никто не знает, что ты никогда не проходила мимо нуждающегося в помощи человека, никто не знает, что ты перечисляла денежные средства в фонд больным детям. Никто не знает, что по дороге домой ты кормила бездомных животных, никто

не знает, как ты переживала и плакала из-за неурядиц на работе. Никто не знает, что за внешностью сильного человека таилась хрупкая, беззащитная женщина...

Ты не была горделива, заносчива. Ты одинаково почтительно общалась со всеми. В тебе никогда не было злобы даже по отношению к тем, кто тебя обижал. Ты не умела таить обиды и быстро забывала всё плохое. Ты всегда заботилась обо всех, к сожалению, забывая о себе. В большинстве случаев свои желания ты отодвигала на второй план ради других.

Сердце у тебя – самое верное и чуткое. В нём вопреки всем обстоятельствам никогда не гасли любовь и верность к окружающим людям. Ты умела поддержать и согреть не только меня, но и других людей в трудную минуту. Именно ты, моя мамочка, научила меня «выживать» в этом мире. Ты научила меня преодолевать трудности, научила быть оптимистом в любой ситуации, но и в то же время рассчитывать лишь на себя. Научила не опускать руки, как бы сложно не было.

Своим примером ты показала мне, что есть и настоящая любовь, и дружба, и верность. Ты научила, что даже в несчастье можно найти счастье. Только благодаря тебе я стала такой, какая есть. Да, я далеко не идеальна, но ты научила меня быть настоящей, не лукавить даже в своих мыслях, быть живой и открытой.

Нет, я не «маменькина дочка», я – твоё продолжение!

---

*Г. Н. Белорыбкин., д.и.н., профессор,
ректор ГАОУ ДПО
«Институт регионального развития
Пензенской области»*

У истоков журнала «Краеведение»

В конце 1990-х годов вопросы краеведения в нашей области стали активно обсуждаться: появлялись статьи на страницах газет, передачи по радио и телевидению, проходили краеведческие чтения, педагоги готовили уроки краеведения в школах. Возникла необходимость печатного издания, которое на своих страницах могло бы рассказывать о состоянии, направлениях, актуальных проблемах краеведческой деятельности, обсуждать проблемные вопросы, публиковать документы. Т. А. Евневич горячо поддержала в 1996 году идею создания журнала «Краеведение» на одной из школьных конференций в Пензе. А когда Министерство образования Пензенской области начало его издавать, Татьяна Алексеевна стала постоянным членом редколлегии журнала. Кроме того, Т. А. Евневич выполняла ещё и роль эксперта практически по всем разделам журнала.

Все материалы, которые поступали в журнал, я сначала относил к Татьяне Алексеевне, и она давала оценку этим рукописям, тем более что, как она любила говорить: «Все материалы взяты из нашего архива». Многих авторов она знала в лицо и видела их в работе, поэтому статьи она узнавала с ходу и давала рекомендации либо к публикации, либо на доработку. А с 2004 года по её инициативе в журнале появился раздел «Архивная справка», где публиковались знаковые для истории Пензенского края документы.

Были рукописи, которые приходилось обсуждать по несколько раз и проверять на достоверность. И хотя это занимало не один час, мы тщательно разбирали каждый факт, сидя у неё в кабинете. Я не помню случая, чтобы Татьяна Алексеевна сказала, что ей некогда или она сильно занята. Да, пока мы работали над статьями, к ней заходили люди, звонил телефон, и она, решая все текущие вопросы, спокойно

и подробно выясняла все детали в статьях. Более того, часто по ходу обсуждения она находила дополнительные документы и иллюстрации, что значительно усиливало публикацию материала.

С другой стороны, Татьяна Алексеевна и сама была настоящим исследователем, о чём свидетельствуют опубликованные ею статьи в журнале «Краеведение». Кроме того, она посещала, по-моему, абсолютно все краеведческие конференции в Пензе и в области, где обязательно выступала с докладом и принимала участие в дискуссиях. При этом практически всегда заканчивала свои выступления фразой: «Вы приходите в архив, и мы вам поможем». И не важно, кто перед этим выступал – маститый учёный или начинающий школьник. Её педагогический талант и такт позволяли внимательно относиться к любому, кто интересовался историей Пензенского края и оказывать ему помощь. Об этом же свидетельствуют и собственные издания архива справочников по документам, которые значительно упрощали работу исследователей.

Многие темы, поднятые на страницах журнала, были инициированы Т. А. Евневич. Их она передавала бескорыстно другим исследователям и помогала им с документами. Это касалось как отдельных персоналий, так и целых периодов в истории Пензенского края. Кстати, многие из них превращались в научные диссертации и отдельные книги.

Отличала Татьяну Алексеевну от многих и её интеллигентная манера общения. Никогда не повысит голос, всегда внимательно выслушает. Она была настроена на помощь любому человеку и переживала вместе с ним все успехи или неудачи. На мой взгляд – это и есть настоящий патриотизм, олицетворением которого была Т. А. Евневич.

---

*Н. П. Берлякова, к. и. н., профессор,
сотрудник ГАОУ ДПО
«Институт регионального развития
Пензенской области»*

Профессионал высокого уровня

---

9 ноября 2018 года в музее В. О. Ключевского проходил вечер, посвящённый памяти Татьяны Алексеевны Евневич. Своими воспоминаниями о работе и встречах с Татьяной Алексеевной поделились коллеги и друзья. И каждый выступающий говорил о том, как важно сохранить память о ней, и предлагали установить мемориальную доску на здании Государственного архива Пензенской области, создать в архиве галерею памяти о его директорах.

Татьяна Алексеевна стала преемником Вячеслава Степановича Година, для которого, как она не раз говорила, архив был любовью и делом всей жизни. Их, как руководителей, хранителей и исследователей истории Пензенского края, объединяло то, что они были выпускниками историко-архивного института и страстно увлечёнными своим делом людьми.

Татьяна Алексеевна осталась в памяти коллег понимающим, инициативным, ответственным и отзывчивым человеком. За время её директорства, а это 25 лет, никто не уволился по собственному желанию. В областном архиве в память о Татьяне Алексеевне открыли постоянно действующую выставку её работ по истории Пензенского края, написанных в разные годы. Она всегда старалась принимать участие в подготовке различных краеведческих изданий, научных конференциях, главными темами её исследований были страницы истории Пензенского края. Подчас она обращалась к малоизвестным событиям или правила уже известные факты из истории Пензенского края.

Главные её качества – высочайший профессионализм и отзывчивость, которые помнят все, кто обращался к ней за помощью в поиске документов – учёные, студенты, педагоги, краеведы и люди, искавшие информацию об истории своей семьи. Всех перечислить просто невозможно. Дорогого стоит одна её запись в твиттере от 22 июля 2015 года:

«Сегодня очередь в читальный зал Пензенского госархива начали занимать с 7 утра, за 3 часа до открытия».

По роду своей деятельности мне не раз приходилось встречаться с Татьяной Алексеевной. Главной темой наших обсуждений чаще всего было историческое краеведение. Но всегда есть первая встреча, с которой начинается активное профессиональное (и не только профессиональное) общение. Так получилось, что долгое время были знакомы заочно, а впервые встретились не в Пензе, а селе Степановка, где проходила первая конференция «Моя малая родина». Готовили мы её небольшим коллективом, в который входила и Татьяна Алексеевна. Конференция проходила в декабре 2003 года. Журнал «Краеведение», который тогда издавался Министерством образования Пензенской области совместно с институтом повышения квалификации, на обложке январского номера 2004 г. поместил фотографию тех, кто готовил первую конференцию.

Вот на этом фото мы с Татьяной Алексеевной стоим рядом.

Актовый зал школы села Степановка долгое время собирал увлечённых историей малой родины краеведов, известных учёных и педагогов, а также тех, кто только приступал к исследованию истории своего города, села, семьи. Татьяна Алексеевна хорошо понимала, что интерес к краеведению, который в то время стал своего рода визитной карточкой времени, требует грамотной работы с документами.

Не случайно её выступление на пленарном заседании конференции называлось «Изучение истории населённых пунктов и архивы».

С этого времени началась активная работа Государственного архива Пензенской области с педагогами городских и сельских школ, которые вместе со своими учениками стали заниматься серьёзной работой по истории края, собирать документы, писать сначала небольшие статьи, а потом и книги.

Каждый год выходил сборник материалов конференции «Моя малая родина», и Татьяна Алексеевна делилась со мной своими впечатлениями о статьях, которые представляли на конференцию педагоги и краеведы региона и страны. Больше всего её волновало то, чтобы в итоге работы в виде публикаций не прошли мимо архива. Главные замечания были по поводу качества работы с документами. И мы договорились, что кафедра обучения истории и обществознанию ИПК и ПРО (в настоящее время ГАОУ ДПО «Институт регионального развития») на курсах повышения квалификации историков будет проводить занятия в Государственном архиве Пензенской области. Так, с лёгкой руки Татьяны Алексеевны, началось приобщение педагогов к работе с живыми свидетельствами времени.

Татьяна Алексеевна стала не только учить работе с документами, но и консультировать педагогов. Мы приглашали её выступать и на курсах историков. Любопытные педагоги часто задавали вопросы и, получая ответы настоящего профессионала-исследователя, начинали заново открывать для себя историю своего села, семьи, обращаться к малоизвестным фактам истории края, стали заниматься биографиями известных людей области, а также изучать обыкновенные, на первый взгляд, события, которые стали живым свидетельством времени.

Когда педагог обращался ко мне с любопытной краеведческой темой, я набирала телефон Татьяны Алексеевны и никогда не слышала отказа в просьбе проконсультировать по работе с краеведческими документами. Постепенно в материалах сборников конференции стали появляться публикации, которые она хвалила за представленные в ходе поиска документы. Но и замечаний было немало. Тем не менее, сборник каждой конференции из села Степановка отправлялся в Госу-

дарственный архив Пензенской области. Думается, что и после ухода Татьяны Алексеевны эту традицию прерывать не стоит.

Ещё одна страничка нашего общения с Татьяной Алексеевной – конференции школьников «Старт в науку». Мне, как человеку, принимавшему участие в подготовке учебников «История Пензенского края», приходилось работать в составе жюри секции «Краеведение». Нередко мы знакомились с работами старшекласников, которые могли радовать своими открытиями, но требовалась доработка. Для этого нужно было попасть в архив и найти соответствующие документы. Педагогу давалось разрешение на работу в архиве, а вот с учениками были проблемы. И с этим удалось справиться благодаря помощи Татьяны Алексеевны. Она была увлечена возросшим интересом к работе с архивными документами. В социальных сетях появлялись вот такие её сообщения, как это от 28 августа 2015 г.: «В рамках проекта ПРОЯсним рассказала школьникам о профессии архивиста и работе архива». В результате архивные документы стали чаще появляться в работах учеников. А однажды Татьяна Алексеевна позвонила мне и спросила, куда мы отправляем присланные на конференцию «Старт в науку» работы по краеведению. Я уныло ответила, что в архив института. И с той поры после каждой конференции работы по краеведению, которые высоко оценивало жюри, мы оставляли, а потом их забирали не куда-нибудь, а в Государственный архив Пензенской области.

Не удивительно, что педагоги благодаря помощи и поддержке Татьяны Алексеевны смогли увлечь краеведением своих учеников. Конец XX – начало XXI века – время, когда стали создаваться школьные краеведческие музеи. Именно тогда школьники стали с интересом заниматься сбором архивных данных и материалов. Они стали учиться записывать рассказы жителей сёл, городов, занялись историей своих семей, стали составлять родословные. Сколько материалов обрушилось на педагогов! Как их оформлять? Сколько раз обращались за помощью, и сказать сложно. Им помогали, как могли, но чаще отправляли для консультаций в краеведческий музей и, конечно, в Государственный архив Пензенской области, к Татьяне Алексеевне. Она помогала в поисках документов не только в ГАПО, но и в других архивах страны,

если это было необходимо. И таких случаев было немало. Ведь среди её однокашников по институту было немало тех, кто работал в архивах других регионов. Да и официальное обращение государственного архива не оставалось без поддержки. Если бы можно было обратиться ко всем педагогам, которым помогала Татьяна Алексеевна, с просьбой написать о ней, получилась бы целая книга!

Последним годом нашего активного общения стал 2016, когда готовились праздновать 175-летие В. О. Ключевского. В ГАПО под редакцией Т. А. Евневич вышел сборник документов «В. О. Ключевский и Пензенский край: из фондов Государственного архива Пензенской области». Татьяна Алексеевна была в курсе того, что уже немало времени велась упорная работа по восстановлению креста на могиле знаменитого историка в Донском монастыре, и когда мы встречались, всегда спрашивала, как идут дела в этом направлении. Она с большим интересом относилась к личности историка, и, когда у меня возникла необходимость уточнений о том, что писали современники о курсе его лекций, Татьяна Алексеевна помогла найти журналы начала XX века, в которых публиковались отзывы на курс лекций по русской истории В. О. Ключевского, и поработать с ними в читальном зале архива.

Когда мы составляли списки делегации в Донской монастырь Москвы на открытие реставрированной могилы В. О. Ключевского, конечно, в них была и фамилия Т. А. Евневич. Татьяна Алексеевна была среди участников этой поездки.

Последние годы её жизни мы общались в основном по телефону, но если встречались, всегда находилась актуальная тема для обсуждения.

В. А. Власов, к. и. н., доцент кафедры
«История России и методика преподавания истории»
Педагогического института им. В. Г. Белинского
ФГБОУ ВО ПГУ

Человек, архивист и краевед Татьяна Евневич

Когда произносят имя Татьяны Алексеевны Евневич, передо мной (как и перед многими моими коллегами) предстаёт спокойная, доброжелательная, готовая помочь практически всем, кто нуждается в её помощи, необыкновенно трудолюбивая и, безусловно, интересная женщина. И при этом она четверть века была авторитетным руководителем коллектива особого учреждения (главного регионального архива, куда она ежедневно приезжала одна из первых, если не первая), в которое постоянно обращаются сотни и тысячи людей не только из Пензенской области, но и всей России, а также из-за рубежа.

Мы всегда ощущали себя как близкие коллеги, хотя при общении она, безусловно, давала значительно больше, чем получала от меня. Татьяна Алексеевна всегда с пониманием относилась к просьбам поработать в читальном зале архива, если у меня возникала необходимость позаниматься в неурочное время. Она нашла возможность дать разрешение на работу с тысячами карточек военнопленных (периода Великой Отечественной войны) моему аспиранту. Основательно загруженная своими непосредственными делами, как директор ГАПО, она откликалась (и привлекала своих сотрудников, а однажды и свою дочь Кристину) на наши приглашения принять участие в научных конференциях, организованными кафедрой отечественной истории ПГПУ им. В. Г. Белинского («Война. Народ. Победа», апрель 2001 г.; «Великая Победа», апрель 2005 г.; «Революция и общество», май 2007 г.). Татьяна Алексеевна не только готовила текст для сборника материалов конференции (традиционно на материалах своего родного архива), но и выступала у нас в университете на пленарных заседаниях.

Т. А. Евневич стала автором двух коллективных монографий, многочисленных публикаций не только в различных сборниках научных

трудов, но и в газетах «Пензенская правда», «Пензенские вести», «Улица Московская», журнале «Парк Белинского» и других, о чём написал Д. Ю. Мурашов в статье «Творческое наследие Татьяны Алексеевны Евневич» (Просвещение: проблемы и перспективы. 2019. № 1). Она являлась составителем и редактором нескольких сборников документов, инициатором подготовки целой серии буклетов на материалах Государственного архива Пензенской области. Все её работы мы рекомендуем своим студентам, магистрантам и аспирантам, обращая внимание на чётко выраженную собственную позицию автора – серьёзного, кропотливого исследователя. Татьяна Алексеевна стала одной из первых среди пензенских краеведов, кто начал говорить и писать не только о достижениях, победах, энтузиазме и т.п., но и о трудностях, ошибках, преступной халатности и безалаберности (например, Пензенская область в первые месяцы Великой Отечественной войны // От Великой Победы к великой России: историческая память и будущее России. Пенза, 2010; и др.). Она стремилась к подлинной объективности. Мы, преподаватели, и сами постоянно ссылаемся на работы Евневич. Так, работая в 2018 г. над своим разделом коллективной монографии «Побратимы. Регионам, принявшим жителей блокадного Ленинграда, посвящается» (М.: РОССПЭН, 2019), мы опирались, кроме архивных документов, и на её статью «Организация бытового устройства эвакуированного в Пензенскую область населения в Великую Отечественную войну», опубликованную в 2015 г., (№ 2) в журнале «Пензенское краеведение».

Мы вместе работали в составе редколлегий журналов «Краеведение» и «Пензенское краеведение», в общественной организации «Память о земляках», Пензенском областном отделении Российского общества историков-архивистов, вместе участвовали в подготовке двух изданий «Пензенской энциклопедии», в проведении презентаций работ пензенских историков в музее В. О. Ключевского, областной библиотеке им. М. Ю. Лермонтова и краеведческом музее. И везде она показывала себя активным, ответственным, неравнодушным участником, который не только готовит по-настоящему добротные выступления и публикации, но и даёт очень дельные советы, предлагает какие-то новые темы или новые подходы. Однажды в её рабочем кабинете мы вдвоём

обсуждали детали очередной совместной презентации наших книг, и как-то плавно Татьяна Алексеевна переключилась на тему пополнения личных фондов в ГАПО, говорила о сложностях получения тех или иных материалов от некоторых наследников заслуженных людей Пензенского края. И вдруг, неожиданно для меня, очень деликатно (и вместе с тем настойчиво) предложила передать в архив документы и фотографии моего папы, убедив в полной сохранности этих материалов в их хранилище, в отличие от домашнего архива, где их мало кто может увидеть. С искренней благодарностью приняв такое предложение, мне сложно было не выполнить своё обещание...

Навсегда остались в памяти и наши совместные «спуски» по улице Красной после различных мероприятий, которые проходили в Пензенском государственном краеведческом музее. Татьяна Алексеевна неизменно (в любую погоду) шла из музея пешком до остановки своего автобуса и предлагала составить ей компанию. Как правило, откликались на приглашение зареченцы С. В. Белоусов и Д. Ю. Мурашов, а также живущий на улице Суворова автор этих строк. Иногда мы спускались вдвоём, обсуждая самые разные темы, начиная от научных, исследовательских проблем и кончая какими-то бытовыми вопросами, воспоминаниями. С искренней тревогой говорила она о реорганизациях архивной службы, о вынужденных предстоящих сокращениях своих сотрудников... Интересно было слушать её рассказы об учёбе в историко-архивном институте в Москве, о своём городе Заречном и работе над очерками закрытого города, о новых интересных архивных находках, о работе в составе ГЭК в колледже, к чему Т. А. Евневич относилась (как и ко всему другому) с большой ответственностью. Как-то в начале 2000-х годов мы оказались вместе в Москве на совещании членов Российского общества историков-архивистов, где было очень интересно и приятно наблюдать, с каким уважением и симпатией относятся к нашей Т. А. Евневич её многочисленные коллеги из разных регионов Российской Федерации.

Чаще всего Татьяна Алексеевна была на вид строгой, сосредоточенной, но как же радостно было видеть её очаровательную (иногда застенчивую) улыбку, которая навсегда сохранится в наших сердцах...

Воспоминания о совместной работе

Первый раз я увидела Татьяну Алексеевну в 1991 году, когда бывший партийный архив обкома КПСС присоединили к Государственному архиву Пензенской области, и мы вместе организовывали работу по приёму документов ликвидированных партийных организаций.

Вскоре она была назначена директором Госархива, вместо ушедшего на заслуженный отдых В. С. Година. Эта хрупкая женщина приняла на свои плечи такой огромный груз, и как мы впоследствии убедились, очень успешно справилась с этой ношей.

Татьяна Алексеевна была очень чутким и умным руководителем. Она сумела так организовать работу архива, что в течение многих лет учреждение работало как единый механизм, выполняя и перевыполняя плановые задания, принимая на хранение документы ликвидированных организаций, выдавая в огромных количествах справки, принимая в своих стенах многочисленных исследователей.

Т. А. Евневич очень любила книги. Благодаря ей научная библиотека архива ежегодно пополнялась изданиями по краеведческой и исторической тематике.

Татьяна Алексеевна являлась членом научно-методического совета Приволжского федерального округа. Она побывала во всех областях, входивших в состав федерального округа, и всегда обязательно посещала архив, изучала особенности работы в нём и старалась что-то из увиденного внедрить в работу нашего архива. Её выступления на совете всегда принимались с большим интересом. Её хорошо знали и с ней советовались сотрудники архивов соседних с нами областей.

Она обладала поистине энциклопедическими знаниями в области краеведения, хорошо знала состав документов, хранящихся в архиве, могла дать консультации исследователям по любой теме.

Вне работы она оставалась простым человеком, искренне любящим свою семью, имеющим свои увлечения. Одним из таких увлечений был

ежегодный поход за грибами. Она очень любила осенний лес, поэтому и отпуск всегда брала осенью, чтобы спокойно походить, пособирать грибы. Чаще всего она ездила в лес под Никоново, знала там все грибные места. Она всегда удивительно интересно рассказывала про грибы, знала много рецептов их приготовления.

---

*С. В. Зелев, научный сотрудник
Пензенского государственного
краеведческого музея*

Вспоминаю о Т. А. Евневич...

С Татьяной Алексеевной Евневич я познакомился вскоре после своего прихода в пензенское краеведение. Это был 2005 или 2006 г. Первой встречи с ней я, к сожалению, не помню, но весь период нашего знакомства, вплоть до её ухода с должности директора Государственного архива Пензенской области (ГАПО), вошёл в мою память как время оказания помощи с её стороны в поисках материалов по истории пензенского православия. Основные качества Татьяны Алексеевны – профессионализм, отзывчивость, понимание, человечность, скромность. Будучи сотрудником, соответствующим занимаемому месту и положению, она помогала всякому обращающемуся к ней за помощью, невзирая на чины, ранги или их полное отсутствие. Причём делала это спокойно и непринуждённо: принимала в кабинете, выслушивала проблему, консультировала, потом снимала трубку телефона и давала распоряжения подчинённым. И всё же особо Татьяна Алексеевна относилась к историкам-исследователям, краеведам, покровительствовала им. Её желание помочь, участливое отношение, наконец, доверие очень чувствовались, придавали нам сил, уверенности, азарта в поисках.

В этом отношении хочется отметить эпизоды, связанные с моей работой в архиве. Всем известно, что в фондах ГАПО имеются дела с ограниченным доступом, в этих случаях можно было достаточно спокойно получить разрешение на их выдачу у Татьяны Алексеевны, заручившись её подписью в листе заказов. А если дело находилось на спецхране, она порой лично поднималась в хранилище и выдавала документы. С особым трепетом мы получали из сейфа в её кабинете рукопись братьев Холмогоровых, чтобы разобраться в ранней истории пензенских церквей. Если нужно было поехать в какой-либо архив, то Татьяна Алексеевна давала ценные рекомендации и напутствия. Так, собираясь в Государственный архив РФ (Москва), именно от неё узнал,

что при том архиве есть относительно дешёвая и удобная гостиница. С тех пор, приезжая в столицу, останавливаюсь только в ней. Лет 10 назад мне пришлось работать в очень непростом архиве Астраханской области, и здесь снова её участие: директором этого архива была её однокашница по институту. И, конечно, главным вспомогательным моментом стало получение разрешения директора на фотографирование, без чего большая исследовательская работа немислима. Ведь переписывание больших документов, разбор почерка в читальном зале занимали огромное количество времени и сил. Так вот, Татьяна Алексеевна, зная об этом, берегла здоровье и время тех, кто по-настоящему работал ради науки, ради памяти общества, так сказать.

Вся эта помощь, внимание очень трогали, хотелось отблагодарить её и весь архив в целом. В ответ на выражение моей словесной благодарности часто слышалось её: «Ну, вы книжечку-то нам принесёте?». И несли, несли не только плоды своих трудов, желая пополнить архивную библиотеку, отчитаться, – несли целые коллекции, ворохи ценных фотографий, личные архивы и даже архивы ликвидированных учреждений. Так хотели отблагодарить свою Alma mater. Так устанавливалась прочная дружба посетителей с архивом. А ведь пополнение архивных коллекций и фондов, наверное, одна из граф в отчётной документации, где должны быть прописаны поступления, не только систематически сдаваемые учреждениями. До сих пор с улыбкой вспоминается, когда после очередной передачи чего-то ценного Татьяна Алексеевна произнесла: «Ну, где ж вы всё это берёте-то?». Но в ГАПО сдавали материалы не только из благодарности; радители архивного дела считали, что только это учреждение действительно может и умеет хранить документы по всем правилам искусства. Когда речь заходила о неправильном хранении, пропаже или утрате тех или иных документов, здесь спокойствие и тихий нрав Т. А. Евневич прерывались – это была её боль, что, наверное, можно считать главным качеством архивиста, хранителя древностей, руководителя столь серьёзного учреждения. Мне кажется, за годы её работы, а это, в том числе, «лихие» 1990-е годы, архивом было спасено много чего хорошего.

Другой фронт работы директора архива – формирование и обучение коллектива. И здесь вполне оправдывается то мнение, что

моральный портрет руководителя можно составить по его подчинённым. Татьяна Алексеевна воспитала немало специалистов – воспитала их не только профессиональные, но и, не побоюсь сказать, нравственные качества, в частности, обращение с людьми. Она «задавала тон» работы всего учреждения, вот почему архив для нас, постоянных посетителей, стал домом, чем-то тёплым, невероятно интересным. Сюда, конечно, относится и её работа со студенчеством, интересные практические занятия в хранилищах, её лекции. Наверное, поэтому коллектив архива в последние годы пополнился молодёжью, среди которой есть большие умницы.

В своих частых выступлениях в СМИ и на различных мероприятиях Татьяна Алексеевна рассказывала о функциях архива, составе фондов, о том, кто и с какой целью в него обращается. Благодаря этим её выступлениям в обществе возрос небывалый интерес к истории, в частности, к истории своей семьи, малой родины, а сам архив стал весьма популярен и, насколько мне известно, по рейтингу архивов состоит в числе лучших по работе с населением.

Подводя итог этим кратким воспоминаниям, хотелось бы отметить, что за весь период совместной работы с Татьяной Алексеевной Евневич мне не довелось услышать о ней не единого плохого мнения или хотя бы слова – а это, пожалуй, главный показатель работы и жизни всякого человека. Татьяна Алексеевна была верующим человеком (в её кабинете стояли иконы, духовенство работало в читальном зале беспрепятственно), поэтому мы пожелаем упокоения её душе и будем молиться об этом.

В. В. Кондрашин, д.и.н., профессор,
руководитель Центра экономической истории
Института российской истории РАН,
заведующий кафедрой «История России
и методика преподавания истории»
ФГБОУ ВО ПГУ

**Татьяна Алексеевна Евневич – ангел-хранитель
пензенских историков и краеведов**

Только после безвременной кончины этого замечательного человека стало понятно всем, причастным к изучению истории земли Пензенской, какую невосполнимую утрату они понесли...

Время директорства Т. А. Евневич в Государственном архиве Пензенской области – это, может быть, самый благоприятный для исследователей период работы в читальном зале архива. Его двери были не только открыты всем, но и каждый интересующийся историей Пензенского края посетитель ГАПО мог получить квалифицированную консультацию у его директора. В данном контексте Татьяна Алексеевна Евневич сочетала в себе редкие качества: прекрасного администратора и тонкого знатока не только архивных фондов, но и конкретно-исторической информации, содержащейся в архивных документах. Она была в курсе всех новаций в пензенском краеведении, живо интересовалась его новинками, а также выходящими в регионе и за его пределами трудами пензенских историков. В частности, я очень благодарен Татьяне Алексеевне за её внимание к моей скромной персоне. Она всегда посещала организованные при поддержке коллег из ПГПУ имени В. Г. Белинского (а затем ПГУ) презентации моих книг в Музее имени В. О. Ключевского. Я считал за честь подарить ей в числе первых очередную, только что вышедшую свою книгу.

Феномен профессионализма Татьяны Алексеевны Евневич объяснялся не только её личными качествами (талантом организатора, знатока отечественной истории), но и полученным в своё время классическим образованием в альма-матер подавляющего большинства

современных архивистов старшего поколения – Историко-архивном институте. Причём в их среде Т. А. Евневич пользовалась несомненным авторитетом, именно как профессионал. В этом я убедился в ходе бесед с нынешним руководителем Федерального архивного агентства (Росархива), сокурсником Т. А. Евневич Андреем Николаевичем Артизовым, во время которых затрагивалась её личность.

Из личного опыта общения с Т. А. Евневич хотелось бы подчеркнуть ещё одну её черту – уважительное отношение к людям, в том числе к многочисленным просителям по поводу стажа прежней работы, различных семейных историй и дел. Она всегда была спокойна, корректна, внимательно выслушивала обратившегося к ней человека лично или по телефону, старалась сразу же дать нужный совет. Это был образцовый администратор, лучший директор Государственного архива Пензенской области на моей памяти. Я с уверенностью говорю об этом, поскольку работал над документами ГАПО в читальном зале архива, начиная с 1978 г.

Особенно активно мне пришлось общаться с Т. А. Евневич в рамках различных научных проектов, которые были организованы мною при её поддержке и участии. Следует особо подчеркнуть, что Татьяна Алексеевна очень хотела делать в архиве большую и настоящую науку, зная огромный и уникальный потенциал архивного фонда ГАПО. Как истинный знаток своего дела, она понимала важность публикаторской деятельности в архиве, взаимодействия архивистов с историками-профессионалами. Я видел, какую радость доставляло ей извлечение из документов новых знаний, фактов по истории Пензенского края, ранее неизвестных краеведам и широкой общественности. С какой любовью она демонстрировала мне и моим коллегам редкие документы, фотографии, рассказывала о них. С ней было легко и интересно, потому что она знала, как никто другой, историю региона в документах, не демонстрируя при этом своего превосходства перед другими исследователями, не кичась имеющимися званиями и наградами.

В полной мере лучшие качества Т. А. Евневич как директора архива и исследователя проявились во время её работы над организованным мною проектом «Документальная история Пензенского края». Несколько лет мы выявляли в ГАПО и готовили к печати доку-

менты на тему «Пензенская губерния в годы Первой мировой войны». Я убедился в высочайшем профессионализме Татьяны Алексеевны как археографа. Она осуществила археографическую обработку огромного массива документов, вошедших в два тома документальной серии общим объёмом более 100 печатных листов, увидевшей свет в 2014 г. (Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 – март 1918: В 2 кн. Кн. 1: 1914–1916 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага: Vedecko vydavateľske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. 544 с.; Кн. 2: 1917 – март 1918 / отв. сост. В. В. Кондрашин. Прага: Vedecko vydavateľske centrum «Sociosfera-CZ», 2014. 596 с.). В данном издании Т. А. Евневич – член редакционной коллегии, один из ответственных составителей, автор археографического предисловия, соавтор предметно-тематических и именных комментариев.

В 2015–2017 гг. при активнейшем участии Т. А. Евневич велась работа над очередным томом серии «Документальная история Пензенского края», посвящённом истории региона в годы Гражданской войны. Первая книга тома о событиях в Пензенской губернии в 1918 г., объёмом 70 печатных листов, была сформирована из документов ГАПО. Их выявление и археографическую обработку, наряду с другими участниками проекта, осуществила Татьяна Алексеевна. К сожалению, по разным причинам этот труд не был опубликован.

В рамках работы над проектом «Документальная история Пензенского края» я в очередной раз убедился в правоте старинной русской пословицы: «Каков поп, таков и приход». Т. А. Евневич сумела собрать вокруг себя замечательный коллектив единомышленников-профессионалов, которые, так же как и она, знали архивные фонды, могли глубоко и всесторонне осмыслить важнейшие аспекты изучаемой проблемы, любили своё дело и были на своём месте.

Для меня, как и для большинства моих коллег, стало потрясением известие о болезни Т. А. Евневич и о её уходе с поста директора архива. Единственное, что несколько смягчило ситуацию, это назначение на её место достойного преемника, ученика и коллеги П. В. Кашаева.

Во время болезни Татьяны Алексеевны я общался с ней по телефону. Тогда она дорабатывала текст сборника документов ГАПО по истории Пензенского края в годы Гражданской войны. Его публикация станет данью памяти прекрасному архивисту и человеку, ангелу-хранителю пензенских историков и краеведов.

---

*Д. Ю. Мурашов, к. и. н., учёный секретарь
Пензенской областной библиотеки
им. М. Ю. Лермонтова*

Творческое наследие Татьяны Алексеевны Евневич

В октябре 2018 года умерла Татьяна Алексеевна Евневич, руководитель Государственного архива Пензенской области (1991–2016), замечательный архивист, исследователь и краевед. Она возглавила главный архив региона в ноябре 1991 года, когда в стране менялся не только политический строй, но и общественная система. Старый, привычный для многих поколений советских людей мир социализма уходил. Формировалась новая «капиталистическая» реальность, в которой следовало жить и работать. «Все архивы перешли на условия нового хозяйствования, получили юридическую самостоятельность: собственный расчётный счёт, свою печать и право зарабатывать деньги, – вспоминала Татьяна Алексеевна, – в 1991 году был августовский путч и в сентябре вышел указ президента о ликвидации архивов госбезопасности и партийных архивов и передаче их в систему государственных архивов»¹. В государственный архив поступили материалы из областного партийного архива, архивов районных комитетов компартии, дела бывших советских военнопленных (27 тысяч) из архива КГБ. Со всеми надо было работать: «посмотреть, подшить, пронумеровать»², а где-то и снять гриф секретности. Эту работу делал коллектив госархива под руководством Евневич. Поэтому архив Пензенской области нового времени от его фондов и до режима работы (вынося за скобки общепринятые нормативы) – творение ума и рук Татьяны Алексеевны. Она жила архивом и для неё он был не просто местом работы, но и её вторым домом. Евневич знала архив досконально и всегда с теплотой говорила о своих коллегах-архивистах: «За документами архива стоят люди не только создавшие их, но и те, кто бережно извлекал их из подвалов, с чердаков, спасал от гибели не только в чрезвычайных ситуациях, но и, что скрывать, от пренебрежительного отношения к ним современных чиновников. <...> Труд архивиста малозаметен, но никакие звания не сравнятся с удовольствием знать всё и обо всех»³.

Татьяна Евневич была не только директором, она была исследователем. И прекрасно осознавала важную роль архивных документов, как при ведении научных работ, так и в сохранении национальной памяти. Интерес к науке появился у неё во время учёбы в Московском историко-архивном институте. Из-под пера Т. А. Евневич вышли работы по истории Пензенского края, она участвовала в издании сборников документов по её отдельным страницам. Со временем, возможно, это наследие станет предметом специального изучения. Сейчас же стоит сделать несколько набросков, обозначить тему.

Отдельных, персональных, монографий у Т. А. Евневич нет. Она – соавтор двух коллективных монографий. Первая написана совместно с директором издательского центра «Литера» Владимиром Лакодиным – «Финансы – это главный рычаг стабилизации общества. Из истории финансовых органов Пензенской области» (Пенза, 2002). В ней на богатом архивном материале прослежен путь финансовой системы края с начала XVIII по конец XX века. Вторая работа – «Очерки истории города Заречного» (Пенза, 2013). Татьяна Алексеевна входила в коллектив авторов, представивших историю закрытого города с древнейших времён и до наших дней. Возможно, простая нехватка времени, связанная с административной работой, не позволила Евневич стать автором монографий только под своим именем. Поэтому как исследователь Татьяна Алексеевна раскрывала себя в статьях – её любимом жанре научного творчества.

Здесь на первом месте была тема Великой Отечественной войны (Татьяна Евневич по зову сердца работала над 12 томом «Книги Памяти» Пензенской области)⁴. Как шла эта сложная работа, она рассказала в статье «Поиск имён воинов, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны»⁵. Татьяна Алексеевна говорила об особенностях работы с источниками, содержащими информацию о боевых потерях, подчеркнула необходимость их критического восприятия. «Что такое подлинный документ о потерях в годы войны? – писала она. – Зачастую это списки, составляемые в военно-полевых условиях, когда не всегда предоставлялась возможность уточнить какие-либо данные. Встречаются ошибки в написании фамилий, отчеств, и наиболее

частые – в географических названиях. Действительно, человеку, никогда не бывавшему, например, в Пензенской области, правильно воспроизвести на бумаге название не только населённого пункта, но и района очень трудно, поэтому приходится часто догадываться, что Шамшинский район – это Шемышейский и т.п.»⁶. Свою статью Татьяна Евневич завершала словами: «Установить на сегодняшний день, сколько человеческих жизней стоила победа над фашисткой Германией, никто не может, и чем больше времени проходит, тем меньше шансов узнать правду. Однако терять надежду на то, чтобы узнать, что стало с отцами, дедами и прадедами, павшими в боях за родину, не следует, ведь поиск имён не вернувшихся с войны продолжается, и, возможно, что кто-то всё же узнает о судьбе близкого им человека»⁷.

В своих работах, опубликованных в краеведческих сборниках, журналах «Краеведение» и «Пензенское краеведение», в редколлегию которых Евневич входила, она освещала историю пензенских ярмарок, жандармерии, местного дворянства и чиновничества⁸. Татьяна Алексеевна не раз публиковала статьи о фондах возглавляемого ею архива, призывая исследователей активнее их использовать⁹. Двенадцать статей Т. А. Евневич находятся в первом издании «Пензенской энциклопедии» (две из них в соавторстве). Она приняла участие и во втором издании энциклопедии, которое выйдет в 2019 году.

Особо следует остановиться на двух статьях Т. А. Евневич, посвящённых пензенским страницам в биографиях Владимира Зазубрина и Александра Керенского. Первый – известный писатель, автор первого советского романа о гражданской войне «Два мира». Второй – премьер-министр Временного правительства, стремившийся довести Россию до Учредительного собрания.

Чуткая к правде истории, Татьяна Евневич болезненно воспринимала работы биографов, которые игнорировали архивные материалы. Статьи о Зазубрине и Керенском – это попытка показать бесперспективность такого пути. Говоря о биографии Зазубрина, написанной сотрудником журнала «Сибирские огни» Владимиром Яранцевым, Т. А. Евневич замечала: «К сожалению, описывая жизненный путь Владимира Зазубрина, автор исследования совершенно не остано-

ливается на детских годах писателя. В силу каких-то обстоятельств этот период жизни Зазубрина Яранцеву, да и другим исследователям творчества писателя, практически неизвестен. Между тем документы Государственного архива Пензенской области позволяют в некоторой степени рассказать о детстве писателя. Надо только помнить, что в то время он носил фамилию Зубцов»¹⁰. И дальше – блестящее исследование о юных годах писателя, с подтверждённым фактом его рождения в Пензе. Также – о рождении в Пензенской губернии отца Керенского. Евневич убедительно показала на основе архивных документов, что Фёдор Михайлович Керенский никак не связан с городом Керенском (ныне Вадинск), а родился он в селе Керенка Городищенского уезда, что Никольского района. До исследования Татьяны Евневич документальных подтверждений данного факта не было. На материалах пензенского архива Татьяна Алексеевна выявила родство отца Александра Керенского и Василия Ключевского. Родная сестра Ключевского Елизавета была замужем за двоюродным братом Фёдора Керенского – Иваном Вирганским¹¹.

Цена документальную правду истории, Татьяна Евневич участвовала в проектах, благодаря которым осуществлялось издание документов по истории Пензенского края. В основе этих проектов находились документы из фондов Государственного архива Пензенской области. В хронологическом порядке публикуемых документов это сборники: «Снабдить ... для умножения порядка всякого...» (Из истории управления Пензенским наместничеством) (Пенза, 2008); «“Зовёт к Отечеству любовь...”: Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года» (Пенза, 2011); «Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 - март 1918», кн. 1–2. (Прага, 2014). Каждая из книг уникальна, так как вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся архивные документы. В первых двух изданиях Евневич являлась ответственным редактором и ответственным составителем соответственно, в последнем – одним из семи составителей и автором археографического предисловия. В предисловии она особо отмечала, что «идеологическая составляющая при отборе документов к публикации отсутствовала, составители стремились представить в сборнике

документы всех общественных и политических направлений, существовавших в Пензенской губернии в указанный период»¹². Сборники «Снабдить ... для умножения порядка всякого» и «Зовёт к Отечеству любовь» стали одними из победителей всероссийского конкурса работ архивов. При поддержке Т. А. Евневич вышло репринтное издание трудов Ивана Тихомирова, уроженца Пензенского края, автора научных работ по его колонизации. Долгое время имя историка находилось в забвении. Составитель сборника Александр Волков говорил о выпуске книги как исключительно «решении» Евневич¹³. Директор архива считала его важным и необходимым.

По инициативе Татьяны Алексеевны увидели свет и сборники фотокопий документов из возглавляемого ею архива, посвящённые событиям и людям Пензенского края. В каждом из них она была ответственным составителем. Эти сборники охватывали широкий круг тем: создание Пензенской области, боевой путь сформированной на пензенской земле 354-й стрелковой дивизии, литературную палитру края, биографии его выдающихся представителей. Главный посыл каждого сборника – «приходите в архив, изучайте документы, в них живёт настоящая история»¹⁴.

Одним из любимых историков Татьяны Евневич был Василий Осипович Ключевский. За два года до смерти она была в составе пензенской делегации на кладбище Донского монастыря на могиле историка. Тогда, в январе 2016, стараниями земляков на ней наконец-то был поставлен новый памятник. В каком-то магазине Москвы Татьяна Алексеевна купила книгу Ключевского. Это были его исторические портреты (точнее, их очередное переиздание). Евневич сказала, что хочет перечитать их. Сегодня я беру эту книгу и по несколько раз читаю её первые слова. Они, разумеется, не о Татьяне Евневич, но мне кажется, что о ней: «Говорят, лицо есть зеркало души. Конечно так, если зеркало понимать как окно, в которое смотрит на мир человеческая душа и чрез которое на неё смотрит мир. Но у нас много и других средств выражать себя. Голос, склад речи, манеры, причёска, платье, походка, всё, что составляет физиономию и наружность человека, всё это окна, через которые наблюдатели заглядывают в нас, в нашу душевную жизнь.

И внешняя обстановка, в какой живёт человек, выразительна не менее его наружности. Его платье, фасад дома, который он себе строит, вещи, которыми он окружает себя в своей комнате, всё это говорит про него и прежде всего говорит ему самому, кто он и зачем существует или желает существовать на свете. Человек любит видеть себя вокруг себя и напоминать другим, что он понимает, что он за человек»¹⁵.

Лицо Татьяны Алексеевны Евневич – это, конечно, зеркало её души, но и книги, статьи, созданные Евневич, несомненно, – тоже прямой путь к ней. Окно в её богатый внутренний мир, оценённый всеми, кто был с ней знаком, и с которым теперь можно вести диалог, не ссылаясь на лимит времени.

Примечания

1. Евневич Т. «Не верьте тому, что написано в книгах» // Улица Московская. 2017. 20 января. С. 11; См. также: Евневич Т. «Работников архива можно охарактеризовать одним словом – энтузиасты» // Пензенские вести. 1996. 10 сентября. С. 3.

2. Евневич Т. «Не верьте тому, что написано в книгах». С. 11.

3. Евневич Т. Помалкивая, помнят письма // Пензенская правда. 2010. 16 марта. С. 15.

4. Двенадцатый том «Книга Памяти» размещён на сайте ГАПО – государственного архива Пензенской области.

5. Евневич Т. А. Поиск имён воинов, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны // Моя малая родина. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Пенза-Степановка, 2013. Вып. 11. Другие статьи (как пример) Т. А. Евневич о Великой Отечественной войне: Евневич Т. А.: «Пензенская область в первые месяцы Великой Отечественной войны. По материалам ГУ «Государственный архив Пензенской области»)» // От Великой Победы – к Великой России: историческая память и будущее России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Пенза, 2010; Евневич Т. А. Организация бытового устройства эвакуированного в Пензенскую область населения в Великую Отечественную войну // Пензенское краеведение. 2015. № 2.

6. Евневич Т. А. Поиск имён воинов, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны. С. 102.

7. Там же. С. 105.

8. Евневич Т. А. Из истории ярмарок города Пензы // Записки краеведов. Пенза, 2004; Она же. Торговые обороты ярмарок г. Пензы конца XVIII- начала XX в. (по документам ГБУ «Государственный архив Пензенской области») // Городское пространство в исторической ретроспективе. Пенза, 2013; Она же. Из истории пензенского чиновничества // Пензенское краеведение. 2016. № 1; Она же. Последние дни Пензенской жандармерии // Краеведение. Пенза, 2000; Она же. Был ли Дюма в Пензе? // Краеведение. Пенза, 1999. № 2.

9. Евневич Т. А. История русской православной церкви в документах Государственного архива Пензенской области // Краеведение. Спецвыпуск к 200-летию Пензенской епархии. Пенза, 1999; Она же. Личные фонды музейных работников в ГБУ «Государственный архив Пензенской области» // Пензенское краеведение. 2016. № 3.

10. Евневич Т. Пензенские корни Владимира Зазубрина // Парк Белинского. 2014. № 2. С. 187.

11. Евневич Т. Пензенские корни Александра Керенского // Парк Белинского. 2012. № 1. С. 192–193.

12. Пензенская губерния в годы Первой Мировой войны. 1914 - март 1918. Пенза, 2014. Кн. 1. С. 68.

13. История Пензенского края XVII–XVIII веков в трудах И. А. Тихомирова. Пенза, 2017.

14. Пензенская область. Первые годы: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2014; Хрустальная радуга Никольска: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2014; «Родник судьбы его – Тарханы...»: к 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2014; Первая мировая война в документах и фотографиях: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2014; На родине Куприна: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2015; 354-я стрелковая дивизия: боевой путь: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2015; Пенза литературная: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2015; В. О. Ключевский и Пензенский край: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2016; Важнейшее из искусств: из фондов Государственного архива Пензенской области. Пенза, 2016.

15. Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1991. С. 29.

Государственный архив Пензенской области и его люди

С января 1979 года по ноябрь 1982 мне выпало счастье работать в Государственном архиве Пензенской области. В то время он располагался в перестроенном здании Спасо-Преображенского собора, в Гоголевском переулке. В чём же заключались эти чудесные годы, в чём состояло их счастье? Прежде всего – в людях, сотрудниках архива. Это были настоящие служители своего дела, честные и добросовестные. Среди них выделялись своей общей и специальной эрудицией такие незаурядные личности, как Евгений Ярополкович Дмитрук, Вячеслав Степанович Годин (директор), Евгений Васильевич Колеганов – к сожалению, отошедшие в вечность; а из моих ровесников – Сергей Львович Шишлов. О каждом из них можно было бы сказать много хороших слов. Но и представители молодого поколения мало чем уступали «корифеям», и среди молодых специалистов особо выделялась Таня Филина, за её плечами было окончание знаменитого Историко-архивного института.

Что и говорить, в этом отношении у Татьяны было преимущество: она смотрела на рабочий процесс с высоты знаний, полученных в самом авторитетном вузе страны, если иметь в виду специальность. Я же, например, выглядел как самоучка, постигая азы архивной работы больше практически, чем теоретически. Мне в то время казалось, что Татьяна чувствует своё преимущество, но тактично не выставляет его на первое место. Это была симпатичная девушка с вдумчивым выражением лица, умевшая внимательно выслушать собеседника. Казалось, что даже тогда, когда по какому-либо вопросу, особенно «общественному», она принимала сторону большинства, то это всё же была именно её позиция, обдуманная и рационально взвешенная. Ей в те далёкие годы не были чужды эмоции, но они, думаю, не подавляли в ней рациональности.

Начальник отдела, в котором работала Таня, – Александр Сергеевич Корнеев – не мог нарадоваться такой знающей добросовестной сотруднице, серьёзно подходящей к каждому заданию.

В разговорах обычных, не касающихся архивных дел, Татьяна всегда выступала патриотом своего города: очень нравился ей Заречный...

Семейные обстоятельства вынудили меня оставить коллектив, где всегда чувствовалось дружество, даже и при полемических замахах – что же, не без этого. Я встретился с Таней, тогда уже Татьяной Алексеевной Евневич, через солидный временной промежуток – более 20 лет спустя. Она занимала пост директора, а мне нужно было отыскать сведения, касающиеся семьи моего друга. Я начал было официально, известно ведь, как часто должность меняет человека, но тут же был остановлен, и официоз больше никогда не присутствовал при деловых встречах. Этих встреч было немного, но Татьяна Алексеевна всегда была искренне рада помочь музею-заповеднику М. Ю. Лермонтова «Тарханы» всем, что только было в её силах. Наши сотрудники, в том числе и я, всегда были обеспечены обширной документальной базой для работы. Через архив распространялись и некоторые музейные издания...

Что и говорить, потеря такого отзывчивого, добросовестного и умного человека невосполнима ни для семьи, ни для коллектива, ни для общественности, и не только Пензенской. Такие люди встречаются не часто, и нашей нравственной обязанностью и долгом является сбережение их от беспамятности, неблагодарности и забвения.

---

*Л. В. Рассказова, кандидат культурологии,
главный хранитель Объединения
государственных литературно-мемориальных
музеев Пензенской области*

Уютный человек

Татьяну Алексеевну Евневич я узнала в 1979 году, когда поступила работать в пензенский госархив. Тогда она была Таней Филиной, пришедшей в архив годом раньше после окончания Московского архивного института. О её специальном образовании (диплом архивиста тогда имели только двое – она и Л. В. Комолова, впоследствии главный хранитель архива) говорили с уважением.

Тогда архив располагался в здании Преображенского храма, сотрудники сидели в пристрое, а хранилища документов были непосредственно в храмовых стенах, и я с интересом ходила туда с разрешения хранителей смотреть на лики святых, с укором взиравших на нас через пространства между полками стеллажей с архивными коробками. Директором архива был замечательный и легендарный Вячеслав Степанович Годин. Старые краеведы помнят удивительные дискуссии, завязывавшиеся в читальном зале, с участием Д. Я. Дмитрука, Е. В. Колеганова, С. Л. Шишлова; их, без преувеличения, блистательные консультации. Там витал дух доброжелательности, постоянного интереса к работе друг друга, добродушного подшучивания. Жил тогда архив тесно и как-то патриархально, только начинали говорить о неизбежном переходе в новое здание. Таня (так я звала её до последних дней, мы с ней ровесницы), насколько я помню, работала в отделе ведомственных архивов. Окружение взрослых семейных женщин с их хозяйственными проблемами было ей скучновато. Другое, молодое настроение – воспоминания об институте, разговоры о прочитанных книгах и просмотренных кинофильмах – бывало у нас в совместных поездках в колхоз (хотя там было несладко), в походах на овощебазу, выездах на уборку лука и заготовку веточного корма. Таня с удовольствием рассказывала о студенческих годах, о своих сокурсниках, типичные разговоры о «смешных случаях

на уроках». О профессиональных её качествах я не могла тогда судить. Вспоминаю, что на зональное ведомственное совещание архивистов в Казань мы с ней ездили вместе с В. С. Годиным и Е. Я. Дмитруком – признанными архивистами-профессионалами.

В 1983 году я перешла на работу в Объединение литературных музеев и позже стала приходить уже как исследователь в новое здание на улице Дзержинского к Т. А. Евневич – директору архива. Помимо архива часто встречались в составе жюри конкурсов, на презентациях краеведческих изданий, на юбилеях. Мы не были близкими подругами, поэтому наши разговоры – всегда о деле, о работе, о подготовке изданий, мероприятий, выставок, о поиске новых фактов и т.д. Именно так я узнала о поступивших в архив документах о писателе Р. Б. Гуле от его племянника, и Таня переслала в Литературный музей их копии. Вместе мы радовались, что пензенские архивисты нашли метрическую запись о рождении Р. Б. Гуля именно в Пензе, хотя в его автобиографии написано, что он киевлянин по рождению. К двухсотлетию юбилею В. Г. Белинского сотрудники архива выявляли документы о его жизни в нашем крае – и об этом я узнала от неё, и мы вместе обсуждали, что нам необходимо скопировать, а что уже использовано П. Ф. Максяшевым в его работах о великом критике. Она же знакомила меня с совсем малоизвестными писателями (но и они – часть нашей истории), связанными с Пензой. Она щедро и с готовностью делилась своими знаниями, радуясь, что «архивы помогают людям».

В источниках она ориентировалась превосходно. Я всегда поражалась её знанию архивных дел. Как кажется, о чём ни заведи разговор – она только вчера читала необходимые документы и легко называла фонды, где может быть нужная информация. Когда за административной работой она это успевала? Только по большой любви к архивному документу можно было всё так помнить и заинтересованно собирать. Ещё когда я начала работать в архиве, одним из моих первых потрясений было то, что краеведение – это далеко не основное, чем занимается это учреждение. Я-то по простоте душевной думала, что ради краеведческих разысканий и архивы построены, и документы собираются. Оказалось, что занятие краеведением чуть ли

не хобби для архивистов. В Пензенском архиве таких «любителей» было много, начиная с Вячеслава Степановича. Таня сохранила эту традицию и приумножила. Она всегда с готовностью входила в редколлегии и рабочие группы по выпуску краеведческих сборников любого уровня и профиля: музейных, университетских, архивных. Более того, многие архивные издания были инициированы ею. Она подавала заявки и выигрывала гранты. Вместе с сотрудниками выявляла документы, проводила их археографическую обработку, писала предисловия от редакции, чуть ли не сама набирала, вычитывала, составляла комментарии и примечания. Многие из них у меня всегда под рукой.

Хотя я и не работала под её руководством, полагаю, по многочисленным отзывам сотрудников и коллег из других городов, что администратором она была хорошим. Именно у неё я впервые увидела флэшку (тогда ещё пользовались дискетками), она с увлечением показывала, как ей пользоваться и как это удобно. О её вкладе в оцифровку документов, в создание электронной базы документов, научно-справочного аппарата, в организации реставрационной службы полнее расскажут её коллеги. На посту директора ей, конечно, было нелегко, а местами и горько. Особенно, когда пренебрегали или не понимали значение архивной службы, когда оперировали недостоверными фактами – здесь она была беспощадна в доказывании справедливости и исторической правды.

Став толковым организатором, она осталась подлинным, заинтересованным, въедливым исследователем с научным складом ума. Редкое, если не редчайшее сочетание качеств. Научная (а не административная) основательность проявлялась у неё всегда. Часты были звонки: «Мы тут готовим сборник, может быть, у вас в музее есть материалы?»; или: «К нам приехал исследователь из Казани (Москвы, Санкт-Петербурга, Самары, Саранска и т.д.), у него такая-то тема. Я ему назвала источники, может быть, и у вас что-нибудь есть? Он бы подъехал»; или: «Если ты знаешь, я передам ему трубку» – последнее означает, что исследователь сидит у неё в кабинете и получает профессиональную и точную консультацию, с чего начать архивный поиск. Являясь сама многознающим специалистом, она щедро делилась своим знанием документов практически с каждым. Сколько же Таня проводила экскурсий

по архиву, лекций, занятий, рассказывая школьникам, студентам, учителям о методах работы с документами, о важности правильной их интерпретации и проч. И мне она оказала бесценную услугу, указав на интереснейший источник по истории усадеб: «Посмотри такой-то фонд. Я его просматривала, там так много про усадьбы, и, кажется, никто ещё не увидел». Иногда она позволяла себе иронизировать в узком кругу по поводу новоявленных исследователей, приходящих с твёрдым убеждением, что всегда есть некий один документ или папка, где сразу описана вся история их родного селения, школы, района. Они не готовы были к чтению груды дел по принципу, хорошо сформулированному Маяковским по другому поводу: «В грамм добыча, в год труды. Изводишь единого слова (в нашем случае – даты, факта) ради тысячи тонн словесной руды».

У пензенского архива было (и пока сохраняется) своё лицо – и здесь ещё одна её заслуга. Особенно это становилось удивительным на фоне стремительной коммерциализации в «оказании услуг», как стали именовать деятельность бюджетных учреждений. Все исследователи в стране знают, что в нашем архиве всегда пойдут навстречу, если ты из другого города и приехал ненадолго: выдадут документы больше положенного лимита, сразу же, а не на второй-третий день (это распространяется и на «родных» краеведов), позволят задержаться в читальном зале вплоть до «последнего пика», обязательно куда-то приютят, когда зал уже переполнен и свободных мест нет, и проч. Уважение к исследователю, к его научным интересам, к его труду – пусть он не офит и только начинает – золотое правило пензенского архива. И как приятно, бывая на всероссийских конференциях, слышать от коллег: «У вас такие люди в архиве! Мне так помогли!».

Пытаюсь охарактеризовать её человеческие качества, и на ум приходит слово «уютная», «уютный человек». Профессиональный, знающий, ответственный, надёжный и бесконечно преданный архивному делу. Вот уж для кого работа в архиве была не службой, а служением! Это чувствовалось сразу. Отсюда сразу же возникало доверие к сказанному и написанному ею, формировался её авторитет среди краеведческого и профессионального сообщества. Таков же стиль её краеведческих статей. Помню её сетования, впрочем, как и у всех

нас, что не хватает времени на эти статьи. И правда, их могло бы быть и больше, ведь в них абсолютно точная, достоверная информация, которой столь мало в нынешних краеведческих публикациях. Кстати, помню и её иронию по поводу некоторых «открытий».

Внешне неторопливая, выдержанная, надёжная, не навязывающая себя и свои проблемы, в чём-то смешливая – так приятно и уютно было находиться с ней рядом. Весть о её уходе с поста директора, а затем и из архива повергла в смятение, без преувеличения, всю краеведческую и научную общественность области. Тяжело болея, она и по телефону продолжала активно консультировать и помогать. На мои вопросы о болезни отвечала, опять-таки, иронически. И никто и не догадывался, что эта болезнь смертельна. До последнего она писала статьи для нового издания Пензенской энциклопедии. Замечательным вкладом в изучение истории края и России стала её работа в уникальном проекте, инициированном доктором исторических наук, профессором В. В. Кондрашиным, – «Документальная история Пензенского края». Евневич была его заместителем. Первые два тома посвящены Первой мировой войне, 1914 – март 1918 (Прага, 2014). В очень короткое время была проделана огромная работа по отбору и археографической обработке документов. Здесь счастливо соединились какая-то фантастическая созидательная энергия и прямо-таки «чудовищная» работоспособность Виктора Викторовича и высокий профессионализм и ответственность Татьяны Алексеевны. Следующей должна стать книга «Пензенская губерния в годы Гражданской войны». Её подготовка затянулась в связи с переездом В. В. Кондрашина в Москву, его занятостью на новой службе, болезнью самой Татьяны Алексеевны. Этой работой она жила, до последних своих дней вычитывала и готовила сборник к печати. Он обязательно должен быть издан. Это наш долг, наша память о ней, залог того, что её служение истории продолжится вместе с нами.

О. А. Сухова, д.и.н., профессор,
декан историко-филологического факультета
ФГБОУ ВО ПГУ

Ломая стереотипы

---

6 октября 2018 года мы простились с Татьяной Алексеевной Евневич, директором Государственного архива Пензенской области, в течение четверти века возглавлявшей архивное дело в регионе. Из-за тяжёлой болезни Татьяна Алексеевна была вынуждена оставить работу несколько лет назад, и последним совместным нашим проектом стала работа над вторым изданием «Пензенской энциклопедии». Уход из жизни столь значимой для профессионального сообщества личности не мог никого оставить равнодушным: появилась трогательная статья в «УМ», состоялся мемориальный вечер памяти Т. А. Евневич в музее В. О. Ключевского. Ощущение невозможной утраты вновь и вновь заставляет размышлять о незавершённости её жизненного пути, по-настоящему подвижнической деятельности в деле поиска истины, содействия «открытию» горизонтов исторической информации, что проявлялось в публикациях результатов научных исследований, в реализации проектов по изданию уникальных документальных коллекций.

Однажды на одной из научных конференций, ещё в самом начале нашего знакомства с Татьяной Алексеевной, в разговоре с ней я узнала о том, что она закончила столичный историко-архивный институт, где система профессиональной подготовки разительно отличалась от нашего педагогического... И это было моё первое открытие удивительного человека, подвижника науки, эталона служения делу. Татьяна Алексеевна прекрасно владела информацией о системе государственного управления в российской истории, о функционале и иерархических связях каждого её звена. Это позволило систематизировать работу архива, помогало в её научных поисках. Я неоднократно обращалась к ней за консультацией и для написания научной статьи, и в преподавании курса по истории государственного управления в нашем университете. Её опыт оказался неоценим и в процессе работы над вторым

изданием «Пензенской энциклопедии». Чёткость формулировок, исчерпанность информации о наместничестве, о системе местного управления в губернии при лаконичном её оформлении – служили прекрасным образцом научного стиля в написании исследовательских текстов.

Татьяна Алексеевна была настоящим патриотом своей малой родины, понимала, какой урон имиджу пензенской исторической науки может нанести чрезмерная увлечённость поисками мнимых связей прославленных исторических деятелей с нашим краем. Она была всегда подчёркнуто корректна и объективна, не терпела фальшивого славословия в адрес «Великих земляков». Ещё в самом начале работы над вторым изданием «Пензенской энциклопедии» Татьяна Алексеевна позвонила мне и достаточно категорично обозначила свою позицию о включении в словник статьи о контр-адмирале В. И. Истоминоне как об уроженце Пензенской губернии. В ходе анализа записей в метрических книгах ей удалось доказать, что информация о его рождении в с. Ломовке Мокшанского уезда Пензенской губернии, кочующая из издания в издание, не находит своего подтверждения, а, следовательно, недопустимо публиковать недостоверные данные. В борьбе за историческую справедливость Татьяна Алексеевна также развенчала миф о постоянном пребывании П. А. Столыпина на Пензенской земле: по её сведениям был он здесь лишь один раз, да и то проездом. В то же время, она всегда подчёркивала необходимость изучения и популяризации информации о жизни и деятельности подлинных героев Сурского края, на сегодняшний день пребывающих в безвестности и несправедливо забытых.

Татьяна Алексеевна возглавила архив в крайне сложное время. Распад СССР и крушение власти КПСС predeterminedили структурную перестройку (прежде всего, речь идёт о статусе партийного архива), а последовавшая вслед за этим масштабная приватизация обернулась банкротством и закрытием сотен предприятий и организаций. К 2000-м годам сотни тысяч дел поступили на хранение в архив. Татьяна Алексеевна всегда с тревогой и сожалением говорила о том, что в ходе такого стремительного обвала многие коллекции документов будут навсегда утрачены для потомков, так как архивохранилища не смогут вместить весь объём документов.

Необходимо отметить прекрасные организаторские способности Татьяны Алексеевны: она всегда держала руку на пульсе самых последних технологий и методик работы. В условиях, когда с информатизацией страна явно запаздывала, благодаря волевым усилиям директора начинается оцифровка наиболее ценных архивных документов. И это ещё в начале 2000-х г., когда о программе перехода к цифровой экономике ещё не задумывались. В ежедневной организационной и творческой работе Татьяна Алексеевна всегда опережала своё время.

Отдельно хочется сказать о личностных качествах Татьяны Алексеевны: чрезвычайно располагал стиль общения руководителя организации регионального уровня. Неутомимый труженик, не прервавший ни на минуту творческих поисков в связи с назначением, она была рада общению и с профессором, и с рядовым исследователем, студентом, всегда готова прийти на помощь и словом, и делом. И это действительно подкупало. Имея доступ к святой святых исторической информации, она не стремилась к тотальному контролю, с лёгкостью раскрывая секреты архивных документов, следуя подлинной цели научных поисков – открытию правды о прошлом. В 2009 году мы вместе работали над разделами коллективной монографии по истории Заречного, работали в одной команде, и в процессе обсуждения выбора аспектов анализа, тех или иных документальных свидетельств Татьяна Алексеевна, будучи к тому же жительницей г. Заречного, никогда не стремилась показать своё превосходство, воспринимая собеседника равным себе, подчёркивая важность объединения усилий для достижения поставленной цели.

Долгие годы студенты педагогического университета приходили на летнюю практику в государственный архив и неизменно встречали здесь доброжелательное отношение и участие. Татьяна Алексеевна часто проводила экскурсии для студентов: по экспозиции, раскрывающей вехи развития архивной службы, по архивохранилищам, демонстрируя свою личную заинтересованность в формировании гражданской позиции подрастающих поколений.

Вспоминая Татьяну Алексеевну, невольно ловишь себя на мысли о том, что известный афоризм «Скромность – путь к забвению» не отражает всей полноты вариантов жизненного успеха. Память о человеке,

о его роли в истории формируется не дешёвым пиаром, не выпячиванием своего «Я», а оценками и личным отношением коллег и друзей, научными трудами и проектами. И это соответствует той великой цели, во имя которой жила и работала Татьяна Алексеевна Евневич – поиск и распространение всей правды о нашем прошлом, что служит верным залогом успешного усвоения исторического опыта.

Мои встречи с Татьяной Алексеевной Евневич

*Открытие мемориальной комнаты М. Н. Загоскина
в Рамзайской школе им. М. Н. Загоскина*

(Ленту разрезает профессор Пензенского педагогического университета
И. П. Щерблякин, сзади стоит Т. А. Евневич).

Несколько раз жизнь меня сталкивала с этим удивительным человеком. Впервые имя Татьяны Алексеевны я услышала на краеведческой конференции «Малая родина», которая проходила на базе школы в с. Степановке. Невысокая, хрупкая женщина с умным взглядом – это было моё первое впечатление. Дальнейшие встречи были связаны с событиями, о которых я и хочу рассказать.

В 90-е годы прошлого столетия начался новый всплеск краеведческого движения. Не обошёл он и нашу школу. К этому времени в программу пензенского образования был введён курс «История Пензенского края». Одновременно в программу школы были введены факультативы «История села Рамзай» и «Уроки М. Н. Загоскина». Оба исторических курса вела я. «Уроки М. Н. Загоскина» – Любовь Валериановна Мясникова. Работы было много. Огромные трудности я испы-

тивала при проведении занятий по истории села. Большим подспорьем в работе стал школьный музей, открытый в 1995 году на основе бывшей Комнаты Боевой и Трудовой Славы. Создавалась она на базе краеведческого материала, собранного учителями нашей школы В. П. Авдониной и А. М. Ивановым. Это были большие энтузиасты своего дела. Ими была проделана огромная работа. В музее хранился материал о революции 1905 года, коллективизации, Великой Отечественной войне, о рождении учебного хозяйства на базе нашего села и, конечно, о писателе-земляке М. Н. Загоскине. Но шли годы, появлялись новые документы, новые сведения, факты из истории села. Их нужно было собрать, проверить достоверность, систематизировать. Кроме этого в музее было два огромных ящика с фотографиями, многие из которых не были подписаны, и никто не знал, кто на них изображён. Нужно было разобрать все фотографии и по возможности подписать. С открытием музея возникла необходимость и в экскурсоводах.

С этой целью в школе был создан краеведческий кружок «Исток», куда вошли дети разного возраста. Они были поделены на группы, у каждой из них были своя работа и свои задачи. Одна группа занималась сбором материала по истории села, другая – по истории рода Загоскиных, которые жили на территории Рамзая с 1770 по 1918 год, а третья готовила и проводила экскурсии по музею. Кроме этого каждый ученик 8–9 класса получал на лето задание: записать воспоминания старожил (таких работ в итоге набралось более 100). Многие из этих записей позже легли в основу сборника «И вошла в мою жизнь война». На его презентацию были приглашены те, кто стал его героями.

Когда стали записываться рассказы местных жителей о прошлом Рамзая, стало понятно, что история рождения школы, больницы, детского приюта, садоводства и пчеловодства в селе тесным образом связана с Загоскиными. Тогда и возникла идея составить родословную этого рода и узнать как можно больше о его представителях, тем более что с 2000 года школа стала носить имя М. Н. Загоскина. Особое место уделялось тем, кто непосредственно был связан с Рамзаем. Начать мы решили с поиска герба этого дворянского рода.

Я отправилась в Пензенский краеведческий музей, как говорится – на разведку. Александра Васильевича Тюстина я знала всё по той же

«Малой родине». На мою просьбу откликнулся с большим энтузиазмом, но сразу предупредил, что в материалах о Загоскиных, которые есть в музее, он не встречал герба этого рода. Пообещал, что к следующему моему приезду подготовит имеющиеся в фондах документы. Александр Васильевич посоветовал нам обратиться в архив непосредственно к Татьяне Алексеевне, предварительно позвонил ей.

На втором этаже архива, в кабинете директора нас уже ждала Т. А. Евневич. Выслушав нашу просьбу, она достала с книжной полки книгу. Это была родословная Дворянских родов Пензенской губернии. Из неё мы узнали, что это один из древнейших и коренных дворянских родов Пензы. Загоскины занесены в 6-ю часть родословных дворянских книг Московской и Пензенской губерний. Кроме этого представители рода внесены во 2-ю и 3-ю часть родословных книг Калужской, Костромской, Курской, Новгородской, Орловской, Рязанской, Смоленской и Тверской губерний. Но герба Загоскиных в ней не было. Татьяна Алексеевна попросила нас с Александром подождать и куда-то ушла. Через несколько минут она пришла со стопкой книг в руках. И снова начался поиск. Она несколько раз кому-то звонила, что-то уточняла. В её кабинете мы просидели более часа, но безуспешно. Во время поисков я рассказала Татьяне Алексеевне, что занимаюсь не только Загоскиными, но и собираю материал по истории села. Она посоветовала мне взять у директора школы рекомендацию для работы в читальном зале архива (без рекомендации некоторые виды услуг были платные).

Когда я приезжала работать в архив, иногда заходила к Татьяне Алексеевне узнать, нет ли у неё что-то нового по Загоскиным. Чем дольше мы работали с детьми, (а мы часто приезжали в краеведческий музей, литературный музей, музей им. И. Н. Ульянова, музей больницы им. Семашко, библиотеку им. М. Ю. Лермонтова), тем чаще вставал вопрос о том, есть ли фотографии представителей этого рода? Ведь многие из них играли не последнюю роль в жизни Пензенской губернии.

Вот с этой проблемой я вновь отправилась к Т. А. Евневич. Но в Пензенском архиве мы ничего не нашли. И в этот раз Татьяна Алексеевна вновь даёт мне совет: обратиться в архивы других городов. Она попросила поделиться с пензенским архивом фотографиями, если такие найдутся.

Работа шла своим чередом. На основе подготовленного учителем литературы Л. В. Мясниковой материала о жизни и творчестве писателя-земляка М. Н. Загоскина и материала, собранного членами краеведческого кружка «Исток» по истории рода Загоскиных, в школе была открыта в 2002 году мемориальная комната писателя-земляка М. Н. Загоскина. На её открытие в Рамзайскую школу приехало огромное количество гостей. Среди них, конечно, была и Татьяна Алексеевна, которая передала в дар музею ксерокопию «Геометрического специального плана Пензенского наместничества и уезда сельца Рамзайки Загоскино тож с принадлежащими к нему всеми землями, которое во владении состоит подпоручика Николая Михайлова сына Загоскина, межевания учиненного в 1785 году октября 8 дня землемером подпоручиком Федором Некрасовым и по решению Пензенской межевой конторы споров межа окончена 1793 года апреля 1 дня»⁵.

На одной из стен зала расположено родословное древо рода Загоскиных, на его ветках стараниями членов кружка каждый год появляются всё новые и новые имена. Когда работа по сбору этого материала только началась, список состоял из 30 имён. На данный момент эта цифра увеличилась почти в 10 раз. И это результат кропотливого труда кружковцев, которыми были написаны и отправлены десятки писем в архивы, библиотеки, музеи и частным лицам в различные города нашей страны по совету Т. А. Евневич.

Несколько лет назад в школу пришло письмо из Казахстана. «Увидел в Internet информацию о вашем (В. Н. Филатова) докладе на НПК «История рода Загоскиных». Я, Протасьев Игорь Петрович, – правнук Любви Сергеевны Протасьевой (внучатая племянница М. Н. Загоскина). Мне очень интересна ваша работа».¹⁰ Любовь Сергеевна Протасьева – последний представитель Загоскиных, живший до 1918 года в Рамзае. Так завязалась переписка, из которой стало ясно, что Протасьевы после событий 1917–1920 годов проживали в Германии, Югославии, Египте и Франции, где похоронена и сама Л. С. Протасьева. Потомственная дворянка г. Пензы скончалась 15 ноября 1940 года во Франции, в г. Шелль. Позже от Игоря Петровича было получено более 20 фотографий и ряд очень ценных документов. Но показать эти фотографии и документы Татьяне Алексеевне, как она и просила, мы не успели.

1. Савин О. Императоры и губернаторы. – Пенза, 2006. С. 226.
2. Савин О. Пенза театральная. – Пенза. 2008. С. 70.
3. Пензенские губернские ведомости (ПГВ). 1864. № 39.
4. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 225. Оп. 11. Д. 168.
5. ГАПО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
6. Фонды школьного музея (ФШМ). Письмо Глаголева А. И. от 25 апреля 2003 г.
7. ФШМ. Письмо из музея истории Казанского университета от 14.12.2007.
8. ФШМ. Письмо из ГАИО от 21.12. 2004.
9. ФШМ. Письмо из ИРЛИ (Пушкинский Дом) от 15 апреля 2005.
10. ФШМ. Письмо И. П. Протасьева от 16.11.2009.

Статьи и публикации Татьяны Алексеевны Евневич
разных лет в авторской редакции

Материалы земской статистики в документах
ГУ «Государственный архив Пензенской области»

1 января 1864 г. император Александр II подписал Указ о введении в 34 губерниях России земского самоуправления, ведавшего делами местного значения - народным образованием, здравоохранением, продовольственным делом и другими экономическими и благотворительными мероприятиями. Многие из них были достаточно эффективны, но одним из замечательнейших наследий земства, несомненно, является земская статистика.

Внимание, уделяемое земствами к сбору всевозможных статистических сведений, не случайно, т.к. вопросы, решавшиеся земством, требовали ближайшего знакомства с условиями жизни своего региона, с динамикой происходящих в нём явлений и зависимостью этих явлений от тех или иных событий. Другим фактором, объясняющим столь пристальное внимание земства к статистическим исследованиям, являлось то, что финансовая деятельность земства опиралась исключительно на земские доходы, а основным источником этих доходов было земское обложение, поэтому анализ действительного экономического положения населения был крайне необходим при формировании этих самых доходов. Знание реального состояния культурного и образовательного уровней населения, состояния здравоохранения, продовольственного обеспечения и т.д. позволяло более эффективно планировать и осуществлять практические мероприятия земства.

Начиная с 1871 г. в земствах возникают специальные статистические организации (учреждения) в виде «столов» и отделений, а затем и статистические бюро.

В государственном учреждении «Государственный архив Пензенской области» в фонде Пензенской губернской земской управы находится на хранении свыше 5,5 тысяч единиц хранения материалов

губернской земской статистики. Конечно, в имеющихся на хранении документах отражён далеко неполный круг вопросов, который исследовался земской статистикой, в частности, не имеется статистических сведений о продовольственном обеспечении, состоянии путей и средств сообщения, о развитии ветеринарии и страхования скота, благотворительности и т.п., но их ценность заключается в том, что по большинству сохранившихся направлений статистических исследований документы имеются практически в полном объёме, позволяющем если не воссоздать полную картину состояния конкретного направления хозяйственной деятельности, то хотя бы проследить методику проведения этого статистического обследования.

В значительной мере это утверждение относится к материалам подворной переписи 1909–1913 годов. В Пензенской губернии эта перепись проводилась в несколько этапов: в 1909 году была проведена пробная перепись в 10 волостях Мокшанского уезда, при этом составлялись 2 карточки – карточка сплошного подворного обследования и карточка выборочного обследования. В следующем году была проведена перепись остальных волостей Мокшанского уезда, всего Нижне-Ломовского и Инсарского уездов, методика уже была несколько иной – 1-я карточка была изменена и дополнительно вводился 3-й специальный бланк. В 1911 году было установлено уже 4 степени описания: вводилась краткое похозяйственное описание (каждое 3-е хозяйство), сохранялись карточка сплошного подворного описания, подробная выборочная карточка как в 1910 году (каждое 9-е хозяйство) и специальный бланк (заполнялся на каждое 27 хозяйств). В 1913 году проводилось бюджетное обследование (по 25 хозяйств из каждого уезда).

О полноте сведений, собираемых в процессе проведения подворной переписи, свидетельствует тот факт, что данные этой переписи, собранные по одному хозяйству, представляют дело от 40 до 50 листов, а социально-экономическая характеристика волости содержит ответы по 67 пунктам. Для описания крупных частновладельческих хозяйств заполнялись 26-страничные бланки.

Нельзя не упомянуть полностью сохранившиеся материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года, дающие представления

не только о численном составе каждой семьи, но и о наличии у них земельных участков, скота и т.д. Следует отметить, что основная часть сохранившихся статистических материалов характеризует сельскохозяйственное производство, и это не удивительно, учитывая аграрный характер экономики в губернии.

Основным методом наблюдения при проведении основных земских статистических работ являлся экспедиционный. Сущность его заключалась в том, что земские статистики сами выезжали на места и организовывали сбор сведений, предусмотренных программой обследования. Опрос местных жителей на сходах значительно ускорял обследования и повышал достоверность данных, так как, с одной стороны, давал возможность понять вопрос и тщательно обдумать свой ответ во время опроса предыдущего домохозяина, а с другой стороны, общественный порядок опроса содержал в себе и элементы контроля показаний каждого лица со стороны других. Экспедиционные обследования проводились как постоянным, так и временным персоналом (врачи, учителя, агрономы, ветеринары, фельдшера и др.). Полнота и качество собранных материалов, как правило, всегда проверялись данными других источников.

Особую группу представляют материалы по учёту недвижимых имуществ городских жителей. Сохранность их несколько хуже, но и они дают достаточно полную картину, характеризующую застройку городов Пензенской губернии и частновладельческие усадьбы, обеспеченность их земельными участками, надворными постройками и т.п.

Помимо подворных переписей крестьянских хозяйств и учёта недвижимых имуществ, в документах ГУ «Госархив Пензенской области» имеются сведения по обследованию промышленных и торговых заведений, лесных дач.

Для земской статистики было характерно правдивое и полное отражение социальных условий России второй половины XIX – начала XX века. Эти особенности отличают земскую статистику от правительственной статистики России. Невозможно изучать социально-экономическое положение России в этот период в целом и отдельных её регионов в частности без привлечения материалов земской статистики.

К сожалению, среди исследователей проблем Пензенской истории эти материалы особой популярностью не пользуются, хотя нельзя

сказать, что они лежат в архиве мёртвым грузом. Так, материалы сельскохозяйственной переписи 1917 года широко используются сотрудниками архива при составлении крестьянских родословных. Кроме того, в настоящее время при регистрации права собственности на землю материалы этой переписи, а так же переписи недвижимых имуществ практически единственный шанс, пусть хоть и в судебном порядке, доказать факт владения тем или иным земельным участком.

О земской статистике крупнейший русский экономист и статистик А. И. Чупров говорил уже в 1888 г.: «Никогда прежде наша страна и наш народ не были предметом столь обширного и многостороннего изучения. Эти сотни томов исследований по статистике и обычному праву... останутся для последующих поколений живым памятником того страстного одушевления в деле познания родной страны, которое охватило русское образованное общество в последней половине 70-х годов и в первой половине 80-х годов», а бывший министр финансов, председатель Комитета министров (1886–1895) Н. Х. Бунте так резюмировал значение земской статистики для государства: «Если бы побольше было таких материалов, может быть, легче было бы управлять Россией».

Хочется надеяться, что более пристальное изучение и анализ материалов земской статистики помогут не только лучше понять те процессы, которые происходили в России во второй половине XIX – начале XX веков, но и использовать накопленный опыт при разработке хозяйственных решений завтрашнего дня.

(Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Моя малая родина». Вып. 1. – Пенза, 2004).

Изданный в 1863 г. обзор экономического состояния городских поселений Европейской России указывает, что в Пензе на тот период существовало 3 ярмарки: Петропавловская, Семиковская и Никольская. Если вполне определённо можно сказать, что Никольская ярмарка берёт своё начало с 1862 г., то год организации первых двух ярмарок точно назвать затруднительно, известно только, что они существовали ещё до образования Пензенской губернии. В 1768 г. П. С. Паллас писал: «...в Пензе торг есть наиглавнейшая связь жителей, и купеческие лавки здесь так наполнены товарами, что я от Москвы ни в каком городе не видал».

Наибольшее значение для Пензы имела Петропавловская ярмарка, начинавшаяся в день Святых Петра и Павла. Первоначально она проходила на Базарной площади, где впоследствии была построена Петропавловская церковь. Длилась она, как правило, с 24 июня по 3 июля (в некоторые годы с 20 июня по 1 июля). Уже в начале XIX в. местным властям стало ясно, что площадь около церкви маловата для проведения ярмарки, из-за стеснения народа в случае возникновения пожара многие могли бы просто погибнуть, да и с экономической точки зрения проводить ярмарку на прежнем месте было просто невыгодно, гостиный двор уже стал настолько ветхим, что на его ежегодное подновление требовались суммы практически в размере годового дохода, получаемого с ярмарки. И в 1804 г. пензенский губернатор Ф. Л. Вигель обратился к городской думе с предложением найти подрядчиков и просчитать смету на строительство новых ярмарочных рядов на специально выделенном месте за городом. Однако дума не проявила должной расторопности, за что ей со стороны губернатора было указано на «...недеятельность расположений ее к исполнению повелений относящихся в удержание порядка и выгоде...»¹. Лишь спустя почти 30 лет место проведения Петропавловской ярмарки было перенесено на новую Ярмарочную площадь недалеко от Московской заставы.

Хотя ярмарка и проходила ежегодно, но, судя по тому, что готовиться к ней начинали заранее, событие это для провинциальной Пензы было не рядовое. Все сведения, как о подготовке ярмарки, так и о её проведении, количестве проданных товаров, в обязательном порядке

поступали к губернатору. О размахе Петропавловской ярмарки говорил тот факт, что имеющихся торговых лавок, называемых гостиним двором, в которых проводилась торговля в базарные дни, не хватало, и городская дума за две недели до начала ярмарочной торговли поручала городской полиции оповестить желающих принять участие в строительстве дополнительных временных торговых лавок. Отбор исполнителя осуществлялся просто – кто меньше спросит за свою работу. Объём необходимого строительства определялся на заседаниях думы: «... в арзамаском ряду до двадцати пяти лавок... в косном, шляпном, холщевом и сыромятном рядах около шестидесяти лавок или сколько потребуется по приезде торгующих...» Проявлялась и определённая забота об удобстве продавцов: «...на них переключать покрыть все по жердям лубьями с наблюдением, чтоб во время дождя течи в тех лавках не показывалось, и с надлежащими на них на тех крышах прижимами и сделанием при них прилавок из толстого тесу и дать на сделание полок в них торгующим тонкого тесу, и в случае неостатку городских материалов из собственных подрядчиковых и после ярмонки оные все разобрать и класть куда от думы приказано будет. Так же и на состоящих лавках переправить крыши, чтоб не было течи...»².

За право торговли в лавке, построенной за счёт города, торгующему необходимо было заплатить определённую сумму, но, очевидно, со сбором денег с торгующих во время ярмарки возникали проблемы, и дума в 1808 г. приняла решение: «Купечество и торгующие, желающие нанимать состоящие на Петропавловской площади из означенных градских на ярмарку лавки кто какую желает, благоволят для оного являться в Градскую Думу и объявля свое желание на который номер лавки и посему может он получать от думы на тое лавку за подписом члена билет взнеся наперед ...деньги... А без получения такового билета никто не может занимать лавок»³.

Большую роль в упорядочении порядка сбора денег с Петропавловской ярмарки сыграл учреждённый в Пензе в феврале 1815 г. Комитет для управления городских повинностей. Члены комитета от купечества Григорий Иванисов и от мещанского общества Иван Виноградов провели в 1815 г. надзор за сбором городской думою денег во время Петропавловской ярмарки и установили, что местные жители зани-

мают лавки по своему усмотрению и никаких денег в городской доход не платят. Наблюдающие также установили, что Петропавловская церковь, пользуясь своим местоположением, сдаёт в наем под торговые площади открытые прилавки жилых церковных покоев и пристраивает лавки в корпусе с 3 воротами, и доход, естественно, поступает не в городскую казну. По решению комитета сбор стал осуществляться в одинаковой мере как с местных торговцев, так и с приезжих.

Следует отметить, что между торгующими часто возникали разногласия из-за лавок, до губернатора доходили жалобы на якобы чисто субъективное распределение мест торговли, и 20 июня 1841 г. губернатор направил в адрес городского головы указание: «В предупреждение жалоб на неправильную раздачу лавок к предстоящей ярмарке, предписываю вам, чтобы раздача их, по примеру прежних лет, была произведена в присутствии полицмейстера»⁴. Несколько позднее с целью привлечения на ярмарку постоянных продавцов стали практиковать предоставление одним и тем же лицам из года в год одних и тех же лавок. Предписанием губернатора от 10 июня 1841 г. было дозволено городской думе отдавать в ярмарочном гостином дворе лавки до 23 июня только тем лицам, которые занимали их в прошедший год, а лавки, на которых прежних содержателей не явится, отдавать другим желающим уже 23 июня⁵.

В 1882 г. были выработаны условия при раздаче лавок в ярмарочном гостином дворе, единые для всех трёх проводимых в Пензе ярмарок – Петропавловской, Семиковской и Никольской.

На время проведения ярмарки для поддержания порядка губернатором назначался комендант, как правило, штаб-офицер корпуса жандармов, думе предписывалось исполнять все законные требования коменданта. От Пензенской жандармской команды на всё время проведения ярмарки откомандировывался специальный отряд, как правило, не менее 10 человек: два унтер-офицера и восемь рядовых, в основном конных. Дума была обязана выплачивать им кормовые деньги и обеспечивать лошадей фуражом.

Заканчивались двухнедельные предярмарочные хлопоты, и городской голова обнародовал сообщение: «Благоволит Пензенское местное и иногородное купечество 25 сего июня пожаловать в здешний Кафедральный собор к ранней обедни, для перенесения в Ярмарочный

гостинный двор Святыя иконы Казанской Божия матери и, отслужения пред открытием Петропавловской ярмарки всеобщего молебна»⁶.

Среди торгующих на Петропавловской ярмарке встречались серпуховские, арзамасские, орловские, елецкие, камышинские, саранские и другие купцы, из Нижнего Новгорода привозили изделия из железа, из Москвы и Костромы – игольный товар, из Самары и Кинешмы – полотняный товар и т.д. Губернатору после окончания ярмарки подавался точный отчёт, на какую сумму было привезено того или иного товара и на какую сумму его было продано, сколько денег было собрано за торговлю на ярмарке. Так, на проходившую в 1841 г. Петропавловскую ярмарку было завезено товара на сумму 529 500 руб., продано на 195 460 руб., собрано денег 17499 руб. 91 коп. ассигнациями и 4999 руб. 97 коп. серебром, в 1894 г. товару было привезено на сумму 431130 руб., продано на сумму 307090 руб., в 1896 г. соответственно 549472 руб. и 383 237 руб.

Анализ количества завезённого и проданного на ярмарке товара позволяет сделать вывод, что продавался лучше всего разный хлеб в зерне (до 100 % от завезённого), рыба (до 75 %), лошади (до 50 %), хлопчатобумажные ткани (до 50 %), ободья и колёса (до 85 %), хуже всего – шерстяные, полушерстяные и суконные ткани (до 10 %).

Во время ярмарки на её территории открывались трактиры и так называемые «питейные выставки».

К концу XIX в. торговые обороты Пензенских ярмарок значительно уменьшились, меньше стало приезжать иногородних купцов, а местные всё чаще стали обращаться в городскую думу с просьбой о снижении арендной платы за лавки на Ярмарочной площади из-за плохих торговых оборотов.

Наиболее полное представление об атмосфере, царящей на ярмарке, создают дошедшие до нас воспоминания современников, хотя они часто субъективны. Вот как описывает Петропавловскую ярмарку не любивший Пензу мемуарист Ф. Ф. Вигель: «...Тут стояли ряды, сколоченные из досок и крытые лубками, между ними была также лубками крытая дорога для проходящих...С утра до вечера можно было тут находить разряженных дам и девиц и услужливых кавалеров. Но покупать можно бычо только по утру, и то довольно

рано: остальное время дня ряды делались местом всеобщего свидания. Не терпящие пешеходства, по большей части весьма тучные барыни, с дочерьми, толстенькими барышнями, преспокойно садились на широкие прилавки, не оставляя бедному торговцу ни поларшина для показа товаров. Вокруг суетились франты... А между тем, это одна только в году эпоха, в которую можно было запастись всем привозным. И потому-то матери семейств, жены чиновников, бедные помещицы, в простеньких платьях, чем свет спешили делать закупки до прибытия дурацкой аристократии... Это был лов сердец и приданных»⁷.

В. А. Инсарский отмечал: «...Город Пенза приходил положительно в волнение, и дни ярмарки были какими-то исключительными, праздничными и торжественными... Во время ярмарки... постройки образовывали ярмарочные ряды, которые покрывались сверху полотном, а внутри устилались свежее зеленою травою, так что в целом представляли нечто живое... Ряды эти по обеим сторонам обставлялись разнообразными товарами не без некоторого искусства; все блестело и било в глаза самым эффектным образом... По окружности центра ярмарки располагались разнородные принадлежности ея: в одном месте устраивались жалкие балаганы с жалчайшими фиглярами, которые только и умели есть паклю и затем вытягивать из своей глотки разноцветные ленточки... В другом месте довольно обширное пространство занимали бедные женщины со своими походными кухнями или жаровнями, где неустанно изготовлялись и подавались с пылу горячие “алады”, составлявшие любимейшее лакомство среднего класса». Впрочем, как и Ф. Ф. Вигель, В. А. Инсарский отмечал, что главным предметом сбыта «...были дочери невесты, расплававшиеся неизмеримо в провинциальном быту так, что предложение значительно превышало спрос»⁸.

Вторая по значению Семиковская ярмарка возникла так же, как и Петропавловская, ещё до создания Пензенской губернии, но несколько позднее Петропавловской. В описании Пензенского наместничества за 1781 г. в городе Пензе упоминается только одна ярмарка – Петровская⁹. Проходила Семиковская ярмарка на седьмой неделе после Пасхи, отсюда и её название. По размеру торговых оборотов эта ярмарка не шла ни в какое сравнение с Петропавловской, на ней продавалось товаров на сумму около 3 тыс. руб., преобладала торговля лошадьми.

Никольская ярмарка проходила в период с 1 по 15 декабря, товарооборот ярмарки был крайне незначителен. В принципе, неуспех этой ярмарки был предопределён с самого момента её организации.

Идею об организации зимней ярмарки в Пензе выдвинул сенатор Сафонов во время проведения ревизии 1859 г. Получив разрешение Министерства внутренних дел и не имея никаких возражений со стороны городской думы, Пензенское губернское правление объявило об открытии ярмарки, поставив об этом в известность органы городского самоуправления ряда городов. Торговлю на открывшейся 1 декабря 1862 г. Никольской ярмарке вели 8 иногородних купцов и 2 пензенских. Местное купечество и мещанство, несмотря на обещания властей запретить торговлю в городе на время проведения ярмарки, полностью её проигнорировали. А 11 декабря этого же года торговцы Пензы обратились с прошением к потомственному почётному гражданину Алексею Петровичу Сергееву с просьбой о ходатайстве перед губернатором Я. А. Куприяновым об отмене этой ярмарки. А. П. Сергеев написал губернатору длинное письмо с доказательствами нежизнеспособности этой идеи, так как торговать 15 дней на морозе, да ещё охранять по ночам свой товар, вывезенный на окраину, – крайне невыгодно и это противоречит существующему законодательству, так как ярмарки могут учреждаться только по просьбе общества, а такового в данном случае не имелось¹⁰. В результате в последующие годы проведение ярмарки отменено не было, но и местные торговцы её обходили вниманием, приезжие же купцы, понеся убытки на самой первой ярмарке, в Пензу также не спешили.

Для сопоставления размаха торговли на этих ярмарках приведём размеры сборов с лавок в 1872 г.: Семиковская ярмарка – 657 руб. 3 коп., Петропавловская ярмарка – 4225 руб. 7 коп., Никольская – 30 руб.

В целом же, хотя размах пензенских ярмарок несопоставим с товарооборотом таких крупнейших ярмарок, как Нижегородская, Ирбитская, Архангельская и другие, доход в городской бюджет они приносили значительный.

1. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 84.
2. Там же. Д. 106.
3. Там же. Л. 7.
4. Там же. Д. 367. Л. 12.
5. Там же. Д. 481. Л. 13.
6. Там же. Д. 481. Л. 26.
7. Русский архив. 1891. № 11. С. 67.
8. Инсарский В. А. Половодье. СПб, 1875. С. 227–228.
9. ГАПО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 14. Л. 4.
10. ГАПО. Ф. 108. Оп. 1. Д. 586 – всё дело.

(Записки краеведов. Вып. 2. – Пенза, 2004).

**Пензенской области – один из основных источников
по изучению истории Пензенского края**

На сегодняшний день в ГУ «Государственный архив Пензенской области» хранится 1 млн 400 тыс. дел, объединённых в 6,5 тысяч фондов, около 50 из них – фонды личного происхождения, 47 тысяч фотографий.

Самый ранний документ – жалованная грамота на земли Андрею Матвеевичу Несвицкому, датируется 1627 годом, самый поздний – 2002 годом. Библиотека архива насчитывает свыше 16 тысяч томов краеведческой и научно-справочной литературы, в нашем архиве хранится наиболее полная коллекция газет, выходивших на территории Пензенской губернии и области. Наличие выше перечисленных документальных богатств позволяет отнести государственный архив к числу ведущих информационных учреждений области.

Архивы по роду своей деятельности собирают, хранят, учитывают документы, создают к ним научно-справочный аппарат, занимаются их использованием.

Использование архивных документов в интересах общества – одна из основных задач деятельности архива, она происходит по нескольким направлениям, приоритетным из которых является исполнение запросов органов государственной власти. И это не случайно, т.к. наш архив – единственное в области учреждение, хранящее документы государственной части архивного фонда России, в том числе и органов госвласти когда-либо существовавших на территории Пензенского края.

Второе направление – исполнение запросов граждан. Свыше 8 тысяч запросов социально-правового характера, более 2 тысяч копий распорядительных документов ежегодно выдаётся гражданам сотрудниками нашего архива.

Третье направление – удовлетворение потребностей общества в ретроспективной информации. В архив ежегодно поступает свыше 200 тематических запросов различной тематики – по истории населённых пунктов, учреждений, организаций, биографического характера, генеалогического и т.п. Посещаемость читального зала увеличивается

из года в год. Так, если в 2000 году зафиксировано 544 посетителя читального зала, то в 2002–2003 годах их количество приближается к 1 тысяче. Изменился состав исследователей, упростилась процедура допуска исследователей в читальные залы, если раньше требовалось официальное отношение из организации, то сейчас достаточно и письменного личного заявления. Это связано с общей демократизацией общества и изменением законодательства. Так, закон «О государственной тайне» запрещает закрывать какие-либо сведения, не отнесённые к государственной тайне, а изданный в 1995 году закон «Об информации» вводит запрет только на тайну личной жизни.

Конечно, не все посетители читального зала занимаются краеведческой тематикой, таких около 20 %: преподаватели, аспиранты, студенты, школьные учителя, работники музеев, краеведы. Разнообразный состав исследователей не случаен, т.к. хранящиеся в архиве документы способны удовлетворить любые потребности. Наиболее востребованными являются фонды органов власти, т.к. документы этих фондов наиболее полно освещают различные стороны жизни общества: политику, культуру, социально-экономическую и хозяйственную жизнь губернии и области. Это такие фонды, как Пензенское губернское правление, губисполком, губком и обком партии.

Наш архив продолжает комплектоваться. В списки источников комплектования включено около 200 организаций различных форм собственности. Это очень важное и ответственное направление деятельности архива, т.к. в зависимости от того, что мы сегодня примем в архив, то и явится источниковедческой базой для изучения истории последующими поколениями.

В конечном итоге архив сохраняется и комплектуется в интересах пользователей. Мы ведём учёт тематики исследований, периодически проводим её анализ и, в зависимости от востребованности той или иной информации, корректируем свои планы работы, выбираем пути развития и совершенствования нашего научно-справочного аппарата. Сейчас возрос не только интерес к каким-то событиям нашей истории, но и к конкретным личностям. В одном из своих выступлений академик, директор института всеобщей истории РАН Чубарьян А. О. сказал: «История России всегда была историей государства российского, однако

в наше время человек становится центральной темой исторической науки». Так у нас стали появляться именные указатели, именные каталоги, БД, т.е. научно-справочный аппарат стал более персонифицированным.

Не всё бывает гладко во взаимоотношениях архивистов и исследователей, недовольство вызывает введение платы за некоторые услуги архива. Но эта мера вынужденная, т.к. обеспечение сохранности документов требует определённых материальных вложений, к сожалению, бюджетного финансирования на эти цели недостаточно, поэтому приходится вводить платные услуги.

В 1996 году в Пекине был принят Международный этический кодекс архивиста, который гласит, что первейшая обязанность работников архива – обеспечить сохранность того, что передано на хранение. Мы имеем полное право не выдавать исследователям документы, находящиеся в плохом физическом состоянии, не изготавливать с них копии, если это вредит сохранности документов. Последнее так же вызывает недовольство у исследователей.

Развитие современных информационных технологий позволяет найти наиболее оптимальные условия для сочетания интересов архива и исследователя. В конечном итоге исследователь приходит в архив, чтобы получить определённую информацию, а получить её возможно и в электронном формате. Конечно, того душевного трепета, который возникает при виде подлинного документа, уже не будет, но будет обеспечена сохранность оригинала. А пока документы государственного архива остаются крайне востребованными.

Секретарь императорской Академии наук А. Н. Веселовский писал ещё в 1884 году, но его слова остаются актуальными и сейчас: «Архивы хранят основные источники, на которых только и может созидаться правдивая история русского народа, всё новое и выдающееся, что только появляется в нашей исторической науке, является плодом архивных изысканий».

(Пензенское краеведение: опыт, перспективы развития. Материалы областной научной конференции. Том I. – Пенза, 2005).

Личные фонды музейных работников в ГБУ «Государственный архив Пензенской области»

Как и в любом учреждении, в Пензенском краеведческом музее работали и работают люди, без которых немислима сама история музея, чьи имена будут знать все последующие поколения работников музея. Несомненно, к плеяде «незабываемых» музейщиков относятся и те, чьи личные фонды хранятся в ГБУ «Государственный архив Пензенской области» (далее ГАПО).

На сегодняшний день доступно для исследователей шесть личных фондов. Прежде всего, это личные фонды профессора, доктора биологических наук И. И. Спрыгина и его жены Н. И. Спрыгиной. Хотя деятельность И. И. Спрыгина была весьма многогранной, связанной не только с краеведческим музеем, но многие экспонаты появились в нём именно благодаря Ивану Ивановичу. Документы семейного архива Спрыгиных поступили на хранение в ГАПО в 1994 г. от их дочери Людмилы Ивановны Спрыгиной.

Объём документов личного фонда И. И. Спрыгина составляет свыше 1200 единиц хранения. Сохранность такого значительного объёма документов, несомненно, является заслугой его дочери Людмилы Ивановны, которая собирала и хранила буквально каждую бумажку, связанную с именем отца. Благодаря этому в фонде представлены материалы не только научной и общественной деятельности И. И. Спрыгина, но и личные, имущественные документы, а также документы, возможно, не имеющие непосредственного отношения к Ивану Ивановичу, но передающие колорит эпохи, в которой он жил: лотерейные билеты сбора средств для детского приюта, визитные карточки, счета типолитографии и квитанции на оплату заказов Пензенским обществом любителей естествознания и др.

Самый ранний документ датирован 1883 г. – это фотографии из альбома И. И. Спрыгина. Самые поздние документы датированы 1993 г. – это тоже фотографии, сделанные на научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения И. И. Спрыгина.

Блок документов, характеризующих творческую деятельность И. И. Спрыгина, насчитывает 579 единиц хранения, систематизированных по направлениям деятельности и тематике исследований. Это рукописи И. И. Спрыгина и подготовительные материалы к ним по темам: «Растительный покров Пензенской губернии», «Изучение водяного ореха рода Трара», «Опыт анализа флоры Среднего Поволжья», «Флора Среднего Поволжья» и др. Значительный объём рукописного и машинописного материала затруднительно объединить в какой-либо тематический комплекс – настолько разнообразна его тематика и объёмы: это и 257-страничная рукопись «Сосна и её спутники в Пензенском уезде» (Доклад в Казанском обществе естествознания в 1908 г.), и написанная на одном листочке заметка И. И. Спрыгина о поисках нефти в Пензенской губернии. Разнообразна тематика статей, докладов и краеведческих работ: от проблем по охране и изучению природы Пензенского края до заключения по поводу достаточно сомнительных экспериментов по окрашиванию растений путём химического воздействия на их корни. Простое перечисление разновидностей и тематики документов этого блока характеризует не только широту интересов И. И. Спрыгина, но и его поразительную работоспособность: подборки документов и подготовительный материал к рукописям, документы к составлению каталога растений, документы к почвенной и археологической картам, дневники наблюдений и записные экскурсионные книжки по Пензенской губернии (с 1891 до середины 1930-х гг.), документы о гербарии, карты, в составлении которых принимал участие И. И. Спрыгин и др.

Широко представлены в фонде документы различных экспедиций, в которых принимал участие И. И. Спрыгин, в частности, в Туркестан (1911–1914 гг.); Черниговскую губернию (1912–1914 гг.); в Жигули (1928 г.); документы Пугачёвско-Бузулукской экспедиции, кустанайской экспедиции (1929 г.); более 20 записных книжек и геоботанических отчётов по обследованию совхозов и МТС (1929–1930 гг.) Средне-Волжского края. Разнообразие документов довольно стандартная: записные книжки, карты маршрутов, отчёты. Следует отметить, что не все документы по экспедициям созданы самим И. И. Спрыгиным, некоторые отчёты написаны другими участниками экспедиций, многие

из которых впоследствии стали известными учёными в области биологии, например, М. В. Культиасовым, доктором биологических наук, профессором, автором более 100 научных работ; М. Г. Поповым, ставшим впоследствии членом АН Украины; Е. П. Коровиным, академиком АН Узбекистана и др.

Особо хотелось отметить наличие документов о заповедниках. Учитывая, что Попереченский и Жигулёвский заповедники существуют и по сей день, практический интерес к этим документам несомненен.

Переписка И. И. Спрыгина с различными инстанциями и частными лицами составляет около 400 единиц хранения, при этом доля переписки с родственниками весьма незначительна, в основном это письма, касающиеся научных интересов, служебной и общественной деятельности. Среди корреспондентов и простые сельские учителя, краеведы-любители, и доктора наук, директора крупнейших заповедников и ботанических садов.

В фонде собраны газетные вырезки со статьями. Иван Иванович собирал все публикации о музее, в том числе и критические статьи; можно отметить материал из газеты «Трудовая правда» за июль 1930 г. со статьёй «Музейная кунсткамера», резко критикующей работу музея и его сотрудников – Штукенбергов, Спрыгиных и других, уволенных накануне по постановлению Окружной Рабоче-крестьянской инспекции как идеологически чуждых и не имеющих никакой научной подготовки. Самого И. И. Спрыгина, работающего в музее по совместительству, сняли как перегруженного по основной работе. Интерес представляют дневники и автобиографические заметки 1920–1940 гг. (с перерывами), последние относятся к 9 апреля 1942 г., среди них встречается и описание проводимой «чистки» музея.

Раздел биографических документов (личных, служебных, имущественно-бытовых) включает около 110 единиц хранения, это характеристики И. И. Спрыгина, начиная с периода его обучения в гимназии, аттестат зрелости, паспорта, трудовые книжки, различные свидетельства, удостоверения и билеты, поздравления к различным датам и т.п. Поражает полнота сохранности документов имущественно-хозяйственного и бытового характера, это и записные книжки расходов

по дому, и дневники работ по личному огороду, и записи полученного урожая, и даже накладные квитанции на отправку грузов по железной дороге, т.е. это те документы, которые характеризуют быт семьи учёных и их повседневную жизнь.

В самостоятельный раздел выделены документы о праздновании 100 и 120-летнего юбилея И. И. Спрыгина: воспоминания его учеников и просто знакомых людей, материалы конференций и публикаций, связанных с этими событиями.

Прекрасным дополнением к материалам являются фотографии, которых в фонде около 600, это не только семейные фото и фотографии различных событий, участником которых являлся И. И. Спрыгин, но и фото растительности, природы, различных местностей, водоёмов, т.е. своеобразный иллюстративный материал к его исследованиям.

Фонд Н. И. Спрыгиной насчитывает 219 дел за 1868–1981 гг. Творческие материалы представлены работами об археологических раскопках на территории Пензенской губернии, отзывами на её работы, а также материалами по этнографии (по изучению быта мордвы-мокши и эрзи). Кроме того, в этом разделе имеются материалы к археологической карте Пензенской области.

Переписка Нонны Ивановны составляет 145 единиц хранения, сформированных по адресатам и корреспондентам: её письма родственникам и письма от них; переписка по вопросам деятельности с организациями и с частными лицами. Среди корреспондентов Нонны Ивановны встречается и много известных в то время лиц или ставших таковыми впоследствии, например, В. В. Геммерлинг, доктор наук, первый заведующий кафедрой почвоведения МГУ, возглавлявший одно время Государственный почвенный институт Народного комиссариата земледелия; О. Н. Бадер, видный специалист по археологии каменного века, создатель пермской школы археологии; Б. С. Жуков, заведующий кафедрой антропологии МГУ, один из ведущих деятелей палеоэтнологического направления в советской археологии; Б. М. Соколов, активный член Саратовской учёной архивной комиссии, директор Центрального музея народонаселения СССР в Москве и др. Среди писем Н. И. Спрыгиной встречаются и письма из музеев Финляндии, Будапешта (отклики

на работу «Одежда мордвы-мокши»), из Государственного исторического музея, Института этнографии АН СССР и др., что свидетельствует о значимости её работ. Высокую оценку получила пензенская экспозиция на Сельскохозяйственной и промышленной выставке СССР 1923 г., выставочная газета писала «Уголок Пензенской губернии в павильоне быта можно считать, пожалуй, наиболее интересным во всём павильоне... Национальные костюмы, предметы домашнего обихода, посуда, обувь, всё это подобрано с такой любовью и знанием дела, что экскурсанты подолгу останавливаются около витрины»¹.

Кроме документов научной деятельности в фонде представлены биографические и личные документы: об образовании, о работе (в т.ч. её отца И. В. Цилли), записные книжки и др., а также документы о служебной и общественной деятельности.

Среди фотографий фонда имеются фото её родственников, начиная с родителей. Несомненный интерес представляют фотографии конца 1920-х гг., когда Нонна Ивановна работала в Пензенском краеведческом музее, это фотографии с раскопок, выставок, конференций музейных работников.

Таким образом, хотя имеющиеся на хранении документы о семье Спрыгиных достаточно многоаспектны, на наш взгляд, правильнее классифицировать эти фонды именно как научный архив учёных, основная деятельность которых связана с Пензенским краем, и актуальность этих документов ещё длительное время будет оставаться высокой.

С 1949 по 1979 гг. в музее работал М. Р. Полесских, заслуженный работник культуры, археолог, передавший свои документы в архив в 1979 г. в количестве 351 единицы, охватывающих весь период его деятельности в музее. Работая по открытым листам Института археологии АН СССР, он исследовал многочисленные археологические памятники Пензенской области, крупнейшие из которых – Селиксенские и Армиёвские могильники, Золотарёвское городище, и, естественно, значительная часть документов фонда рассказывает именно об этом направлении деятельности: это уже упоминаемые открытые листы на проведение археологических раскопок, отчёты об археологических разведках и исследованиях в Пензенской области, статьи и рецензии на них, конспекты и тезисы докладов по археологии. Об огромном

авторитете М. Р. Полесских как учёного-археолога свидетельствуют многочисленные приглашения на научные конференции, заседания различных учёных советов, научных секций, симпозиумов и т.п.

Будучи сотрудником музея, М. Р. Полесских вёл значительную краеведческую работу, оказывая помощь в организации школьных музеев. Он занимался не только изучением истории Пензенского края, но и как работник музея популяризировал эти знания. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в фонде тексты его статей по краеведению, планы выступлений по радио и телевидению и др. Значительную часть документов представляет переписка М. Р. Полесских. Среди авторов писем к нему и студенты, и учителя, и краеведы-любители, сотрудники музеев, учёные. Среди последних немало достаточно известных лиц в своей отрасли деятельности, это – археолог, исследователь археологических памятников Пензенского края А. Е. Алихова; сотрудник Института археологии АН СССР А. К. Амброз; антрополог и скульптор, доктор исторических наук, автор методики восстановления внешнего облика человека на основе скелетных останков М. М. Герасимов; академик, директор Палеонтологического института АН СССР Ю. А. Орлов и др. Есть письма людей, совершенно не связанных с археологией, – писателей Г. М. Маркова, А. П. Анисимовой, литературоведа С. А. Андреева-Кривича, директора музея-заповедника «Тарханы» П. А. Вырыпаева, краеведа-историка Г. В. Ерёмина. Интересен отзыв атташе посольства СССР в Турции А. Л. Лежикова о М. Р. Полесских: «...каждое Ваше письмо для меня целое событие. От них веет неиспорченной чистотой и разумом настоящей русской научной мысли, благородством и широтой и по-настоящему человечностью души Вашей»².

Личный фонд учёного лесоведа, геоботаника Бориса Петровича Сацердотова насчитывает 91 единицу хранения за период 1898–1964 гг., он был передан на хранение в архив самим фондообразователем. Самый ранний документ – это метрика о его рождении 16 февраля 1898 г. Кроме биографических документов в фонде представлены документы о пензенских заповедниках: производственные планы, отчёты о работе, таксационные описания. Но не только профессиональная деятельность Бориса Петровича отражена в документах фонда: его интересовала и история

Пензенского края, и литература, и т.п. Около полусотни дел фонда – это систематизированные подборки газетных статей по различной тематике: «Ботаника», «Музеи», «Писатели-земляки», «География» и др.

До 1930 г. сотрудником краеведческого музея являлся горный инженер Антон Антонович Штукенберг, его документы в 1962 г. передала на хранение в ГАПО жена Елизавета Карловна. Антон Антонович является автором более 40 работ, связанных с исследованием месторождений полезных ископаемых и гидрологическими изысканиями, около 10 работ при жизни автора опубликованы не были, рукописи некоторых из них хранятся в его фонде в госархиве и, вполне возможно, не утратили своего практического значения. Как и любой сотрудник музея, А. А. Штукенберг занимался и просветительской деятельностью. С целью вовлечения в процесс изучения природных ресурсов Пензенского края молодёжи, он разработал «Инструкцию для краеведов по геологическому изучению Пензенского края». В фонде сохранены отчёты по обследованию месторождений фосфоритов, горючего сланца и др., составленные не только самим А. А. Штукенбергом, но и П. П. Ефимовым, Г. Каменским, А. М. Пульхридутовой и др. Результаты гидрологических исследований на территории Пензенской губернии отражены в рабочих записках, схемах, расчётах и т.п. Документы фонда весьма специфичны, их изучение требует специальной профессиональной подготовки, однако имеются и документы, интересные и историкам, в частности, топографическая карта Пензенской губернии с показанием числа и местонахождения водяных мельниц по состоянию на 1910–1913 гг., составленная А. Пржитульским. В фонде имеются различные карты и планы городов с рабочими пометками, например, схематическая карта Пензенской губернии с показанием мощностей и мест размещения энергетики, промышленности и топливных ресурсов (середина 1920-х гг.), план г. Пензы с показанием артезианских скважин, карта рек Пензенской губернии с указанием высот.

Документы вышеназванных фондов свидетельствуют о той роли, которую играл Краеведческий музей в изучении природы, обычаев и производительных сил Пензенского края. Многие разработки работников музея носили прикладной характер, музей был не только местом

сбора и хранения экспонатов, но и способствовал развитию производительных сил края.

Одним из интереснейших фондов, несомненно, является личный фонд Юлии Ильиничны Суворовой, работавшей в Краеведческом музее с 1950 г., насчитывающий свыше 500 единиц хранения. Самый ранний документ – метрическая запись о её рождении в 1896 г. Особый интерес представляют материалы, собранные для краеведческой работы, и переписка. Среди её корреспондентов как известные в пензенском краеведении лица, такие как С. К. Евграфов; краеведы М. А. Лебедев и Г. В. Еремин; писатель Д. В. Лучанинов-Фибих; профессор И. П. Щеблыкин; краевед, писатель, журналист О. М. Савин; капитан ледокола «Седов» К. С. Бадигин; Герой Советского Союза, писатель Г. В. Терновский и др., так и совершенно незнакомые широкому кругу люди. В попытке узнать что-то новое о знаменитых пензяках, Юлия Ильинична состояла в переписке с их родственниками и близкими людьми – сестрой В. Э. Мейерхольда, дочерью композитора А. А. Касторского, шофёром В. И. Чапаева В. Козловым, сыном А. Н. Магницкого и др.

Материалы, собранные Ю. И. Суворовой об известных пензяках или событиях пензенской истории, поражают своим разнообразием, для неё нет мелких тем, ей интересно всё: это и информации об опере в с. Мокшан, и народных театрах в г. Чембаре и с. Бессоновке, об артисте театра им. Е. Б. Вахтангова Л. Д. Снежницком, о стратонавте И. Д. Усыскине, о воинах Великой Отечественной войны. В большинстве своём это вырезки из газет, копии публикаций, выписки из книг и т. п., но собранный по крупицам материал несомненно будет интересен краеведам, т. к. он даёт ту ниточку, потянув за которую, можно уже осуществлять дальнейший поиск.

Значение личных архивов велико. Дополняя документы официальных архивов, документы личного происхождения помогают полнее и глубже осветить общественную, политическую, хозяйственную и культурную жизнь нашего региона. Они являются уникальным и незаменимым помощником всем краеведам и историкам, изучающим историю Пензенского края.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р.-2918. Оп.1. Д. 218. Л. 7 об.
2. ГАПО. Ф. Р-2399. Оп.1. Д.151.

(Журнал «Пензенское краеведение», 2015, № 3).

Использование А. Ф. Дергачёвым документов Госархива Пензенской области при написании краеведческих работ

Впервые в Государственный архив Пензенской области А. Ф. Дергачёв обратился в июле 1951 года, являясь преподавателем областной партшколы, с целью подбора материалов для написания кандидатской диссертации по теме «Борьба крестьян Пензенской губернии в ответ на реформу 1861 года». Свою работу по выявлению документов А. Ф. Дергачёв начал с просмотра фондов Пензенского губернского правления и Канцелярии пензенского губернатора, т.е. с документов учреждений, являющихся высшими административно-полицейскими органами в губернии.

Вскоре выходит его книга «Классовая борьба крестьян Пензенской губернии накануне отмены крепостного права». При написании первой главы им использовались такие разновидности дел, как рапорты и ведомости о состоянии фабрик и заводов, отчёты губернатора о состоянии Пензенской губернии, сведения о занятиях Пензенского губернского комитета по устройству быта помещичьих крестьян. Из фонда губстаткомитета были использованы данные о состоянии общественного управления и народонаселения губернии, сведения о количестве фабрик, заводов, жителей, скота и т.п.

При написании раздела об экономической ситуации Дергачёвым использовались фонды финансовых органов, прежде всего Пензенской казённой палаты, которая занималась учётом численности податного населения. В сфере интересов автора оказались документы о покупке и продаже крестьян, статистические сведения о числе душ и размерах взимаемых подпей, сведения о числе поселян и имений, окладные книги. Для составления собственных статистических подсчётов, в частности о распределении помещичьих земель или о размерах земельного надела на одну ревизскую душу в Пензенской губернии, им были использованы материалы Пензенского губкомитета об улучшении быта помещичьих крестьян.

Все вышеперечисленные категории документов давали общую картину социально-экономического положения губернии и самой многочисленной категории её населения – крестьянства. Для иллю-

страции общих выводов автор использует документы, которые описывают какие-то конкретные ситуации, происшествия. С этой целью им привлекались документы фонда Дворянского депутатского собрания, прежде всего дела о рассмотрении жалоб крестьян на своих помещиков и о распространении слухов среди крестьян об освобождении их от разных повинностей, в частности рекрутской.

При написании второй части книги А. Ф. Дергачёв использовал документы только двух фондов: Канцелярии пензенского губернатора и Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян. Из последнего фонда им использованы документы об условиях, на которых пензенские помещики предполагали освободить крестьян.

Тема крестьянского движения была продолжена в вышедших в 1973 году «Очерках истории Пензенского края». Глава 8 «Падение крепостного права. Крестьянское движение в Пензенской губернии в 60-х годах» значительно расширяет не только хронологические рамки интересующего Дергачёва вопроса, но и является практически новым исследованием по истории отмены крепостного права и реакции из это событие крестьянства, поэтому при написании данной главы источниковедческая база исследования была значительно расширена.

Наиболее интенсивными выступления крестьян после отмены крепостного права были в Чембарском и Керенском уездах, вследствие чего эти события нашли подробное освещение в документах фонда Канцелярии губернатора, в частности в значительном по объёму деле № 3951. Весь раздел о движении крестьян в вышеназванных уездах, а он в «Очерках...» занимает около 16 страниц, написан практически по материалам одного этого дела.

Кроме того, Дергачёв использует материалы фонда Палаты уголовного суда, рассказывающие о жестоком обращении помещиков с крестьянами, выступлениях крестьян, захватах помещичьих земель, убийствах помещиков и управляющих имениями, об уклонении крестьян от выплаты оброка и т.п.

Хотелось бы отметить, что он использует архивные материалы не только как иллюстративный материал к тем положениям и взглядам на классовую борьбу в целом, которые были приняты в исторической науке того периода, но систематизирует, группирует, анализирует данные источников, где это возможно.

В вышеупомянутых «Очерках...» А. Ф. Дергачёвым были написаны главы и по двум другим темам, связанным с протестом против существующего тогда строя – об общественном движении в 50–60-х годах XIX века и о деятельности революционных народников в Пензенской губернии. В 1979 году по этой теме издаётся книга А. Ф. Дергачёва «Народники Пензенского края», которая представляет собой расширенный вариант соответствующих глав «Очерков...».

Привлекательность темы состояла и в том, что к октябрю 1917 г. часть участников этих движений ещё была жива и в начале 20-х годов XX века активно публиковала свои воспоминания. Отсюда вытекает тот факт, что если предыдущие работы писались практически целиком по материалам госархива, то в книге «Народники Пензенского края» процент привлекаемых из архива документов значительно меньше.

Кроме фонда Канцелярии пензенского губернатора в работе использовались документы фонда Пензенского дворянского института, действовавшего в 1844–1863 годах. Интерес к этим документам у Дергачёва был не случаен, так как многие герои его книги обучались или преподавали в этом учебном заведении, часть сведений почерпнута из фонда дирекции народных училищ.

В вышедшей в 1976 году книге А. Ф. Дергачёва «Декабристы-пензенцы» доля документов Госархива Пензенской области невелика. Судя по данным личного дела, А. Ф. Дергачёвым были просмотрены документы из фонда Канцелярии губернатора: сведения о положении и домашних обстоятельствах ближайших родных декабристов, материалы секретного надзора за Алексеем Веденяпиным, Тучковым, сведения о возвращении ссыльных декабристов, рапорты уездных исправников о надзоре за декабристами и др.

Из фонда дворянского депутатского собрания использовались материалы личных дел дворян Громницких, Горстких, Тучковых.

(IV Лебедевские чтения: материалы докл. науч. конф. – Пенза: Пенз. гос. пед. ун-т им. В. Г. Белинского, 2003).

===== **Особенности коллекции периодической печати**=====

журналиста В. И. Нуждова

и возможности её использования в научных целях

Коллекция газет старейшего журналиста Пензенской области В. И. Нуждова насчитывает свыше 12 тыс. экспонатов. Начало коллекции положила газета «Мундо Обреро». Этот экземпляр газеты привёз в Пензу в 1938 году прямо с испанского фронта писатель-журналист Михаил Ефимович Кольцов, который выдвигался кандидатом в депутаты Верховного Совета РСФСР по Пензенскому сельскому избирательному округу.

Пути собирания коллекции были различны, в основном это дарение, покупка. Ежегодно рассылалось множество писем в поисках редких изданий, были установлены контакты с другими коллекционерами газет. На первом этапе собирание коллекции, как и у многих коллекционеров, было весьма хаотичным, но позднее пришло осознание того, что при огромном количестве издаваемых газет всё собрать просто невозможно, поэтому, кроме приобретения каких-то редких, раритетных изданий, для коллекции стали собираться первые и последние номера выходящих газет, а так же газеты по определённой тематике. Именно это последнее обстоятельство и определило основные особенности поступившей на хранение в ГУ «Госархив Пензенской области» коллекции.

Во-первых, это наличие изданий по определённой тематике, когда коллекционером собирались все газеты, независимо от места и года их издания, но посвящённые какому-либо событию или направлению человеческой деятельности.

Часть газет объединена тематикой «Искусство», «Пушкиниана» (наиболее ранние, вышедшие в год 100-летия со дня смерти поэта в 1937 году), «Великая Отечественная война», «Траурные выпуски» и др. Самая старая газета коллекции – это экземпляр «Московских ведомостей» 1762 года. Этот экземпляр подарил коллекционеру Я. Г. Слицан, который, в свою очередь, обнаружил его в одном из разрушенных домов блокадного Ленинграда, сохранил его в своём планшете и привёз в Пензу. В этом номере газеты сообщается о смерти императрицы Елизаветы Петровны.

Во-вторых, наличие первых номеров многих издававшихся газет, независимо от того, насколько длительно было то или иное издание. Следует отметить, что эта часть коллекции представляет особый интерес, т.к. многие газеты издавались крайне непродолжительное время, но, тем не менее, они отражают взгляды и круг интересов определённых слоёв общества.

В-третьих, наличие в коллекции газет, издаваемых в зарубежных странах, даёт представление (конечно, далеко неполное) о средствах массовой информации в конкретно взятой стране и о том, какие проблемы волновали общественность этой страны. Особенно интересно это для изучения содержания газет, издаваемых за рубежом в период существования в СССР жёсткой цензуры, когда практически население страны находилось в определённом информационном вакууме и на страницах советской печати помещалась только разрешённая информация. Имеются и совсем экзотические для нашего времени и местности экземпляры, такие, например, как первая газета острова Мартиника, начавшая издаваться более полутора веков назад.

В-четвёртых, наличие в коллекции, кроме широко известных и распространённых газет, малоизвестных широкому кругу изданий, которые выходили или ограниченным тиражом, или крайне непродолжительное время. В качестве примера можно привести газеты, выходящие на оккупированной территории «За Родину» (Псков), «Белорусская газета» (на белорусском языке), газеты для немецких военнопленных («Свободное слово»), для населения Польши («Свобода»), есть даже экземпляр газеты «Родина зовёт», которая издавалась для освобождённых из немецкого плена советских граждан, находящихся на территории, занятой британскими войсками. Отметим, что имеются газеты, издаваемые отдельными воинскими подразделениями, такие, например, как «За Родину» (130 стрелковая дивизия), «Звезда Советов» (57 армия) и др. Особо хотелось бы оговорить наличие и наших пензенских газет, которые по праву можно назвать раритетными: «На боевом посту» – орган 307 стрелковой дивизии, сформировавшейся в Селиксах; «Советский патриот», издаваемый в нашей знаменитой 354 дивизии; «Бей врага» – орган полевой 10 армии, сформировавшейся в г. Кузнецке.

Можно назвать ещё много особенностей данной коллекции, но хотелось бы отметить одно – данная коллекция разнообразна по тематике

и направлениям представленных в ней изданий. Подробнее хотелось бы остановиться на газетах, издаваемых в Пензенской губернии (области).

Пензенские газеты представлены такими довольно известными изданиями, как «Пензенские губернские ведомости», «Пензенские епархиальные ведомости», и менее известными, как «Жизнь чернозёмного края» и другие. Для госархива Пензенской области пензенские газеты представляют особый интерес, т. к. одна из основных задач архива – собрать и сохранить информацию по истории народов, населяющих её территорию. Следует отметить, что в архиве имеется собственное богатейшее собрание пензенских газет, причём не отдельных экземпляров, а целых годовых подшивок. Конечно, не все наименования пензенских газет, представленных в коллекции В. И. Нуждова, имеются на хранении в архиве, с другой стороны, и в коллекции Виктора Ивановича имеются не все газеты, хранящиеся в архиве. Эти два газетных массива значительно дополняют друг друга и ждут своего исследователя.

В последние годы интерес к газетам прошлых лет значительно возрос, в читальном зале областного архива всё чаще появляются исследователи этого вида информации с целью написания дипломных работ и диссертаций. Этот интерес не случаен, любая газета может служить специфическим источником по истории общества, т.к. в ней размещаются самые свежие новости, репортажи о происходящих событиях и т.п. Правда, прежде чем использовать газетную информацию для написания научной работы, необходимо провести беспристрастный источниковедческий анализ с учётом исторических условий, в которых создавалась та или иная газета.

Коллекция В. И. Нуждова в настоящий момент проходит научно-техническую обработку и описание в соответствии с правилами работы государственных архивов и в 2007 году будет доступна для исследователей.

(Идеалы и реальности культуры российского города: материалы VI городской научно-практической конференции. – Пенза, 2005).

Одной из важных реформ, проводимых Екатериной II, является губернская реформа 1775 г. Её содержание определял обнародованный 7 ноября 1775 года акт «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», вводивший унифицированное административное и судебное устройство для всех губерний. Указ же об учреждении Пензенского наместничества был подписан 15 сентября 1780 года.

Практически одновременно с началом деятельности наместнического правления начали свою деятельность и присутственные места-учреждения, которые было предписано иметь во всех губерниях. Как указывает краевед Е. Самойлов, в результате губернской реформы в Пензенском крае возникло около 80 учреждений с общим штатом 464 человека¹. Все звенья местного управления должны были скреплять главнокомандующие или генерал-губернаторы. Эти должностные лица были фактически ответственны только перед Екатериной II, поэтому на этот пост назначались преимущественно высшие сановники, под их властью объединялись две и более губернии, в официальных документах их зачастую называли генерал-губернаторствами. Генерал-губернаторства не были постоянными территориально, т.к. входившие в них губернии постоянно менялись, как правило, при назначении нового генерал-губернатора. Так, в 1780 г. Пензенская губерния вместе с Владимирской и Тамбовской находилась в управлении гр. Р.И. Воронцова, в июне 1781 г. уже с Казанской губернией перешла под начало кн. П. С. Мещерского, а затем вместе с Нижегородской губернией составила губернаторство И. М. Ребиндера.

Несколько ниже генерал-губернаторов на служебной лестнице стояли наместники (губернаторы). За непродолжительный период существования Пензенского наместничества их было всего два – генерал-поручик Иван Алексеевич Ступишин и генерал-майор Михаил Яковлевич Гедеонов.

И. А. Ступишин возглавлял Пензенское наместничество с момента его образования, служил в Воронежском, Фузилерном и Кексгольмском полках, участник Семилетней войны, в отставку вышел в чине генерал-майора². Так как он являлся первым чиновником в губернии,

мемуаристы не могли обойти его своим вниманием. И. М. Долгоруков, служивший под его началом, писал о нём: «Ступишин был упрям, своенравен и вместе всегда руководим другими, потому что у него череп был крепок, но голова слаба... Не приведи только, Господи, вперед иметь с упрямыми дураками дело»³. Ф. Ф. Вигель также отмечает: «Трудно было найти человека, у которого голова была бы пустее...»⁴.

13 марта 1796 г. И. А. Ступишин был отправлен в отставку. Поводом для неё послужили разногласия с вице-губернатором относительно поставки хлеба из Пензы в Петербург, дело дошло до императрицы, которая заняла сторону вице-губернатора, отправив И. А. Ступишина в отставку. Новый губернатор М. Я. Гедеонов прибыл в Пензу 20 мая 1796 года и произвёл весьма благоприятное впечатление: «...человек добрый, не навязчивый и отнюдь не хитрый. Служа в армии, он имел во нраве вспыльчивость, ... но, к счастью, горячность его можно было умерить советами. Он к ним казался склонен, и притом и добродушие его большой делало перевес вспыльчивости...»⁵.

Вторым по значимости лицом в наместничестве являлся вице-губернатор. Первым Пензенским вице-губернатором стал Данила Самойлович Копьев, занимавший этот пост до 1791 года. Службу Д. С. Копьев начал в 1745 году капралом в Шляхетском кадетском корпусе. Военная карьера его не сложилась, он дослужился до чина армейского поручика, затем служил переводчиком в Коллегии иностранных дел, являлся директором одной из типографий, чиновником Камер-коллегии, занимал различные должности в Смоленском и Орловском наместнических правлениях⁶. Сменивший его И. М. Долгоруков писал о нём: «Сменяемый мной вице-губернатор ... был человек уже немолодой, умный, острый, сведущ своего дела, с большими познаниями о многом и приятного общества»⁷.

И. М. Долгоруков был одним из самых молодых чиновников подобного уровня. Пензенским вице-губернатором Иван Михайлович стал в 27 лет. Первое впечатление от своей службы он описывает так: «5-го числа выехал я в Палату (Казённая палата – прим. автора) и сел в президентские кресла. После старика почтенного, который занимал их, все служители глядели на меня, как на дитя в колясочке,... я пере-

крестился, сел, и передо мной выложили столь много тетрадей, что из-за них не видать было ничего, кроме широкой моей губы, которая придавала мне несколько сановитости»⁸. По долгу службы в качестве вице-губернатора Иван Михайлович являлся председателем Пензенской казённой палаты – высшего финансового органа губернии.

Был ещё один вице-губернатор – Вешняков Иван Петрович. Правда, этот пост он занимал недолго – с 6 января по 5 марта 1797 года, т.е. в период кратковременного существования Пензенской губернии.

Среди лиц, присутствовавших на первом заседании наместнического правления, значится прокурор, коллежский советник А. И. Киселёв, занимавший эту должность до 1793 года. О Афанасии Ивановиче Киселёве известно следующее: с 1742 года он находился на военной службе, служил в Измайловском и Кексольском полках, получил очень тяжёлые ранения в руку и голову, в 1759 году в чине секунд-майора вышел в отставку. В Пензенском, Нижегородском и Владимирском наместничествах владел крестьянами св. 400 душ только мужского пола⁹.

Палату гражданского суда возглавлял действительный статский советник Егор Михайлович Жедринский. Свою службу он начинал в армии, служил в Семёновском полку, особыми качествами не отличался, но благодаря удачной женитьбе быстро продвигался по службе и, выйдя в отставку, приехал в Пензу на вышеназванную должность. Как пишет Ф. Ф. Вигель, «...от всех её жителей постоянно отличался неизвестною им пристойностью в разговорах и вежливостью обращения, особенно с дамами... Читал он мало, и так называемый дух философии и правила разврата, непосредственно из него вытекающие, почерпнул он, кажется, из разговоров, а не из книг»¹⁰.

Создание новых губернских учреждений повлекло за собой увеличение количества губернских чиновников, особенно мелких канцелярских служащих, это давало многим бедным семействам средства к существованию. Об этом пишет и И. И. Мешков: «...в канцелярских служителях по всем присутственным местам была общая потребность и, стало быть, не представляло ни малейшего затруднения быть принятым на службу немедленно»¹¹.

В документах архива Пензенской области сохранилось первое штатное расписание канцелярских служащих Пензенского наместни-

чества¹². Обращает на себя внимание значительное количество предусматриваемых канцелярских служителей. Объяснялось это тем, что техника делопроизводства была примитивной, все документы писались только вручную, сначала в виде черновики, а затем набело. Многие документы были очень значительны по объёму, т.к. в их текстах встречаются не только ссылки на соответствующие статьи нормативных актов, но и цитируется их текст. Кроме того, само количество создаваемых документов было огромно, т.к. по существующим в то время правилам требовалось не только дать ответ на полученный документ, но и обязательно отправить в письменном виде рапорт, что этот документ был получен. В госархиве сохранилось дело за 1787 год «Записная книга исходящих из Пензенского наместнического правления в разные присутственные места письмам»¹³. В книге зарегистрировано 23119 документов отправленных (а значит и написанных) за один только год из наместнического правления.

В штатном расписании обращает на себя внимание также тот факт, что из всех канцелярских служащих должность секретаря выделена обособленно, это не случайно, т.к., как правило, в губернских учреждениях затруднительно было увеличивать документы в необходимом количестве экземпляров, и членам присутствий приходилось их воспринимать на слух. Текст как самого документа, так и формулировки принимаемых решений зачитывались секретарём, что значительно повышало его роль.

Далеко не все канцелярские служители имели классный чин в соответствии с Табелью о рангах. Выходцам из непривилегированных сословий нужно было прослужить несколько лет, чтобы получить самый низший классный чин коллежского регистратора. Так, уже упоминаемый И. И. Мешков, поступив на службу в 1782 г. копиистом, первый классный чин коллежского регистратора получил только через 10 лет.

В XVIII веке служащие государственных учреждений были привилегированным социальным слоем. Высшие и средние слои чиновников принадлежали к дворянству, у мелких чиновников существовал шанс получить более высокий чин. А получение чина коллежского асессора (VIII класс Табели о рангах) давало право потомственного дворянства.

Сохранился список служащих по всем учреждениям Пензенского наместничества на период 1784–1785 гг.¹⁴, что позволило провести

анализ социального состава пензенского чиновничества за указанный период: дворяне составляли 45 % от общего количества чиновников, дети священно- и церковнослужителей – 5,1 %, дети приказно- и других служителей – 24,4 %, обер-офицерские дети – 3,6 %, солдатские дети – 6,1 %, из купцов – 2,05 %, из однодворцев и отпущенных на волю крестьян – 6,6 %, иностранцы, малороссияне – 1,5 %, военнотружущие не дворяне – 2,05 %, прочие – 3,6 %.

Фактический процент дворян среди чиновников был выше, т.к. в списке указывалось их происхождение, а некоторые из них получили дворянство уже находясь на службе. В качестве примера можно привести указанного в списке чиновника Казённой палаты Алексея Щедрина, родом «из крестьянских детей». В 1747 г. он числился солдатом лейб-гвардии Измайловского полка, к 1762 году дослужился до сержанта, в 1766 г. именованным царским указом пожалован сразу в титулярные советники, а в октябре – в коллежские асессоры¹⁵. То же самое можно сказать и про стряпчего верхнего земского суда Василия Болдырева («из солдатских детей») и Шешкеевского городничего Фёдора Мура («из Ревельских купцов»), которые были причислены к пензенскому дворянству¹⁶.

Для работы всех учреждений Пензенского наместничества на самом первом заседании правления в 1780 году 31 декабря был установлен единый регламент «... назначивается время, чтобы все господа члены к присутствию приезд имели в 9-м часу пополудни, а выезд пополудни во 2-м часу...»¹⁷.

Заседания в присутственных местах проходили следующим образом: «Члены их (присутствий – прим. авт.) церемонно собирались в определённое время в специальных помещениях, где считалось желательным иметь портрет императора. Участники должны были быть одеты в полагавшееся для таких случаев форменное платье. Они рассаживались за большим столом, на котором размещалось так называемое зеркало – трёхгранная призма с текстами петровских указов, предписывающих соблюдение закона... Отсутствие в зале зеркала влекло за собой выговор для виновных»¹⁸. Это подтверждают и документы госархива. В «Ведомости о казённом имуществе бывшего Пензенского губернского магистрата за 1797 год» значится: (орфография сохранена –

прим. автора) «1. Патрет Ея Императорскаго Величества. 2. Зерцало. 3. Казенная печать и с ящиком»¹⁹.

В начале 80-х годов XVIII века для всех губернских чиновников вводятся мундиры. Мундиры должны были быть тех цветов, которые были характерны для губернских гербов. Так, в ноябре 1782 года один из генерал-губернаторов сообщил в Сенат, что в Пензенской губернии «одинаковое» платье было сделано ещё в «прошедшем... лете... цветов по опробованному ее Императорского Величеством гербу губернии. Как на присланном из Герольдии рисунке герб тот означен: в зелёном поле три снопа зрелого хлеба, вследствие того кафтан зелёный и подкладка такая же, краген (воротник – прим. автора), обшлага и исподнее платье чёрные, а камзол палевый»²⁰.

Хотя быть чиновником считалось престижно, для многих, особенно для канцелярских служащих, условия работы были тяжёлыми: шероховатая бумага, гусиные перья и коптящие сальные свечи требовали много сил и времени для технической работы над документами. Кроме того, независимо от материального благополучия чиновник должен был вести соответствующий своему положению образ жизни: иметь прислугу, более приличное жильё. Получение соответствующего классного чина позволяло покупать крепостных, что иногда было дешевле, чем завести прислугу. Вышеназванный В. Болдырев имел за собой 40 душ, но это являлось скорее исключением, чем правилом. Государство не могло платить чиновникам достаточного жалованья для поддержания соответствующего имиджа, поэтому не удивительно, что процветало взяточничество.

В заключении хотелось бы отметить, что в этот период закладываются основы губернской государственной службы, т.е. того социального слоя, который вплоть до 1917 года оказывал существенное влияние на все стороны жизни Пензенского края. Это был новый тип чиновника-выходца из непривилегированных сословий, постепенно вытесняющий дворян из государственных учреждений.

1. Самойлов Е. Г. Пензенский край в XVIII веке. Пенза, 1959. С. 28.
  2. Пензенская энциклопедия, М., 2001. С. 592.
  3. Долгоруков И. М. Капище моего сердца. М.1997. С. 260, 262.
  4. Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн.М.: Захаров, 2003. С. 288.
  5. Долгоруков И. М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788-го года в августе месяце на 25-м году от рождения моего. Спб.: Наука, 2004. С. 420–422.
  6. ГАПО. Ф.2. Оп.1. Д.104. Л. 22 об. –23.
  7. Долгоруков И. М. Повесть...С. 279.
  8. Долгоруков И. М. Повесть... С. 282.
  9. ГАПО. Ф.2. Оп.1. Д.104. Л. 34 об. –35.
  10. Вигель Ф. Ф. Указ. соч. , С. 295.
  11. Мешков И. И. Записки Ивана Ивановича Мешкова // Русский архив. 1905. Кн.2. Вып.6., С. 187.
  12. ГАПО. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л. 12–18 об.
  13. ГАПО. Ф.2. Оп.1. Д.142.
  14. ГАПО. Ф.2. Оп.1. Д.104.
  15. Там же. Л.24 об. –25.
  16. Там же. Л.39об. –40, Л. 94 об. –95.
  17. ГАПО. Ф.2. Оп.1. Д.1. Л.2.
  18. Цит. по: Шепелев Л. Е. Чиновный мир России. – Спб, 2001. С. 22
  19. ГАПО. Ф.2. Оп.1. Д.500.
  20. Цит. по: Шепелев Л. Е. Указ.соч., С. 200.
- (Журнал «Пензенское краеведение», 2016. № 1).

Последние дни Пензенской жандармерии

1 марта 1917 г. в Пензу пришла телеграмма об отречении от престола Николая II. 3 марта в Народном доме (сейчас – Пензенский областной драматический театр) проходил митинг по поводу свершившейся революции в Петрограде, а 4 марта представителями Пензенского губернского исполнительного комитета во главе с Нестором Степановичем Степановым был арестован начальник Пензенского губернского жандармского управления генерал-майор Леонид Николаевич Кременецкий. Его арест означал практическую ликвидацию жандармского управления как учреждения.

В Пензенской губернии жандармское управление было создано на основании «Положения на корпусе жандармов» от 19 сентября 1867 г.¹ вместо Пензенской жандармской команды. Управление возглавлялось начальником, подотчётным Департаменту полиции. Основными функциями управления являлись: приведение в исполнение законов и приговоров суда на поимку и розыск беглых и иных преступников, «на рассеяние запрещённых законом скопищ», сохранение порядка на воинских парадах, народных гуляньях, ярмарках, пожарах и т.п., усмирение различных беспорядков, волнений. С 70-х годов XIX в. главным в его деятельности становится дознание, а также политическое следствие, переданные в ведение жандармерии от судебных следователей.

На момент своей ликвидации Пензенское губернное жандармское управление имело следующий состав: начальник – вышеупомянутый генерал-майор Леонид Николаевич Кременецкий, его помощник – ротмистр Кононов, 2 вахмистра, 21 унтер-офицер, 6 из которых осенью 1914 г. были командированы на фронт, и 2 писаря унтер-офицерского звания². Кроме этого при любом жандармском управлении работали так называемые «филеры» – агенты наружного наблюдения, секретные сотрудники и осведомители.

О статусе всех сотрудников Пензенского жандармского управления Л. Н. Кременецкий очень подробно рассказал при допросе 14 июля 1917 г. судебному следователю по важнейшим делам в округе Пензенского окружного суда М. В. Листову: «Из указанных лиц вахмистры, унтер-офицера и писаря определялись на службу мною, являлись долж-

ностными лицами, относительно каждого из них заводилось особое дело и жалование они получали, как должностные лица. «Филеры»... являлись вольнонаемными служащими Управления, получающими периодически жалование. Определялись они на службу мною. Должностными лицами они не были и формулярных списков относительно них не велось, а только собирались сведения о личности и деятельности... Секретные сотрудники в Управлении представляли элемент случайный, преходящий. Само собой, они не были должностными лицами. Некоторые из них получали жалование периодически, другие же получали вознаграждения за сообщение сведений каждый раз отдельно... В ... отчетах, представленных Департаменту полиции, секретные сотрудники представлялись под кличкой. Но о каждом принятом мною секретном сотруднике я немедленно сообщал Департаменту полиции, в каком донесении указывал как действительное наименование сотрудника, так и его прозвище (кличку). Насколько помню, ввиду особой секретности таких донесений, черновики этих донесений в Управлении не оставлялись... Кроме филеров и секретных сотрудников Управление пользовалось еще услугами..., осведомителей, которые... осведомляли Управление о настроении тех кругов, в которых они вращались... Осведомители получали жалование периодически, каждый месяц, но сами собой не были лицами должностными, а представляли также... элемент случайный»³.

По требованию Департамента полиции управление содержалось в Пензе по адресу: Гоголевская улица, дом 21.

Последними секретными сотрудниками были Константин Иванович Иванов (работал под кличкой «Кирьяков»), якобы прекративший свою деятельность в августе 1916 г., и Кузьма Петрович Сторожев (кличка «Петровский»), освещавший деятельность Пензенской крестьянской организации партии социал-революционеров.

Круг осведомителей был значительно шире, начиная от «разовых», получавших от 5 до 10 руб. в месяц, до более постоянных. Например, специально приглашённый из Петрограда некий Кривошеев, который освещал деятельность почтовой цензурной комиссии, состоявшей по сведениям из лиц, сочувствующих немцам, так как жена стоявшего

во главе штабс-капитана Загорского была немкой, за эту работу получал около 25 руб. в месяц.

Таким образом состояли дела Пензенского жандармского управления на момент ареста начальника и его помощника, а несколько позднее и заведующего розыскным столом унтер-офицера И. Т. Безсонова. Следует отметить, что в ходе следствия над чинами жандармерии Кононов серьёзной роли не играл, ключевыми фигурами являлись Л. Н. Кременецкий и И. Т. Безсонов. Что из себя представляли эти основные подследственные?

Леонид Николаевич Кременецкий родился 1 марта 1862 г. в г. Владимире на Клязме. Потомственный дворянин Харьковской губернии, он окончил Полоцкую военную гимназию и 3-е военное Александровское училище в Москве. Кавалер орденов Св. Владимира III и IV степени, Св. Анны II и III степени, Св. Станислава III степени, награждён рядом медалей. Имел двух дочерей – Марию (род. 9 сентября 1905 г.) и Наталью (род. 19 февраля 1907 г.). Был женат на дворянке Марии Эмериновне Александрович, впрочем, за несколько лет до описываемых событий жена ушла от Леонида Николаевича и жила в гражданском браке с другим человеком. В должность начальника Пензенского губернского жандармского управления Л. Н. Кременецкий вступил 27 мая 1913 года. Как следует из его формулярного списка, составленного 4 июля 1916 г., где-то с начала 1915 г. у него начались серьёзные проблемы со здоровьем. Так, «за 1915 г. он отсутствовал на службе около 5 месяцев, в основном, по болезни»⁴.

В октябре 1916 г. он подал прошение об отставке по состоянию здоровья, но ответа не получил и вновь обратился с этим вопросом 21 января 1917 г. На момент ареста ответа на его прошение получено не было.

Второе действующее лицо следствия – Иван Тарасович Безсонов, 43 лет, уроженец села Кувак-Никольское Нижнеломовского уезда Пензенской губернии. Женат, но в течение последних 13 лет проживал со своей гражданской женой Тюргановой, помогавшей ему в его работе, имел от неё сына. На службе в Пензенском губернском жандармском управлении состоял с ноября 1904 г., с середины 1913 г. возглавил розыскной стол⁵.

Что же явилось причиной ареста этих жандармов? Сам Л. Н. Кременецкий так объясняет причину своего ареста: «4 марта с.г. я был арестован вместе с б. помощником моим вахмистром Кононовым по постановлению Пензенского исполнительного комитета, причем нам было заявлено, что наш арест произведен в целях предупреждения могущих быть против нас эксцессов...»⁶ В своём прошении на имя прокурора Пензенского окружного суда от 29 апреля 1917 г. Л. Н. Кременецкий пишет, что 11 апреля тюремный комиссар Иванов объявил им о том, что исполнительный комитет против них ничего не имеет и продолжает содержать под стражей исключительно в интересах их безопасности⁷.

Об обстоятельствах, предшествующих аресту жандармских чинов, наиболее подробно рассказал следствию бывший в то время председателем Пензенского губернского временного исполнительного комитета Сергей Николаевич Ашанин: «Когда в начале марта в г. Пензе были получены из Петрограда известия о свершившемся государственном перевороте, то разные общественные деятели собрались в здании Пензенской Городской Управы, чтобы обсудить создавшееся в связи с переворотом положение в г. Пензе. В здание Городской Управы были приглашены и военные начальствующие лица... Приглашенные начальники воинских частей заявили, что они не будут препятствовать грядущей свободе и ограничатся тем, что не допустят насилий... Между прочим, возник вопрос о том, как поступить с жандармскими чинами... Оставить их на свободе не представлялось возможным, так как это могло быть вредным для наступавшего нового строя. Вместе с тем необходимо было позаботиться о том, чтобы жандармские чины не подвергались каким-либо насильственным действиям со стороны возбужденного народа и чтобы были обезопасены дела и документы Жандармского управления от уничтожения их жандармами, так как эти документы и дела само собой являлись очень ценными. Когда народом был насильственно убит начальник бригады Бем⁸, ... то Комитетом было решено арестовать Кременецкого и его помощника... Через несколько часов ко мне позвонил Кременецкий с вопросом, что ему делать и можно ли ему уехать в Москву с детьми. Я ответил ему, что для него лично, ввиду с случаем с генералом Бемом и в общественных

интересах, будет лучше, если он будет арестован и не будет препятствовать аресту и будет отвезен в тюрьму. Кременецкий с этим согласился и был вскоре арестован Степановым»⁹.

По свидетельству ряда очевидцев, на митинге в Народном доме 3 марта 1917 г. велась агитация против Л. Н. Кременецкого, в частности, ротмистр Кононов поздно вечером виделся с бывшим начальником железнодорожного жандармского отделения подполковником Бржезинским, который узнав, что Кременецкий ещё не арестован, рассказал ему о происходившей на митинге агитации, выразившись в заключение, что «словом, на генерале Кременецком вешали всех собак»¹⁰. Кроме того, были получены сведения о прибытии в Пензу боевой дружины рабочих с целью производства террористических действий по отношению к филерам и секретным сотрудникам. В данной ситуации арест Л. Н. Кременецкого являлся для новой власти единственным средством, чтобы оградить его от самосуда. Производивший арест Н. С. Степанов отмечал, что Кременецкий его заявление об аресте встретил спокойно. Дела и документы жандармского управления стали тут же перевозиться в помещение Управы для дальнейшей разборки специальной комиссией.

Однако вскоре после ареста начальника Управления и его помощника было установлено, что часть документов Кременецкий с помощью унтер-офицера И. Т. Безсонова всё же успел уничтожить. Все эти уничтоженные документы (по словам Кременецкого и Безсонова) касались наружного наблюдения, как то: дневники наблюдения, рапортички филеров, отчёты по использованию денежных средств на оплату филеров, осведомителей и т.п. Кроме этого были сожжены и сведения о лицах, приехавших в гостиницы города (впрочем, со слов арестованных, последние всегда использовались при растопке печей, так как никакой ценности не представляли). На неоднократно проводившихся допросах в различных инстанциях Л. Н. Кременецкий утверждал, что уничтожил документы Управления после получения данных о предстоящем приезде рабочей карательной команды и своём аресте, отчасти руководствуясь служебными соображениями, отчасти потому, что ему неловко было выдавать своих сослуживцев. Были уничтожены также шифры: военный, полицейский и жандармский, так

как, по объяснению Кременецкого, он был обязан это сделать по распоряжению Департамента полиции в виду возникновения народных волнений. Кременецкий пояснил так же, что все подлинные документы отсылались в Департамент полиции, в управлении оставались только черновики, которые велись «не в силу какого-либо закона или циркуляра, а в силу исключительно практики»¹¹. Впрочем, установить имена осведомителей, филеров и секретных сотрудников при желании в то время не представлялось делом исключительно трудным. С большой, правда, задержкой, но на запрос следователя, ведущего дело Кременецкого и Безсонова, 13 октября 1917 г. Особая комиссия Министерства юстиции для обследования деятельности Департамента полиции и подведомственных ему учреждений сообщила, что в делах Департамента полиции имеются сведения и отчёты агентов¹², да и в ходе следствия все эти имена всплыли на поверхность. Сами «секретные сотрудники» не отрицали в ходе следствия своего сотрудничества с жандармерией, вышеназванные К. П. Сторожев и К. И. Иванов довольно подробно рассказали о своей «деятельности».

Трудно установить все инстанции, занимавшиеся делом Кременецкого и Безсонова, Впрочем, учитывая обстановку марта-апреля 1917 г. в Пензе, это вполне объяснимо. Из хранящегося в Государственном архиве Пензенской области следственного дела совершенно не ясно, кто допрашивал обвиняемых в первые месяцы их ареста, хотя слово «обвиняемые» здесь вряд ли уместно, так как никакого чёткого обвинения выдвинуто не было, и арест Кременецкого и Кононова был произведён до установления факта уничтожения документов. Первые протоколы допроса подписаны только Кременецким и Безсоновым без указания лиц, проводивших допрос. Где-то с мая 1917 г. в качестве допрашиваемой инстанции начала фигурировать следственная комиссия в составе председателя В. А. Германа и членов И. Н. Ожогина и Н. Т. Максимова, созданная при губисполкоме. Судя по запросу прокурора Пензенского окружного суда от 3 мая 1917 г. в Пензенский губисполком, он находился в полном неведении, содержится ли Кременецкий под стражей и в чём его обвиняют¹³. Через месяц, 3 июня, прокурор «напомнил» губисполкому

о своём запросе, правда, после соответствующей телеграммы из Петербурга. Очевидно, на свой первый запрос он ответа так и не получил.

23 июня 1917 г. вышеуказанная следственная комиссия постановила передать дело Кременецкого прокурору Пензенского окружного суда для дальнейшего направления в законном порядке, избоблив его в уничтожении документов. На следующий день подобное постановление было вынесено и в отношении И. Т. Безсонова.

13 июля 1917 г. вышеуказанные дела были приняты к исполнению и.д. судебного следователя по важнейшим делам Пензенского окружного суда М. В. Листовым. Интересен тот факт, что расследовавший дело об уничтожении документов Михаил Владимирович Листов, выпускник Пензенской духовной семинарии и Новороссийского университета, работал в губернском управлении архивным делом.

М. В. Листов вынес постановление о привлечении Л. Н. Кременецкого и И. Т. Безсонова к следствию в качестве обвиняемых в том, что они «по предварительному соглашению между собою, вопреки обязанностям своей службы, с целью сокрытия сведений о личном составе и деятельности филеров и секретных сотрудников Управления, умышленно истребили документы Управления, а именно, дела касавшиеся наружного наблюдения..., а также военный, полицейский и жандармский шифры»¹⁴.

Самое интересное в этом обвинении то, что как раз по долгу своей службы Кременецкий был просто обязан уничтожить шифры и навряд ли в его обязанности входило разглашение сведений, являвшихся секретными, перед властью, на службе которой он не состоял. Формулировка подобного обвинения стала, на наш взгляд, возможной только при смене властей, когда новая власть, считая преступлением честное исполнение своих служебных обязательств перед старой властью, кстати, платила за их добросовестное выполнение. Органы полиции и жандармерии всегда считались душителями революционных движений и верными стражами существующего царского режима, и наверняка у Кременецкого как начальника губернского жандармского управления были более серьёзные «прегрешения» перед новой властью и перед народом, поминавшем его «недобрым словом» на том же митинге в Народном доме 3 марта 1917 г., но в вину ему было поставлено именно уничтожение документов.

Чем же закончилось это дело? С первых же дней своего ареста Л. Н. Кременецкий жаловался на состояние здоровья. По заключению врачей, он страдал сердечными заболеваниями и нервным расстройством. Во время ареста он обследовался 19 апреля 1917 г. тюремным врачом Державиным, вынесшим заключение, что Кременецкий подлежит систематическому лечению в специальных лечебных заведениях, впоследствии это подтвердил и врачебный эксперт Ясинский.

Психическое состояние Л. Н. Кременецкого ухудшилось в связи с различными потрясениями как личного плана, так и общественного: отречение царя, уход жены, арест, тюремный бунт 5 марта, когда он чудом остался жив, и т.п. В судьбе брата активное участие приняла сестра Александра Николаевна Кременецкая, приехавшая в Пензу из Гжатска Смоленской губернии. Она фактически «бомбардировала» различные инстанции – Минюст, МВД, военное ведомство и т.п. – телеграммами, прошениями о разрешении участия брата и необходимости его лечения. В результате 22 августа 1917 г. М. В. Листов вынес постановление о переводе Л. К. Кременецкого в Казанскую окружную психлечебницу, куда он и был доставлен под стражей 10 сентября 1917 г.

И. Т. Безсонов также жаловался на своё здоровье. Медэксперт дал заключение о значительном ухудшении его состояния, и 4 декабря 1917 г. И. Т. Безсонов был выпущен из тюрьмы под залог в 500 рублей, внесённый крестьянином села Кувак-Никольское Василием Егоровичем Четвертаковым.

И в качестве заключения. Должностные лица жандармского управления были привлечены к судебному расследованию за уничтожение документов по признакам преступления, предусмотренного ст. 13 и 362 Уложения о наказаниях. Остальные документы, по свидетельству очевидцев, были вывезены для изучения и разбора, как имеющие определённую ценность. Судьба этих вывезенных документов неизвестна: были ли они уничтожены сознательно и какой властью, или по халатности были растащены на курево и упаковку для продуктов, или погибли в результате стихийного бедствия. В Государственном архиве Пензенской области фонд Пензенского губернского жандармского управления насчитывает 17 единиц хранения...

1. ПСЗ, т. XXII/
2. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д. 240. Л. 2.
3. Там же. Л. 39 об- 41.
4. Там же. Л. 198–203.
5. Там же. Л. 48–49.
6. Там же. Л. 13.
7. Там же. Л. 14.

8. Генерал Бем в начале марта был растерзан толпой солдат, ненавидевших его за жестокое обращение с ними, над трупом совершено надругательство. Свидетельство очевидца события см. в журнале «Земство», 1994, № 1. С. 140–143.

9. ГАПО. Ф. 43. Оп. 1. Д.240. Л. 76–76 об.
10. Там же. Л. 72.
11. Там же. Л. 38–39 об.
12. Там же. Л. 245.
13. Там же. Л. 15.
14. Там же. Л. 36–37.

(Журнал «Пензенское краеведение». Пенза, 2000, № 8).

*Мы ехали вчера в карете и сжимали
В объятьях пламенных друг друга: словно мгла
Нас разлучить смогла.
Печальны были дали,
И вечная весна, весна любви цвела.
Раскроются цветы и в сад приду я снова,
Я в летний сад приду взглянуть на пьедестал:
Начертано на нем магическое слово –
То имя нежное, чьим пленником я стал.
Скиталица моя, где будете тогда вы?
Покинете меня?
Вновь разлучимся мы?
О, неужели вы хотите для забавы
Средь лета погрузить меня в кошмар зимы?*

Эти строчки Александр Дюма-сын, автор знаменитой «Дамы с камелиями», посвятил Лидии Закревской, дочери всемогущего московского генерал-губернатора графа Арсения Андреевича Закревского, владельца имений в Тульской и Пензенских губерниях. Судьбу Арсения Андреевича Закревского, впрочем, как и его единственной дочери Лидии, нельзя назвать типичной для середины прошлого века. Происходил Арсений Андреевич из незнатного рода Закревских, дворян Тульской губернии. Его дед Иван Андреевич начал военную службу в 1701 г. солдатом и к 1745 г. дослужился до чина полковника, в 1757 г. «за болезнь от службы уволен»¹. От брака с Анной Ильиничной Лутковской у него родился сын Андрей, не добившийся на службе высоких чинов: в 1771 г. Андрей Иванович вышел в отставку в чине поручика. У Андрея Ивановича Закревского и его жены Анны Алексеевны, урождённой Сонцовой, было три сына: Арсений, Алексей и Иван². Арсений Андреевич Закревский родился 13 сентября 1783 г. в с. Берниково Зубцовского уезда Тверской губернии, в 1802 г. был выпущен из Гродненского кадетского корпуса (бывшего шклевского корпуса Зорича) в Архангелогородский пехотный полк, командиром кото-

рого являлся почти такой же молодой граф Н. М. Каменский. Военная карьера А. А. Закревского была стремительной: 1802 г. – прапорщик, 1804 г. – подпоручик, 1806 г. – поручик, 1808 г., ноябрь – штабс-капитан, а в декабре этого же года «за отличие в сражениях противу шведских войск»³ произведён в капитаны, 1810 г. – майор, январь 1812 г. – подполковник, а уже в феврале – полковник. Ивану Андреевичу Закревскому, чтобы дослужиться до полковничьего чина, потребовалось почти 45 лет, его внуку – только 10.

Александр Дюма – сын

А. И. Закревский

В начале 1811 г. умер Н. М. Каменский, под командованием которого служил всё это время Арсений Андреевич, и он, как ближайший свидетель его неожиданной смерти, явился к Александру I с его бумагами. Здесь он получает должность адъютанта военного министра Барклая-де-Толли, а в декабре 1812 г. становится флигель-адъютантом самого царя.

Храбрость и исполнительность Закревского постоянно отмечались Барклаем-де-Толли.

В сентябре 1813 г. А. А. Закревский за отличие во французской кампании производится в генерал-майоры. Во время походов 1813–1814 гг. он неотлучно находился при Александре I как один из ближайших к нему генерал-адъютантов. С 1816 г. исполнял обязан-

ности дежурного генерала главного штаба, в августе 1821 г. произведён в генерал-лейтенанты. В процессе службы А. А. Закревский сблизился со многими государственными и военными деятелями: А. П. Ермоловым, Д. В. Давыдовым, Ф. В. Ростопчиным, М. С. Воронцовым, П. М. Волконским, А. Ф. Орловым, П. Д. Киселёвым, но среди его окружения были и недоброжелатели, в частности А. А. Аракчеев, которого Арсений Андреевич называл «вреднейшим человеком России»⁴. 30 августа 1823 г. под давлением Аракчеева Закревский был снят с поста дежурного генерала и назначен генерал-губернатором Финляндии. Арсений Андреевич с июня 1826 г. являлся членом Верховного уголовного суда над декабристами, но активного участия в его работе не принимал, хотя и подписал приговор.

В это же время на Закревского поступил анонимный донос, обвинявший его в политической неблагонадёжности, и всю вторую половину 1820-х годов он состоял под негласным надзором III отделения.

В 1828 г. А. А. Закревский становится министром внутренних дел, однако последовавшие неудачи, в частности с санитарными мерами против бушевавшей в 1830--1831 гг. эпидемии холеры, вынудили его в 1831 г. подать в отставку. Незадолго до отставки, 3 августа 1830 г., А. А. Закревский был возведён в графское достоинство.

В сентябре 1818 г. Арсений Андреевич женился на дочери сенатора, тайного советника графа Фёдора Андреевича Толстого, Аграфене⁵. Брак был выгоден обеим сторонам – отвлекал Аграфену Фёдоровну от нежелательного для семьи кавалера и давал удачливую, с блестящей карьерой мужа, а с другой стороны – недоразвитый и небогатый дворянин получал именитую и богатую жену. В формулярном списке А. А. Закревского за 1832 г.⁶, находящемся на хранении в Государственном архиве Пензенской области, в графе о наличии у него имущества указывается: «Родового имущества нет, приобретенного: Тульской губернии в Чернском уезде 200 душ, купленные ему тещей и тестем его графом Толстым в 1818 г., Пензенской губернии Мокшанского уезда 150 душ, купленные ему женою его в 1827 г., и Московской губернии близ города Москвы дача, на коей деревянный дом с разными хозяйственными постройками, подаренные ему тестем в 1823 г. У жены родовое – Пензен-

ской губернии Мокшанского уезда 6388 душ, Наровчатского уезда 38 душ, винокуренный завод, в Нижегородской губернии Ардатовского уезда 1259 душ, при котором имении для тканья сукон устроена фабрика и отхожая лесная дача при реке Арче 2557 дес., и при оной 6 душ, в Московской губернии в уездах и Дмитриевском 146 душ и Богородском 124 души».

А. Ф. Толстой-Закревской в Мокшанском уезде принадлежали крестьяне в с. Сергиевском (Муратовке), в с. Знаменском и д. Морфино (Гагаревка). В Наровчатском же уезде ей после смерти матери Степаниды Алексеевны досталось 38 душ при д. Лухше.

А. В. Фишер, служивший адъютантом в бытность А. А. Закревского Московским генерал-губернатором, племянник известного героя-партизана войны 1812 г., вспоминал: «Император Александр Павлович, оценив достоинства Арсения Андреевича и зная его недостаточные средства, женил его на графине Толстой, в то время одной из богатейших невест. Брак этот имел романтическую подкладку. Невеста любила другого и решила выйти за Арсения Андреевича условно, исполняя волю императора. Первые годы их супружества походили на отношения прусского Фридриха Великого к королеве-супруге. Впоследствии отношения их изменились к лучшему, и плодом их была единственная дочь, обожаемая графом... Отношения графа к графине Аграфене Федоровне были ровные и почтительные. Казалось, между ними существовала ничем не порушаемая дружба и взаимное уважение».

Дочь Лидия родилась у супругов Закревских в 1829 г., то есть более чем через 10 лет после вступления в брак. Некоторые источники указывают 1826 г. как год рождения Лидии, но это неверно, очевидно, ошибка произошла из-за указания в формулярном списке А. А. Закревского за 1832 г. возраста дочери – 6 лет.

В 1847 г. в 17-летнем возрасте Лидия Арсеньевна вышла замуж за графа Дмитрия Карловича Нессельроде, сына Карла Васильевича (Карла-Роберта) Нессельроде (1780–1862), российского государственного канцлера, сыгравшего зловещую роль в судьбе А. С. Пушкина. Андре Моруа в своём романе «Три Дюма» так пишет об этом браке: «В январе 1847 года Дмитрия отозвали из Константинополя, где он служил секретарём посольства, чтобы женить его на юной наследнице с приданным в триста тысяч рублей, отец которой, граф Закревский,

был генерал-губернатором Москвы и пользовался всеобщим уважением. Большой дипломат и многоопытный человек, Дмитрий считал, что ему легко удастся подчинить себе девочку-жену, которую два могущественных семейства бросили в его постель... Эта очаровательная женщина, очень остроумная, очень богатая, не любила своего мужа, который был на семнадцать лет старше ее»⁸. Здесь Моруа допускает ряд неточностей: разница в возрасте между Лидией и Дмитрием была меньше, последний родился 11 декабря 1816 г., и в 1847 г. А. А. Закревский не был ещё генерал-губернатором Москвы, он стал им в мае 1848 г. по протекции отца Дмитрия – К. В. Нессельроде.

О неудачном браке Лидии и Дмитрия свидетельствовали и некоторые современники, в частности, тот же А. В. Фишер пишет, что «Лидия Арсеньевна не была счастлива в браке с графом Нессельроде»⁹. Собственно говоря, по тем временам браки по расчёту являлись нормой и многие супруги, даже из очень высокопоставленных семей, зачастую всю жизнь жили вместе, не испытывая друг к другу симпатий. Но Лидия Закревская была не из их числа.

Путешествуя по Европе, якобы для лечения слабых нервов, она осела в Париже, её муж был вынужден уехать в Россию один. В Париже в 1850 г. и познакомился с ней Александр Дюма-сын, которому в то время шёл 26-й год. Этот роман весьма подробно описал Андре Моруа. Жизнь Лидии Арсеньевны в Париже А. Моруа описывает так: «Франция обладала неодолимой и притягательной силой для прелестной и сумасбродной графини... Она оказалась чудовищной мотовкой. Лишь на цветы для одного бала, данного ею в её парижском особняке, она потратила 80 тыс. франков. Она шила только у Пальмиры, каждое платье обходилось ей в полторы тысячи франков, и, отправляясь к портнихе, она заказывала всякий раз не меньше дюжины. Она приобретала превосходные жемчуга длиной в семь метров. К красному платью она носила убранства из рубинов (диадему, ожерелье, браслеты, серьги), туалету из голубого бархата – убранства из сапфиров»¹⁰.

Вольная жизнь подошла к концу в марте 1851 г., когда муж по приказанию царя увёз Лидию Арсеньевну из Парижа. Несколько месяцев гонялся Александр Дюма-сын по Европе за своей возлюбленной,

однако вскоре должен был прекратить свои скитания – по приказу канцлера К. В. Нессельроде въезд в Россию ему был запрещён.

*Увы! Предвидел я, что решено судьбою
Нам болью отплатить за радостные дни.
Расцвета летнего любовь не увидала.
Едва зажегся луч, согревший нам сердца,
Как разлучили нас. Печально и устало
Мы будем врозь идти, быть может до конца.*

Решительные действия мужа и вмешательство императора не взмутили Лидию, но Нессельроде, видимо, не хотели портить отношения с могущественным и богатым А. А. Закревским, тем более к тому времени у Лидии и Дмитрия родился сын Анатолий, являющийся прямым наследником Московского генерал-губернатора. Лидия ушла от мужа и поселилась в Москве в доме отца.

Анатолий Дмитриевич Нессельроде окончил Гейдельбергский университет, служил по линии Министерства юстиции, затем Минфина, МИДа. Выйдя в отставку, он стал Вольским уездным предводителем дворянства. Владел землями в Саратовской губернии в уездах: Петровском – 1175 дес., Вольском – 15409 дес., Кузнецком – 3188 дес., Саратовском – 2774 дес. и в Пензенском – 1756 дес.¹¹.

Учитывая то, что Арсений Андреевич Закревский был лично стью исторической и занимал важные государственные должности, его деятельность не могла не найти отражение в воспоминаниях современников. Одно из самых обширных воспоминаний оставил В. Д. Друцкой-Соколинский, видный Мокшанский земский деятель, ставший впоследствии зятем Закревского: «Помню одно сказание, приписанное кн. Меншикову, ... что святая Москва с назначением генерал-губернатором Закревского была произведена в великомученицы»¹². В целом его воспоминания, как и уже упоминаемые Фишера, характеризуют московского генерал-губернатора исключительно с положительной стороны. Им вторит и сенатор К. Н. Лебедев в своих записках о Москве в 50-х годах XIX в.: «Москва смотрит республикой, хотя ею управляет граф Закревский ... свежий старик, истинно добрый человек,

с умом и большими способностями, весьма деятельный и исполнительный, но человек без всякого светского образования, поспешный и иногда грубый, часто находящийся под влиянием жены и дочери... Трудно гр. Закревскому не быть в должном положении в городе, где общество считает себя аристократическим, где говорят по-французски»¹³.

В. Д. Друцкой-Соколинский

Остались и другие свидетельства, характеризующие А. А. Закревского только с негативной стороны. Так, Н. И. Шатилов вспоминал: «Московским генерал-губернатором в то время был граф Закревский, которого очень любил государь Николай Павлович и который правил Москвой как истый персидский сатрап; недаром его называли московским пашою или сатрапом. Он имел бланки с подписью государя, и распоряжения его, даваемые на этих бланках, были безапелляционными»¹⁴.

Современники отмечают и другую черту Закревского – его хлебосольство: «Закревский был простой, совершенно необразованный солдат, но на него

падали лучи из Петербурга, и он был большой хлебосол, задавал на всю Москву пиры и балы, на которых хозяйничали его жена и дочь»¹⁵.

В энциклопедии «Отечественная история» приводится факт, правда без ссылки на источник, что в 1852 г. А. А. Закревский организовал в своём доме банкет по случаю 40-летия Отечественной войны 1812 г., на котором собрал свыше тысячи ветеранов.

Что касается Лидии Арсеньевны, то, по свидетельству современников, она продолжала вести такой же образ жизни, что и в Париже: «О примерах произвола графа, об его грубости, о разврате жены и дочери везде в Москве перешептывались, но, благодаря его положению в Москве, усердным образом пресмыкались в его передних»¹⁶.

Уже неоднократно цитируемый А. В. Фишер вспоминал: «Окруженная раболепным вниманием графиня Лидия Арсеньевна была царицей московского высшего общества и походила иногда на изба-

лованного ребёнка... проводила время в вихре светских удовольствий. Балы, рауты, пикники... домашние спектакли следовали один за другим почти беспрерывно»¹⁷.

Такое поведение дочери осуждалось во многих московских семьях, что, естественно, накладывало отпечаток и на репутацию самого Закревского. Князь Д. Д. Оболенский вспоминал: «В выборе моих знакомых матушка была очень осторожна; так, например, она никогда не хотела посещать дом тогдашнего генерал-губернатора гр. Закревского, благодаря его супруге и дочери. Несмотря на всяческие приставания, матушка оставалась при своём: не знакомилась и никогда не бывала у Закревских (я лишь впоследствии понял и оценил это)... Репутация домашнего очага гр. Закревского была самая печальная»¹⁸.

В Москве же Лидия Арсеньевна познакомилась и со своим вторым мужем – князем Дмитрием Владимировичем Друцким-Соколинским. Учитывая тот факт, что и князь, и его сын Арсений играли значительную роль в общественной жизни Пензенской губернии, остановимся на них подробнее.

Род Друцких-Соколинских очень древний и имеет русско-литовское происхождение. Первая часть фамилии – Друцкие – произошла от галицко-волинских князей: князь Михаил Романович получил от своего отца князя новорудского и слонимского Романа Даниловича в удел г. Друцк, отсюда и фамилия Друцкие. Один из князей этого рода Семён Фёдорович Друцкой-Бабич принял фамилию от местечка Сокольки в Витебской земле. Его потомки стали именоваться князьями Друцкими-Соколинскими¹⁹.

Отец Дмитрия Владимировича Владимир Никитич вышел в отставку в чине штаб-капитана, являлся Дорогобужским уездным предводителем дворянства²⁰. 12 июля 1832 г. у него и его жены Пелагеи Лукьяновны родился сын Владимир. Как следует из формулярного списка князя Дмитрия Владимировича Друцкого-Соколинского, он после окончания императорского Александровского лицея был зачислен на службу в Министерство внутренних дел в чине коллежского секретаря, а 17 июня 1850 г. определён в канцелярию Московского военного генерал-губернатора, где, занимая различные должности, и служил

до своей отставки 8 января 1859 г. За беспорочную службу был награждён орденом Станислава III степени и бронзовой медалью на Владимировой ленте в память войны 1853–1856 гг., пожалован в камер-юнкеры²¹.

В своих воспоминаниях князь Д. В. Друцкий-Соколинский отмечает, что неоднократно бывал в доме своего начальника – московского генерал-губернатора, где и произошло его знакомство с Лидией Нессельроде. Между молодыми людьми возникла взаимная симпатия, но Лидия уже была замужем, и первый муж – Дмитрий Карлович Нессельроде – развода не давал.

В уже упоминавшихся воспоминаниях Д. В. Друцкий-Соколинский так рассказывает об этом: «Более года перед нашим браком... шли его (А. А. Закревского. – примеч. автора) переговоры через генерала Бутурлина с первым мужем моей жены, графом Д. К. Нессельроде, но ими соглашение достигнуто не было. Тогда граф Закревский обратился к своему другу молодости князю Алексею Фёдоровичу Орлову, с которым он был в постоянной переписке ещё до своего назначения московским генерал-губернатором и после... Участие князя Орлова так же, как и Бутурлина, не имело успеха, и вот явилась мысль просить государя императора через того же князя Орлова. Государь признал своё вмешательство в бракоразводное дело невозможным, так как дела такого рода вполне зависят от духовной власти»²².

Тем не менее, не получив согласия на развод, Лидия все же вышла замуж за князя Д. В. Друцкого-Соколинского. В уже упомянутой энциклопедии «Отечественная история» утверждается, что А. А. Закревский заставил одного из священников под угрозой ссылки в Сибирь совершить венчание. Д. В. Друцкой-Соколинский утверждал, что «собственно, в самом факте брака прямого, видимого участия граф не принимал, и виновные в нём были законным порядком привлечены к ответственности Рязанской уголовной палатой, но место его совершения в Рязанской губернии»²³. Как уже отмечалось, граф А. А. Закревский пользовался доверием у императора и имел бланки с его подписью. Воспользовавшись этим, он выдал молодожёнам заграничный паспорт на имя князя и княгини Друцких-Соколинских. На запрос управляющего Третьим отделением Собственной Его Императорского Вели-

чества канцелярии князя В. А. Долгорукого о происшедшем, он всю вину взял на себя и в апреле 1859 г. был вынужден уйти в отставку. Совершенный брак 21 декабря 1859 г. (18 января 1860 г.) Святейшим Синодом был признан недействительным и Дмитрий Владимирович с женой остались за границей. Туда же после своей отставки выехал и граф А. А. Закревский, проживший до своей смерти в семье дочери. Умер А. А. Закревский 11 января 1865 г. и похоронен в семейном склепе в имении Голочето близ Тоскано (Италия).

У Дмитрия Владимировича и Лидии Арсеньевны за границей родилось двое детей – дочь Мария (род. 1 декабря 1859 г.) и сын Арсений (род. 18 декабря 1862 г.).

Интересно, что в метрической книге церкви русской миссии в Швейцарии о рождении Марии указано: «жены графа Дмитрия Нессельроде Лидии Арсеньевны Нессельроде, урожденной Закревской, от незаконного сожителства с князем Дмитрием Владимировичем Друцким-Соколинским незаконнорожденная дочь Мария». А в отношении Арсения имеется свидетельство приходского священника греческой православной церкви Святой Троицы в Ливорно Ивана Бостоса, что им в г. Флоренция крещён «законный ребёнок мужского пола князя Дмитрия Владимировича Друцкого-Соколинского, родившийся от княгини Лидии Друцкой-Соколинской, названный при крещении Арсением»²⁴.

Впрочем, независимо от того, что написано в метрических книгах, князь понимал, что у детей, рождённых в непризнанном церковью браке, впоследствии могут быть различные трудности, и он обратился к императору с прошением об их усыновлении (удочерении). 7 июля 1865 г. Правительствующему Синоду был дан указ, в котором говорилось, что император «всемилоостивейше дозволяет означенным детям князя Друцкого-Соколинского в виде особой монаршей милости и не в пример другим пользоваться фамилией их отца и правами его состояния без права наследования в родовом его имени»²⁵.

Проживая за границей, Дмитрий Владимирович неоднократно приезжал в Россию, в частности в Пензенскую губернию, где был избран почётным мировым судьей. Что касается Лидии Арсеньевны, то только в мае 1875 г. «Государь Император... повелеть соизволил,

во внимание к заслугам отца... и к ходатайству коллежского асессора князя Друцкого-Соколинского, позволить ей, графине Нессельроде возвратиться в Россию, даровав помилование за пребывание за границей без установленного вида, а также разрешить ей именоваться “княгиней Друцкого-Соколинского, урожденною графиней Закревскою”, без присвоения, однако же, сим каких-либо имущественных прав по наследству»²⁶. Впрочем, для единственной дочери графа Закревского последнее было несущественно.

Род князей Друцких-Соколинских был внесён в дворянскую родословную книгу Смоленской губернии, но так как земли, принадлежавшие ранее А. А. Закревскому и А. Ф. Толстой в Пензенской губернии, перешли к Дмитрию Владимировичу, то он обратился с ходатайством о причислении его с детьми к Пензенскому дворянству. По определению Пензенского дворянского депутатского собрания от 4 ноября 1878 г. он был внесён со своими детьми Марией и Арсением в V часть дворянской родословной книги Пензенской губернии²⁷.

Лидия Арсеньевна умерла 27 марта 1884 г.²⁸ 14 апреля 1885 г. Дмитрий Владимирович женился на вдове члена комиссии прошений тайного советника Варваре Дмитриевне Спасской, урождённой Замятиной (род. 18 декабря 1840 г.)²⁹.

Имена князя Дмитрия Владимировича Друцкого-Соколинского и его сына Арсения очень хорошо известны на пензенской земле, и целью данной статьи не является описание их общественной деятельности, перечислим её лишь схематично: Дмитрий Владимирович с 1884 по 1906 г. являлся Мокшанским уездным предводителем дворянства, избирался председателем Мокшанского уездного земского собрания, почётным мировым судьей, председателем съезда мировых судей, членом совета Киселевской богадельни, почётным попечителем 1-й мужской гимназии и т.д. Арсений Дмитриевич воспитывался в Николаевском кавалеристском училище, затем там же и служил, в 1886 г. из-за болезни был уволен в запас, в 1895 г. вышел в отставку, в 1906 г. вместо отца стал уездным предводителем дворянства³⁰. На собственные средства он открыл в Муратовке земскую больницу, школу, приют, в Мокшане и Юловке – сельскохозяйственные школы, жертвовал средства на содер-

жание Мокшанской гимназии (впоследствии она носила имя его второй жены Ольги Львовны Друцкой-Соколинской, урожд. Голициной).

Князья Друцкие-Соколинские были крупными землевладельцами. Так, Дмитрию Владимировичу в Пензенской губернии принадлежали земли: в Мокшанском уезде при д. Лидиной, с. Знаменском, с. Муратовке, д. Порецкой, д. Беликово и даче Кадышевской 3720 дес. земли и в Инсарском уезде при д. Михайловке и д. Петровке 1366 дес. Арсений Дмитриевич владел в Мокшанском уезде 3428 дес. земли³¹ (при д. Муратовке и Юловке).

По своим политическим взглядам отец и сын Друцкие-Соколинские были монархистами, Арсений Дмитриевич являлся членом партии октябристов, был выборщиком в Государственную думу от съезда крупных землевладельцев.

Дмитрий Владимирович умер 7 ноября 1906 г., Арсений Дмитриевич – 17 августа 1912 г. в своём имении Муратовка Мокшанского уезда от чахотки. В некрологе, написанном мокшанским купцом Егором Петровичем Бочкаревым, кадетом, также принимавшем участие в земском движении, отмечалась скромность Арсения Дмитриевича, боязнь обременить собой кого-либо, забота о людях³². Среди множества венков был и такой: «Князю – человеку». Детей у Арсения Дмитриевича не было. Так закончила своё существование ветвь рода графа Закревского – стремительное восхождение к могуществу деда, бурная жизнь матери, служение по мере сил обществу зятя и внука.

И все три поколения этой семьи оставили след в истории, правда, каждое – свой.

1. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 994. Л. 3.
2. Российская родословная книга, издаваемая П. Долгоруковым. – Спб., 1856. – Т. 3. – С. 128.
3. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 994. Л. 1.
4. Отечественная история. Энциклопедия. Т. 1. – М., 1996. – С. 222.
5. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 994. Л. 3.
6. Там же. Л. 5 об.
7. Фигнер А. В. Воспоминания о графе А. А. Закревском // Исторический вестник. – 1885, Июнь. – С. 667–668.
8. Моруа А. Три Дюма. – Ашхабад, 1974. – С. 228.
9. Фигнер А. В. Указ. соч. – С. 668.
10. Моруа А. Указ. соч. – С. 230.
11. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 2087. Л. 12об, 13.
12. Друцкой-Соколинский Д. В. Из моих воспоминаний. – Русский архив, 1901. – № 4. – С. 663.
13. Лебедев К. Н. Москва в последние годы Николаевского царствования. Из записок сенатора. – Русский архив, 1888. – Кн. 1. – Ч. III. – С. 484–485.
14. Шатилов Н. И. Из недавнего прошлого. – Голос минувшего. 1916. – № 1. – С. 178.
15. Ман К. А. Воспоминания // Исторический вестник, – 1917, февраль. – С. 330.
16. Там же.
17. Фигнер А. В. Указ. соч. – С. 352–353.
18. Оболенский Д. Д. Наброски из прошлого // Исторический вестник. – Спб, 1893. – Т. 54. – С. 352–353.
19. Дворянские роды Российской империи. – Спб., 1993. – Т. 1. – С. 216–218.
20. Руммель В. В., Голубцов В. В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. – Спб., 1886. – Т. 1. – С. 258.
21. ГАПО. Ф. 196. Оп. 1. Д. 2721. б/л.
22. Друцкой-Соколинский Д. В. Указ. соч. – С. 679–680.
23. Там же. – С. 679.
24. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 701. Л. 6–6об.
25. Там же.

26. Там же. – Л. 31.
  27. Там же. – Л. 30об.
  28. Руммель В. В., Голубцов В. В. Указ.соч. – С. 258.
  29. ГАПО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 702.
  30. ГАПО. Ф. 196. Оп. 2. Д. 702.
  31. Там же.
  32. Вестник Пензенского земства, 1912. – № 9. – С. VIII.
- (Журнал «Краеведение». Пенза, 1999, № 2).

Документы о Столыпинах в фондах Государственного архива Пензенской области

Начиная с XVII века семейство Столыпиных непосредственно связано с Пензенской губернией. В 1693 году братья Семён и Василий Столыпина получили в наследство от своего отца Селиверста Афанасьевича поместье за рекою Сурою на речке Виргаме. Вот от этих двух сыновей в Пензенской губернии и пошли две ветви рода Столыпиных, которые свыше 200 лет владели поместьями в Пензенской губернии и чья история прослеживается по документам государственного архива Пензенской области.

Наиболее ранними представителями этих ветвей являются Алексей Емельянович Столыпин – внук Семёна и Григорий Данилович Столыпин – правнук Василия Селиверстовича. Представители этого семейства владели землями и крестьянами на территории Саранского, Мокшанского и Городищенского уездов Пензенской губернии, но основное родовое имение находилось в сёлах Архангельское Маис тож, Архангельское Столыпино тож, деревни Усовка и Ночка Городищенского уезда. В документах архивного фонда Пензенской губернской чертёжной в экономических примечаниях к планам Генерального межевания конца XVIII века имеются описания этих сёл: «Село (Столыпино) по обе стороны речки Вергама, безымянных озерца и ево протока, а речки Маиса и протока и безымянного озерца на правых сторонах. Церковь Архангела Михаила с приделом Святых мучеников Фрола и Лавра и два дома господских деревянные. При домах сады плодovitыя. Винокуренный завод о сорока аглицких кубах, с коего в год выкуривается вина до шестидесяти тысяч ведер, которое и отправляется по подряду сухим и водяным путями в разныя российския города. Земля чернозём. Хлеб и покосы средственны. Лес строевой дубовой, липовой, осиновою и сосноюю, между коего и дровеною. Крестьяне на пашне и оброке.

В селе Маис две церкви, первая Архангела Михаила с приделом Николая Чудотворца, вторая Дмитрия митрополита Ростовского чудотворца и три дома господских деревянные. При двух сады с плодovitыми деревьями, один и еранжереею. Винокуренный завод о тридцати медных аглицких кубах, ис коих в год выкуривается вина до пятидесяти тысяч ведер, которое по подряду отправляется сухим путём и водою

в разные российские города. При заводе на речке Маисе две мельницы, одна мучная, другая пильная при ней молотовая для расковки меди и железа на делание кубов. Парусинная фабрика о сорока станах, в коих в год вырабатывается парусины до пяти сот кусков и отправляется для продажи в города Москву и Санкт-Петербург». В фонде Пензенской губернской чертёжной имеются также межевые планы на земли, принадлежащие Столыпинам.

Следует отметить, что одним из наиболее частых предметов спора между помещиками являлась земля, поэтому в документах архива в фондах судебных учреждений имеются дела о спорах по различным земельным вопросам как с соседями помещиками, так и с другими владельцами земли. (в 24 ф- дело почти на 400 л. л. о спорной земле поручика Алексея Емельяновича Столыпина о землях в Саранском уезде с различными владельцами., д. 47 тоже, причём А.Е. выступал и как истец, и как ответчик).

Суды рассматривали не только имущественные вопросы, в документах встречаются и дела о беглых крестьянах из имений Столыпиных. Но, справедливости ради следует отметить, что в документах Пензенского губернского правления имеются дела и документы по прошениям крепостных крестьян помещиков Столыпиных, «отыскивающих волю» от своих помещиков, т.е. у крестьян Столыпиных имелась возможность получить личную независимость совершенно законным путём, а не подавшись в бега. В фондах Пензенской казённой палаты имеются ревизские сказки на крестьян, находящихся в крепостной зависимости от Столыпиных В 1861 году произошла отмена крепостного права и в связи с этим в фонде Пензенского губернского по крестьянским делам присутствия имеются уставные грамоты по имениям Столыпиных, в которых определялись условия освобождения крестьян от крепостной зависимости (д. Белогорки и с. Царевщина Мокшанского уезда Афанасия Алексеевича Столыпина, с. Архангельского Столыпина тож Городищенского уезда В. Г. Столыпина), дела по выкупам крестьянами земли в имениях Столыпиных в Чембарском уезде (с. Михайловка, Тарханы), в Инсарском уезде (д. Нагаево и Пушкино), Городищенском уезде (с. Столыпина, Маис и д. Покровской слободы).

И Григорий Данилович, и Алексей Емельянович Столыпина являлись рачительными хозяевами, сумевшими не только сохранить доставшееся от предков наследство, но и приумножить его. Одной

из доходнейших статей являлось винокурение. Следует сказать, что эта отрасль производства всегда находилась под контролем у государства, отсюда и тот объём информации, который можно почерпнуть из документов архива о производстве вина на Столыпинских заводах, причём сведения сохранены начиная с конца XVIII века, с документов фонда наместнического правления и до начала XX века, кончая документами фондов акцизных управлений. Имеются документы и о других столыпинских предприятиях – о галетном заводе в Пензе (1915–1917 г.г.), расположенном на Инвалидной улице и принадлежащем Аркадию Аркадьевичу Столыпину и И. П. Воронину (акты обследования, списки рабочих и др.), о создании лесопильных заводов и т.п.

Конечно же, самый обширный массив документов отложился в фонде Пензенского дворянского депутатского собрания. Прежде всего, в соответствии с Жалованной грамотой на права и вольности дворянства от апреля 1785 г. каждый дворянин, владеющий имениями, мог быть внесён в дворянскую родословную книгу той губернии, где у него эти владения находились. Определением Пензенского дворянского депутатского собрания от 14 июня 1793 г. род Столыпиных был внесён в 6 часть дворянской родословной книги Пензенской губернии (наместничества). Учитывая то обстоятельство, что многие представители этого рода являлись многодетными (у Алексея Емельяновича было 11 детей, у сына Григория Даниловича Валериана-10), и всех детей надо было причислить к своему роду и вписать в дворянские родословные книги тех губерний, где у них находились поместья, в фонде Пензенского Дворянского собрания сохранилось достаточно документов, рассказывающих об истории этого рода: это прошения о вписании их самих и их детей в дворянские родословные книги, формулярные списки о службе некоторых представителей этого рода, сведения об имеющихся у них поместьях, крестьянах и т.п. Кроме того, два представителя этого рода – Алексей Емельянович и Григорий Данилович (Григорий Данилович был женат на своей четвероюродной сестре, дочери Алексея Емельяновича Наталье) – в различное время являлись предводителями дворянства Пензенской губернии, и, естественно, их деятельность на этом посту нашла отражение в документах фонда. Губернский предводитель дворянства рассматривал вопросы: ходатай-

ства чиновников-дворян об их награждении, об организации пожертвований на разные нужды, жалобы на действия уездных предводителей дворянства, сбор различных сведений об имущественном положении дворян и их службе, об удовлетворении жалованьем ратников пензенского ополчения, принимавших участие в заграничных походах русской армии в 1813–15 г.г., различные споры между дворянами и др. Все эти направления деятельности нашли отражение в документах архива.

В делах о дворянстве Столыпиных имеется копия завещания Алексея Емельяновича Столыпина о разделе между сыновьями после его смерти земельных владений и крестьян. Сыну Дмитрию Алексеевичу, деду П. А. Столыпина, по наследству передавались имения, расположенные на территории Саратовской губернии и частично Нижегородской, т.е. ни дед Петра Аркадьевича, ни его отец поместий на территории Пензенской губернии не имели. Владельцами всех пензенских имений Столыпиных являлись представители другой ветви Столыпиных или потомки по линии братьев Дмитрия Алексеевича. Однако сам Пётр Аркадьевич всё же являлся пензенским помещиком, с конца 80-х годов XIX века ему принадлежали земли в Инсарском уезде в с. Трускляй, Богородском (Инсара тож), Воробьёвке, Еникеевке. Владелицей этих земель была Софья Николаевна Волконская, жена Бориса Григорьевича Волконского, урождённая Бахметьева, родная сестра бабушки Петра Аркадьевича – Агафьи (Агакафлеи) Николаевны Горчаковой. Софья Николаевна умирает в 1886 г, её младший сын Александр умер раньше её, старший Григорий умирает на следующий 1887 год, имение переходит к матери Петра Аркадьевича Наталье Михайловне Горчаковой, племяннице Софьи Николаевны, но и та умирает в 1889 г. И в результате такой череды смертей земли переходят к Петру Аркадьевичу. Правда, площадь этих земель была незначительна – чуть более 800 десятин земли, однако это давало ему право подписываться как «пензенский помещик» и ходатайствовать о вписании его дочерей в дворянскую родословную книгу Пензенской губернии.

Предводители дворянства время от времени собирали сведения о дворянах губернии, проживающих в самой губернии и за её пределами. Представители фамилии Столыпиных среди проживающих значатся весьма редко, однако их посещение губернии не всегда оста-

ётся незамеченным. Так, в фонде Пензенского дворянского депутатского собрания обнаружена жалоба Афанасия Алексеевича Столыпина на Тамбовского почтмейстера за июнь 1845 г., написанная им во время его поездки из Москвы в Чембар. Возможно, во время этой поездки произошла последняя встреча его с сестрой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой.

Наиболее поздние сведения, встречающиеся в документах архива, относятся: по линии Григория Даниловича – к сыну Валериана Григорьевича Михаилу (р. 1846 г.), который являлся почётным смотрителем Городищенского уездного училища, почётным мировым судьёй Саранского уезда (владел 8622 десятинами земли в Городищенском уезде в с. Маис и д. Покровской слободе), и по линии Алексея Емельяновича – к правнуку Николаю Николаевичу Столыпину (р. 1861 г.), почётному мировому судье Инсарского уезда, служившему при канцелярии МИД, и брату Петра Аркадьевича – Александру.

(П. А. Столыпин: становление и реформирование российской государственности. Материалы I Международной научно-практической конференции, посвящённой 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина. – Пенза. – 2012).

Пензенские корни Александра Керенского

Личность последнего правителя России Александра Фёдоровича Керенского не обойдена вниманием ни российской, ни мировой историографии. Затрагивается в этих исследованиях и его происхождение. Однако создаётся такое впечатление, что ни один из авторов при этом не обращался к архивам, т.е. к документам, которые способны уточнить многие факты любой биографии. Большинство биографов род А. Ф. Керенского ведут от Иосифа Дмитриева, назначенного в 1808 году священником в Покровскую церковь г. Керенска. Об этом говорится и в одной из последних книг о Керенском Владимира Федюка «Керенский», вышедшей в серии ЖЗЛ в 2009 году. По утверждению автора (да и не только его), у Иосифа Дмитриевича было четверо сыновей – Дмитрий, Павел, Михаил, Николай и дочь Евпраксия. Третий по старшинству его сын Михаил (1804 г.р.) был сначала дьяконом, потом священником Троицкой церкви в с. Керенки Городищенского уезда той же Пензенской губернии. Он, в свою очередь, был отцом трёх сыновей – Григория, Александра и Фёдора (отца А. Ф.).

Однако данное утверждение не соответствует действительности. В клировой ведомости Покровской церкви г. Керенска за 1809 год у священника этой церкви Иосифа Дмитриева указаны дети: Капитолина, 9 лет, Петр, 6 лет, Евпраксия, 4 лет, Дмитрий, 2 лет¹. Как видим, никакого сына Михаила 1804 г. рождения у Иосифа Дмитриева в 1809 г. не было. Да если бы и был сын Михаил, то писался бы он впоследствии Михаил Иосифов (или Осипов).

Другая группа авторов родословную А. Ф. Керенского начинает со священника (крайне редко его называют дьяконом) Троицкой церкви с. Керенки Городищенского уезда Пензенской губернии Михаила Иванова. Они более близки к истине, правда, священником Михаил Иванов никогда не был. В клировой ведомости Троицкой церкви с. Керенки Городищенского уезда за 1842 год о Михаиле Иванове имеются следующие сведения: «дьяконский сын, в семинарии не учился, 1822 года января 29 дня был определён Преосвященным

¹ ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.593. Л.260.

Амвросием в с. Пестровку дьячком... В 1830 году рукоположен... к сей церкви во диакона. Читает по нотам, поёт очень порядочно, катехизис на память знает изрядно. Судим и штрафован не был»².

Документы государственного архива Пензенской области позволяют узнать более подробные сведения о Михаиле Иванове и его происхождении. В клировой ведомости церкви с. Пестровки Городищенского уезда, где он служил до назначения в Керенку, за 1825 год среди причта церкви значится: «Второй дьячок Михаил Иванов, 21 года, из великороссиян, онаго ж села диакона Ивана сын, определён к сей церкви во дьячка в 1822 году вместо умершего дьячка Петра Иванова; жена его Елена Михайлова, оной же округи села Шкафту священника Михайлы дочь». Есть в этих документах и сведения о родителях Михаила Иванова: «Дьякон Иван Петров, 39 лет, из великороссиян, онаго ж села умершаго дьячка Петра сын, жена его Марфа Гаврилова, оной же округи с. Никольскаго Лапуховки умершаго диакона Гаврилы дочь». Кроме Михаила у них были дети Захар, 18 лет, Василий, 14 лет, Стефанида, 12 лет, Ольга, 6 лет, Марья, 1 года»³.

Если копнуть глубже, то в документах архива можно найти сведения и о родителях Ивана Петрова. В ревизской сказке Пензенского наместничества Городищенской округи села Пёстровки, Вырган тож, церкви Николая Чудотворца за 1795 год значится: «Дьячок Пётр Иванов, 31, у него жена Настасья Максимова дочь, 29 лет, у них дети рождённые после ревизии: Василий, 11 лет, Иван, 7 лет, Марья, 5 лет, Акилина, 3 лет»⁴.

Жена Михаила Иванова Елена Михайлова умерла в феврале 1842 года в возрасте 35 лет. Михаил Иванов остался вдовцом с 7 детьми: сыновьями Григорием, Александром и Фёдором и дочерьями Евдокией, Марьей, Татьяной и Екатериной. Старшему – Григорию – было около 16 лет, младшей Екатерине – чуть больше 2-х лет.

В 1861 году Михаил Иванов был уволен в заштат и до самой своей смерти жил в семье своего зятя, дьячка этой же церкви, Григория Архангельского, мужа младшей дочери Екатерины⁵.

² Там же. Д. 1521. Л.152.

³ ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.1073. Л.л.182–184.

⁴ ГАПО. Ф.60. Оп.4. Д.146. Л.123об.

⁵ ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.2016. Л. 111об.

В метрической книге Троицкой церкви с. Керенки имеется запись о смерти 17 ноября 1882 года «от горячки» заштатного дьякона Михаила Иванова. Похоронен он был в ограде приходской церкви, где прослужил почти всю жизнь⁶.

Старший сын Михаила Иванова Григорий родился около 1826 года, средний Александр – в 1835 году. В имеющейся литературе нет единства в указании даты рождения третьего сына – Фёдора, отца А. Ф. Керенского: указывают и 1837 год, и 1842 г. и 1841-й. В клировой ведомости Троицкой церкви с. Керенки за 1842 год у дьякона Михаила Иванова указан сын Фёдор, 4 лет⁷. Значит, наиболее вероятный год рождения Фёдора – 1838. Подтверждение этому мы находим в метрической книге этой церкви за 1838 год: «В феврале. У кого кто родился: второго числа села Керенки диакона Михаила Иванова сын Феодор»⁸.

Фамилия Керенские впервые появляется у детей Михаила Иванова, когда они начинают свою учёбу в духовном училище. Своё образование все трое продолжили в Пензенской духовной семинарии. Старший, Григорий, окончил её в 1850 г., средний Александр – в 1856 г. и младший Фёдор – в 1858 г.

Фёдор и Александр учились на собственные средства, Григорий содержался на «окладе хора его Преосвященства».

До эпохи Петра I духовенство, как и большая часть простых русских людей, фамилий не имело. В марте 1852 г. Пензенской духовной консисторией был получен из Синода указ «...дабы лица духовного звания... во всех подаваемых прошениях и других бумагах непременно означали свои фамилии, а одними именами и отчествами себя не именовали, причём изъяснить, что по общему порядку жёны и вдовы должны употреблять фамилии мужей своих, а дети, согласно указу Святейшего Синода 18 ноября 1846 г сохранять фамилии своих отцов...»⁹.

Хотелось бы отметить, что среди выпускников Пензенской духовной семинарии за первые сто лет встречается около десятка семинаристов, носивших фамилию Керенский, и далеко не все они

⁶ ГАПО. Ф.182. Оп.16. Д.67. Л.л.860об-861.

⁷ ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.1521. Л.152..

⁸ ГАПО. Ф.182. Оп.1а. Д.122. Л.167.

⁹ ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.1733. Л.1–1об.

являются родственниками. Очевидно, духовному начальству мысль дать фамилию по месту службы родителей пришла в голову не только в отношении сыновей Михаила Ивановича.

Фёдор Керенский был самым способным из братьев, среди семинаристов своего отделения он считался одним из лучших учеников. Наиболее часто встречающиеся отзывы о нём наставников: «...хорошего прилежания и успехов очень хороших», «...мысли изложены связно, выражены ясно», «...очень внимателен..., отмечен трудолюбием». Единственные неудовлетворительные отметки, встречающиеся у Фёдора, – по еврейскому языку. Успехи Григория в семинарии были значительно скромнее. Педагоги оценивали его как «...способностей порядочных», а прилежание и успехи Александра оценивались как посредственные. После окончания семинарии пути братьев расходятся. Александр в 1857 г. выбывает в Симбирскую губернию, Григорий в 1852 году направляется дьяконом в Петропавловскую церковь г. Пензы, Фёдор же, прослужив учителем в духовных училищах Пензенской губернии, в 1865 году поступает в Казанский университет.

Поступив в Казанский университет, Фёдор не прекращает связи с Пензенским краем. Свидетельства о посещении Ф. М. Керенским родных мест мы находим в письмах известного историка В. О. Ключевского, покинувшего Пензенскую духовную семинарию в 1861 г.

Василий Осипович неоднократно упоминал о Ф. М. Керенском в своих письмах к П. П. Гвоздеву, своему однокласснику по Пензенской духовной семинарии. В письме от 15 сентября 1869 г. он пишет: «В письме своём ты сообщаешь мне пречувствительное известие: это поездка Ф. М. Керенского в нашу губернию и свидание его с моей сестрой...». Речь идёт о Елизавете Осиповне Ключевской. Связь Ключевского с сестрой Елизаветой прервалась за 2 года до этого письма, от П. П. Гвоздева он, видимо, узнаёт, что его сестра проживает в Пестровке Городищенского уезда Пензенской губернии. Далее Ключевский пишет: «Впервые узнаю, что мы с Ф. М. некоторым образом свойственники»¹⁰. Действительно, Ф. М. Керенский и В. О. Ключевский оказались родственниками: родная сестра Ключевского Елизавета

---

¹⁰ В. Ключевский. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» М., 1968, с. 142.

вышла замуж за Ивана Васильевича Вирганского (иногда в документах Вирганского), двоюродного брата Ф. М. Керенского. К сожалению, в некоторых изданиях его фамилия несколько искажена, он назван Виргинским. Отцом Ивана Васильевича Вирганского был дьякон Воскресенской церкви с. Пестровка Василий Иванов, родной брат отца Фёдора – Михаила Иванова.

В клировой ведомости за 1855 год названной церкви среди заштатных числятся «диакон Иоанн Петров, вдов, 69 лет, дьяческий сын, в семинарии не обучался. 1805 года определён был к сей церкви пономарём с посвящением в стихарь. 1811 года указом Консистории перемещён к сей церкви во дьячка, 1821 г. – ... во дьякона. 1843 г. по собственному своему желанию и слабости здоровья уволен в заштатные. Живет и пропитывается у сына своего диакона Василия Вирганского...» У дьякона Василий Ивановича Вирганского, 43 лет, среди детей указан сын «Иоанн Вирганский, обучается в Пензенском духовном училище, 12 лет»¹¹.

Как видим, у детей двух родных братьев были разные фамилии – Керенские и Вирганские. Вторая фамилия, так же как и первая, была образована от названия реки, на которой стояла церковь – Вирган, да иногда и в ранних документах встречается название Пестровка, Вирган тож.

Не вдаваясь в подробности образования фамилий священно- и церковнослужителей, отметим следующее: процесс «фамильного творчества» в Пензенских учебных заведениях духовного ведомства продолжался довольно длительное время, и только в ноябре 1846 года был издан уже упоминаемый выше указ Синода, запретивший изменять фамилии семинаристам: «В некоторых семинариях существует обычай перемешивать воспитанникам духовных заведений фамилии их отцов... Таковой обычай, которому нигде нет примера, противен разуму постановлений о союзе семейственном, устраниет должное уважение к поколениям...». Поэтому предписывалось «по всему духовному Ведомству, чтобы впредь в сем ведомстве не усвоились фамилии произвольные».

Итак, как следует из архивных документов, предки А. Ф. Керенского никакого отношения к г. Керенску (сейчас Вадинску) не имеют. Село Керенка, где родился Ф. М. Керенский, так же как и город Керенск,

---

¹¹ ГАПО. Ф.182. Оп.1. Д.1845. Л.151 об.

своё первоначальное имя получили от речки Керенки. Правда, речки, ~~хоть и назывались одинаково~~, были разные. Одна протекает на ~~северо-~~западе области и является притоком р. Вад, другая – на северо-востоке области и является притоком р. Веж-Айвы. А более глубокие корни последнего правителя России находятся в нынешнем г. Никольске Пензенской области, в состав которого территориально вошла бывшая Пёстровка Городищенского уезда, принадлежавшая семейству Бахметьевых-Оболенских, владевших знаменитым Николо-Пестровским хрустальным заводом.

Хотелось бы отметить, что описываемый род известен не только благодаря А. Ф. Керенскому. В определённых кругах не меньшую известность имеют и двоюродные братья Александра Фёдоровича – Владимир и Сергей Александровичи Керенские, правда, их жизненный путь уже не был тесно связан с Пензенской губернией. Как уже упоминалось выше, их отец – Александр Михайлович Керенский – был назначен священником в Симбирскую губернию, где в 1868 году у него родился сын Владимир. Владимир в 1883 г. окончил Симбирское духовное училище, в июне 1889 года Симбирскую духовную семинарию и поступил в Казанскую духовную академию. Приказом товарища Обер-Прокурора Святейшего Синода 28 сентября 1894 г.¹² он был определён преподавателем кафедры обличительного раскола в Пензенскую духовную семинарию, где одновременно являлся заведующим фундаментальной библиотекой, позднее был главным библиотекарем Иннокентьевского Просветительного братства. В 1904 г. он утверждается в степени доктора богословия, а в 1908 г. становится штатным ординарным профессором Казанской духовной академии.

В июле 1917 года Владимир Александрович был избран представителем на Поместный собор Православной Всероссийской Церкви. После октября 1917 г. он являлся преподавателем на кафедре истории Церкви историко-филологического факультета Казанского университета, однако в начале 20-х годов эти факультеты в университетах были ликвидированы, и в начале 1922 года В. А. Керенский из университета был исключён. Дальнейшая его судьба автору статьи неизвестна.

---

¹² Троицкий А. Пензенская духовная семинария (1800–1900). Историческая записка. Пенза, 1901, с. 110–111.

Докторская диссертация В. А. Керенского была посвящена сравнительному анализу православной и старокатолической традициям. Старокатолицизм являлся предметом исследования и ряда других работ богослова¹³.

О брате Владимира Александровича – Сергее – известно меньше. По окончании Казанской духовной академии в 1902 г. он был удостоен степени кандидата богословия, преподавал в Симбирском епархиальном училище, затем в Алатыре, являлся автором трудов по педагогике¹⁴.

К пензенскому роду церковно- и священнослужителей Керенских принадлежит скульптор и художник, член Союза художников Василий Николаевич Керенский. Хотя предки Василия Николаевича, так же как и А. Ф. Керенского, служили в Городищенском уезде, общие корни у них не обнаружены. Отец В. Н. Керенского Николай Павлович, сын дьячка Павла Тимофеевича, служил псаломщиком в с. Шуты Наровчатского уезда, а затем в сёлах Карамалы и Юлово Городищенского уезда. Василий Николаевич добровольцем ушёл на фронт, его карикатуры в годы Великой Отечественной войны тиражировались и забрасывались на вражеские позиции. В 1954 г. закончил Московский художественный институт им. Сурикова, является автором скульптурных памятников, бюстов адмиралу Нахимову, основателю картинной галереи П. М. Третьякову, многим героям Советского Союза, передовикам производства и др.

---

¹³«Старокатолицизм, его история и внутреннее развитие преимущественно в вероисповедном отношении» (Казань, 1894, магист. диссертация); «Школа риччианского богословия в лютеранстве» (Казань, 1903, докторская диссерт.); «Старокатолический вопрос в новейшее время» (Казань, 1897); «Четвертый интернациональный старокатолический конгресс и его значение в истории старокатолического движения» (Казань, 1898); «На западе. Очерки внутреннего состояния современного лютеранства» (ib., 1899); «Старокатолический епископ Иосиф Губерт Рейнкенс» (ib., 1896); «Три месяца в центре старокатолицизма (в Бонне и Берне)» (ib., 1899); «Пятый интернациональный старокатолический конгресс и современное состояние старокатолицизма» (Харьков, 1902); «Шестой интернациональный старокатолический конгресс и развитие старокатолицизма в последние годы» (Казань, 1904); «К старокатолическому вопросу. По поводу ответа А. А. Киреева» (СПб., 1904).

¹⁴ «Начала педагогики», 1908 г., «Факторы воспитания», 1909 г., «План исследования детской души», 1910 г. Место издания – неизвестно, очевидно, в Алатыре. (прим. автора)

Изучение истории любого рода, на наш взгляд, имеет большое воспитательное значение, ведь формирование человека начинается в семье. Из-за незнания истории своего рода идёт ослабление внутри-родовых связей, что ведёт к равнодушию и духовно-нравственному кризису как семьи, так и общества в целом.

(Журнал «Парк Белинского». 2012, № 1.).

«... Плод своего времени и его жертва...»

(Пензенские корни писателя Владимира Зазубрина)

Писателя Владимира Яковлевича Зазубрина (по рождению Зубцова) до недавнего времени называли «загадочным», «почти забытым», «неизвестным Зазубриным». А между тем, его дебютный роман «Два мира», изданный впервые в 1921 году в Иркутске, когда автору было 26 лет, только с 1921 по 1936 год издавался двенадцать раз в Сибири, на Урале и в Москве. В двадцатые и тридцатые годы эту книгу, по свидетельству современников, трудно было достать в библиотеках, выстраивались очереди. В литературе тогда не было ни «Разгрома», ни «Чапаева», ни «Железного потока», ни «Тихого Дона». Этот роман – первое большое художественное произведение о гражданской войне, получившее высокую оценку В. И. Ленина, который ещё в 1921 году сказал в разговоре с М. Горьким о произведении Зазубрина: «Очень страшная, жуткая книга; конечно, не роман, но хорошая, нужная книга». Старейший советский писатель Борис Лавренев вспоминал: «Помню, как в Политуправлении Туркфронта в 1921 году был до дыр зачитан всеми работниками первый (кстати, незаслуженно забытый) советский роман В. Зазубрина «Два мира». К этому произведению неоднократно обращался А. М. Горький в своих печатных выступлениях, письмах, речах и т.д., он же был и автором предисловия к некоторым изданиям романа.

Сейчас имя Владимира Яковлевича Зазубрина возвращается в отечественную культуру во многом благодаря сибирским исследователям его творчества, в частности сотруднику журнала «Сибирские огни» Владимиру Николаевичу Яранцеву, автору исследования «Зазубрин. Человек, который написал “Щепку”». Используя значительный документальный материал, В. Н. Яранцев стремился «... показать человека, решившего заняться литературой в роковые годы России...». К сожалению, исследуя жизненный путь В.Я. Зазубрина (Зубцова), автор совершенно не останавливается на детских годах писателя, т.к. этот период жизни практически ему, да и другим исследователям творчества писателя, неизвестен. А детство писателя прошло в Пензе. Документы

Государственного архива Пензенской области позволяют в некоторой степени рассказать об этом периоде его жизни.

В имеющейся литературе о В. Я. Зубцове о месте его рождения имеются неоднозначные сведения, и хотя многие называют местом его рождения г. Пензу, встречаются и утверждения, что родился он на Тамбовщине. Думается, что документы нашего архива внесут ясность в окончательное решение этого вопроса. В архивном фонде Пензенской духовной консистории в метрической книге Богоявленской церкви г. Пензы (сейчас это здание занимает ДК им. Дзержинского) за 1895 год в первой части «О родившихся» имеется метрическая запись о рождении 24 мая (ст. стиля) у крестьянина Тамбовской губернии Козловского уезда Якова Николаевича Зубцова и его жены Веры Алексеевны сына Владимира. Семья в Пензе проживала в доме по Кузнечному порядку, принадлежавшему ранее Ольге Васильевне Любимовой, а в 1895 году вся усадьба была куплена у неё за 3 тысячи рублей Иваном Николаевичем Зубцовым (возможно, братом Якова Николаевича). Как следует из архивных документов, усадьба состояла из жилого дома, трёх жилых флигелей, хозяйственных построек и сада. Один из этих флигелей и занимала семья Якова Николаевича Зубцова. И Иван и Яков Николаевичи Зарубины являлись железнодорожными служащими.

События революции 1905–1907 гг. не обошли стороной Пензу, и, хотя по размаху и организованности рабочее движение Пензенской губернии нельзя было сравнить с соседними губерниями, начало революции в ней было отмечено довольно крупными волнениями рабочих, интеллигенции и учащейся молодёжи. 9 декабря началась стачка на ст. Пенза I, которую возглавили социал-демократ машинист Н. Степанов и телеграфист Г. Морозов. Документы нашего архива свидетельствуют о том, что и отец будущего писателя являлся одним из организаторов этого выступления железнодорожников. Как следует из донесения начальника Пензенского отделения Самарского жандармского управления железных дорог пензенскому губернатору, 9 декабря 1905 года к нему в дежурную часть обратились члены артели носильщиков багажа с заявлением, что «...агент передачи грузов Яков Зубцов, машинист депо Нестер Степанов и телеграфист Григорий Морозов с угрозами склоняли

их к забастовке». Учитывая это обстоятельство и то, что указанные лица оказывали вредное влияние на служащих и в предыдущих волнениях, они были заключены в тюрьму. 10 декабря в ответ на арест членов стачкома железнодорожники и примкнувшие к ним солдаты воинских эшелонов, общим числом около тысячи человек, потребовали освобождения арестованных, начав разоружать жандармов и полицейских, 11 декабря власти были вынуждены освободить арестованных. Стачка продолжалась до 20 декабря 1905 года. К сожалению, о дальнейшем участии Я. Н. Зубцова в революционном движении сведений не обнаружено.

Яков Николаевич, желая дать образование сыну Владимиру, отправляет его на учёбу в 5-е Пензенское приходское училище, а в августе 1906 года обращается с прошением к директору Пензенской 1-й гимназии с просьбой о допуске Владимира к испытаниям для поступления в гимназию. Выдержав успешно испытания, Владимир зачисляется в 1-й класс гимназии. Социальный состав учеников был довольно разнообразный – это и дети дворян, купцов, мещан, церковно-и священнослужителей. Детей крестьянского сословия, к которому принадлежал Владимир, в классе было немного. Интересен тот факт, что одноклассником Владимира являлся Роман Борисович Гуль, будущий известный писатель-эмигрант. Вот как Р. Б. Гуль описывает в одном из своих романов гимназию: «Здание пензенской гимназии необычайно обширно, мрачно, бывший дворянский пансион Николаевской эпохи. Гулкие коридоры, грандиозные классы с громадными окнами в сад, портреты царей в актовом зале, где столы накрыты зелёным сукном с позументом. Обучались тут наукам – неистовый Виссарион Белинский, террорист Каракозов с товарищами Ишутиним, Загибаловым, Ермоловым, дворяне-революционеры Войнаральский, Теплов. Стройными рядами маршировали на молитву гимназисты в серых полувоенных куртках; молилась – пела хором – вся гимназия; на правом фланге второклассников стоит высокий, вихлястый тёмный шатен, красивый мальчик, под ёжика, серые странно-разрезанные, чуть навывкате глаза, в фигуре что-то неуравновешенное, но сильное и упорное. Это – Тухачевский». Будущий советский маршал учился в гимназии 2-мя классами старше Романа Гуля и Владимира Зубцова.

Особым прилежанием в учёбе Владимир не отличался, в последующие классы переводился при условии осенней переэкзаменовки, как минимум, по 2-м предметам.

Примерно в 1907 году семья переезжает в Сызрань (по мнению большинства авторов биографий – отца высылают из Пензы за революционную деятельность), а Владимир продолжает учёбу в гимназии, выезжая к семье только на каникулы, о чём свидетельствуют записи в журналах гимназии. В отсутствии родительского надзора интерес у Владимира к учёбе падает, отметки по всем предметам становятся значительно хуже, и хотя его поведение оценивают на «отлично», в журналах появляются замечания: «... наказан за грубую шалость – облил детей прислуги чернилами», «... без всяких оснований отпрашивался с последних уроков, а часто и уходил без спросу» и т.п. 14 января 1909 года Яков Николаевич Зубцов обращается к директору пензенской 1 гимназии с письмом следующего содержания «Не имея в настоящее время средств к продолжению воспитания своего сына отдельно от себя в другом городе, я поставлен в необходимость покорнейше просить распоряжения Вашего Высокоородия об увольнении сына моего Владимира Зубцова из III класса вверенной Вам гимназии, при чём благоволите не отказать в выдаче ему надлежащего свидетельства о прохождении курса, с удостоверением того обстоятельства, что он уволен в текущем месяце по моему прошению из III класса гимназии по неимению средств к продолжению воспитания». Решением педсовета гимназии от 4 февраля 1909 года Зубцов Владимир из гимназии был отчислен. В выданном им свидетельстве об успехах преобладают в основном удовлетворительные отметки. Так закончился пензенский период жизни Владимира Яковлевича Зубцова.

Дальнейшая биография будущего писателя достаточно известна. Владимир продолжил образование в Сызранском реальном училище, откуда был исключён после 7-го класса и арестован за участие в деятельности РСДРП и сотрудничество с большевистской газетой «Заря Поволжья». Далее начинается весьма смутный период в его биографии: в тюрьме он становится агентом охранки. Сам Владимир Яковлевич утверждал, что это было сделано по заданию Сызранского комитета РСДРП(б), чтобы установить пробравшихся в ряды организации

провокаторов. Вплоть до марта 1917 года Владимир Зубцов прослужил в жандармском отделении. В августе 1917 года Зубцова мобилизуют в армию и он оказывается в Павловском юнкерском училище, где примыкает к училищному ревкому. Октябрьские события он встретил в Петрограде. После революции, с ноября 1917 по февраль 1918 года, Зубцов – секретарь комиссара Государственного банка, а с февраля 1918 года он снова в Сызрани.

Начало белочешского мятежа и установление на временно освобождённой от большевиков территории власти Уфимской директории во главе, кстати, также с нашим земляком Н. Д. Авксентьевым, приводят Владимира Зубцова в военное училище, по окончании которого в июне 1919 года он назначается командиром взвода 15-го Михайловского стрелкового добровольческого полка, состоящего из рабочих пермских заводов. Зубцов сумел убедить солдат и офицеров своего и соседнего взводов перейти на сторону красных. Далее он редактировал газету политуправления 5-й Армии «Красный стрелок», на страницах которой главами печатался его роман «Два мира», начиная с этого времени Владимир Яковлевич берёт себе псевдоним – Зазубрин. В 1922 году Владимир Зазубрин демобилизовался из рядов Красной Армии и обосновался в Канске. Здесь написал повести «Бледная правда», «Общежитие» и уникальное произведение о революции, о чекистах – «Щепка», в дальнейшем расширив его до романа. При жизни писателя это произведение опубликовано не было и долгое время считалось утерянным, однако в 80-е годы его обнаружили в отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Впервые фрагменты из «Щепки» опубликовали в журнале «Сибирские огни» лишь в 1989 году, этому в значительной степени поспособствовал известный писатель Виктор Астафьев, а в 1992 году по этому произведению российскими и французскими кинематографистами был снят фильм «Чекист» (режиссёром фильма стал Александр Рогожкин, известный по его другим фильмам – «Особенности национальной охоты», «Улицы разбитых фонарей», «Блокпост» и «Кукушка»).

В течение 5 лет В. Зазубрин работал секретарём, а затем редактором журнала «Сибирские огни», принимал активное участие в создании Сибирского союза писателей, публиковал рассказы.

В 1928 году на писателя была устроена настоящая травля. Его освобождают от должности редактора «Сибирских огней», руководства Сибирским Союзом писателей, исключают из партии. В конце 1920-х гг. Зазубрин переехал в Москву, где работал в Госиздате, затем редактором в организованном М. Горьким журнале «Колхозник». По рекомендации Горького присутствовал в качестве делегата от московской писательской организации на Первом съезде советских писателей. В начале 30-х он создаёт роман «Горы», посвящённый драматическим событиям на Алтае, развернувшимся в 20-е годы.

В 1937 году, во время сталинских репрессий, Владимир Яковлевич и его жена Варвара Прокопьевна были арестованы органами НКВД, а 27 сентября 1937 года писатель был расстрелян. В 1942 году на полях Великой Отечественной погиб его единственный сын Игорь. В 1950-е годы начался процесс постепенной реабилитации писателя, в печати стали появляться первые, после двадцатилетнего перерыва, публикации произведений В. Я. Зазубрина, а точнее его романа «Два мира». 4 августа 1956 года с В. Я. Зазубрина и его жены Варвары Прокопьевны Теряевой-Зазубриной были сняты необоснованные обвинения.

Владимир Яковлевич Зазубрин прожил яркую, насыщенную событиями, но увы, недолгую жизнь. Финал её был трагичен, как, впрочем, и у других его современников и соратников. Это была судьба многих представителей «Зазубринского» поколения – служить революции и стать его жертвой. Нельзя не согласиться с высказыванием исследователя творчества В. Я. Зарубина Владимира Яранцева: «Зазубрин – и плод своего времени, и его жертва».

(Журнал «Парк Белинского». Пенза, 2014, № 2).

История русской православной церкви в документах Государственного архива Пензенской области

За последние годы значительно возрос интерес к хранящимся в Государственном архиве Пензенской области документам церковного ведомства. Этот интерес не случаен, так как за период до 1917 г. православные храмы и монастыри были не только религиозными, но и духовно-эстетическими центрами. Документы Пензенской духовной консистории, церквей, монастырей используются при составлении родословных, изучении истории населённых пунктов, истории раскола, сектантства и других вопросов. Наиболее крупным является фонд Пензенской духовной консистории, насчитывающий свыше 9 тысяч единиц хранения. Духовная консистория – местный орган духовного ведомства – возникла в 20-х годах XVIII в., подчинялась Синоду и ведала делами православной церкви на территории Пензенской провинции, наместничества, уезда и губернии. Практически ни одна сторона жизни общества не обходилась без церкви и духовенства, помогавшего проводить в жизнь политику государства. Святейший Синод рассылал во все епархии царские указы или издавал свои в поддержку законодательных актов императоров. Эта разновидность документов довольно широко представлена в фонде духовной консистории, начиная с 1736 г. Деятельность консистории как руководящего духовного ведомства в губернии отражена в указах, журналах, протоколах духовной консистории.

Духовная консистория являлась и судом низшей инстанции для священно- и церковнослужителей, а в некоторых вопросах и для остального населения. Значительное количество так называемых «судебных дел» сохранилось за XVIII – первую половину XIX в.: о дурном поведении и распутной жизни церковников, о драках, о нанесении оскорблений, о незаконных венчаниях и т.п. – лицам духовного звания были свойственны человеческие слабости.

До 1918 г. церковь выполняла и функцию современных ЗАГСов: регистрировала рождение, смерть, браки. Эти сведения учитывались в метрических книгах. Практика их ведения сложилась в допетровский период, а с 20-х годов XVIII в. они велись повсеместно. На настоящий

момент в госархиве Пензенской области насчитывается около 6,5 тысячи таких книг, наиболее ранние из них относятся к концу 30-х годов XVIII в.

На основании этих документов составляются родословные. Ценность метрических книг определяется и тем, что в них обязательно указывается сословие лиц, о которых сделана запись, причины смерти, места захоронений. В конце каждого года подводится итог, подсчитывается число родившихся (мужского и женского пола), вступивших в брак, умерших (с указанием причин смерти). Рождение многих знаменитых пензяков зафиксировано в этих книгах; у некоторых из них, в частности у известного драматурга М. Н. Владыкина, уточнены даты рождения именно по этим книгам. Значительную часть документов духовной консистории составляют клировые ведомости – своеобразный годовой отчёт о состоянии церкви и её служителях. Ведомости содержат данные о времени строительства церкви, описание приделов и около храмовых построек. Необходимо отметить, что в большинстве случаев здания храмов возводились «тщанием прихожан», но документы сохранили и имена благотворителей, на чьи средства строились храмы. Так, 20 тысяч рублей на строительство Богоявленской церкви г. Пензы пожертвовал тайный советник Сергей Дмитриевич Башмаков, строитель Сызрано-Вяземской железной дороги. Введенская церковь строилась «тщанием» коллежского регистратора Гаврилы Назаровича Клейменова, Всехсвятская – купца Алексея Фёдоровича Очкина. К сожалению, имена архитекторов и строителей зданий церковью архивные источники не сообщают, хотя многие храмы по праву можно отнести к памятникам архитектуры. Не называют документы и имён художников, которые расписывали храмы и писали иконы. В документах имеются сведения, что иконы для Богоявленской церкви писал художник Галактионов, но это упоминание скорее исключение из правил.

В документах архива сохранилось описание внутреннего убранства ряда храмов Пензенской епархии. В описях имущества некоторых церковей значатся старинные иконы, серебряная и позолоченная утварь, дорогая одежда. Вот как описывается в документе одна из икон Нижне-ломовского Казанско-Богородицкого мужского монастыря: «...первая святыня монастыря – явленная чудотворная икона Казанские Божие

матери. Живопись иконы древняя, высоты она 4 вер., широты – 3 вер. Риза на ней золотая 56 пробы, весом 35 золотников, устроена в 1859 г. доброхотными жертвователями г. Н.-Ломова. Корона на ней серебряная, убранный бриллиантами, коих крупных 2, средних 2 и мелких 50. На челе, раме и перси Пресвятые Богородицы 3 звезды, в коих бриллиантов средних 3, мелких 27. Киот для сей чудотворной иконы устроен в 1850 г., серебряный 84-й пробы, с полукруглым верхом. Поля киота убраны серебряными позолоченными накладками арабесками, в коих крупных камней разного цвета 8...» и т.д. Но наиболее интересным, на наш взгляд, является раздел клировых ведомостей «Сведения о причте», то есть о священно- и церковнослужителях конкретной церкви. Сведения о них достаточно полны: указан возраст, а иногда и время рождения, возраст и род занятий каждого члена семьи, прохождение службы, награждения. Благодаря этим сведениям прослеживается родословная таких известных семейств священнослужителей, как Лентовские, Муромские, Покровские, Троицкие, Архангельские и др. А если учесть, что предками Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского, В. О. Ключевского являлись пензенские священнослужители, то значение этих документов воистину бесценно.

Хотелось бы отметить ещё две разновидности документов, сохранившихся в фонде Пензенской духовной консистории, – брачные обыски и исповедные ведомости. Брачные обыски составлялись причтом церкви на всех лиц, желающих вступить в брак. Они оглашались в церкви непосредственно перед венчанием и являлись практически документами, удостоверяющими, что к данному бракосочетанию препятствий не имеется: жених и невеста достигли определённого возраста, в близком родстве не состоят, в брак вступают добровольно и т.п.

Исповедные ведомости представляют собой посемейный список всех прихожан данной церкви с указанием возраста независимо от их социального статуса – в едином перечне вписаны и помещики, и их крепостные крестьяне. Несомненно, что исповедные ведомости являются ценным источником для изучения родословной. Так, например, благодаря исповедным ведомостям Николаевской церкви г. Чембара, удалось определить примерные даты жизни сестры В. Г. Белинского – Марии, метрические записи о её рождении не обнаружены.

На хранении в госархиве Пензенской области, кроме фонда Пензенской духовной консистории, имеются фонды 3 монастырей: Мокшанского Казанского женского монастыря (1862–1917), Пензенского Спасо-Преображенского мужского монастыря (1836–1917) и Пензенского Троицкого женского монастыря (1700–1917). Сохранившиеся документы позволяют восстановить историю создания этих монастырей, их финансово-хозяйственную деятельность, содержат сведения о настоятелях монастыря, монашествующих, о лицах, находящихся под епитимьей и содержащихся в монастырях по царским указам и решениям духовно-следственных органов. В документах широко отражена экономическая деятельность монастырей, представлены материалы о монастырском землевладении: многие земли монастырям жертвовались. В частности, сохранились сведения о пожертвовании вдовой статского советника Марией Киселевой, известной пензенской благотворительницей, 69 десятин земли при с. Сумарокове в пользу Мокшанского женского монастыря. По монастырским документам можно восстановить историю создания монастырских храмов, их убранство и даже состав монастырской библиотеки.

Монастыри не только играли роль духовно-культурных центров и являлись значительным хозяйственным механизмом, но и активно участвовали в жизни государства: собирали пожертвования для нужд неимущих, для строительства храмов и памятников в честь какого-либо знаменательного события, монахини зачастую работали сёстрами милосердия. Так, в годы первой мировой войны в Мокшанском женском монастыре был открыт лазарет на 25 коек с полным оборудованием от монастыря и на полном его обслуживании.

Фонды церквей, а их на хранении в госархиве 6, крайне малочисленны и содержат, в основном, исповедные ведомости и метрические книги.

Очень широко представлена в документах госархива история духовного образования. Наиболее крупным является фонд Пензенской духовной семинарии, насчитывающий свыше тысячи единиц хранения за 1818–1917 гг.

В связи с созданием самостоятельной епархии возник вопрос об открытии специального учебного заведения для подготовки кадров

по обслуживанию нужд епархии. 16 июня 1800 г. в Пензе была открыта духовная семинария. Семинаристам преподавали довольно широкий круг дисциплин: латинский язык, риторику, философию, богословие, греческий, французский и еврейский языки, катехизис, математику, геометрию, церковную и гражданскую историю, а в некоторые времена и медицину, сельское хозяйство, пчеловодство, геодезию. В архивном фонде семинарии представлены такие виды документов, как журналы заседаний правления семинарии, журналы успеваемости, отчёты, формулярные списки преподавателей. В документах имеются сведения об учёбе в семинарии известного русского историка В. О. Ключевского, первого президента Академии медицинских наук СССР Н. Н. Бурденко, писателя А. А. Богданова.

Интересным является материал о закрытии семинарии в 1905 г. и увольнении воспитанников в связи с участием в забастовочном движении и других антиправительственных действиях.

Сведения о подготовке священнослужителей содержатся и в фондах Тихоновского духовного училища, открытого в 1822 г. в г. Нижнем Ломове и переведённого в 1880 г. в г. Пензу, епархиального женского училища, основанного в 1846 г., Пензенского духовного училища, основанного в 1820 г. Сохранившиеся документы этих учебных заведений довольно однотипны: протоколы заседаний правления училища, отчёты, переписка по учебным и хозяйственным делам, списки учеников, прошения о приёме в училища и предоставлении казённого содержания, ведомости об успеваемости, свидетельства об окончании училищ, формулярные списки учителей.

Особо хотелось бы отметить документы, рассказывающие о роли духовенства в деле народного образования, о создаваемой сети церковно-приходских школ, школ грамотности и воскресных школ. Все эти сведения содержатся в фонде Пензенского епархиального училищного совета, созданного в 1884 г. Здесь журналы заседаний совета и его уездных отделений, материалы об открытии школ и постройке зданий для них, сметы на содержание школ и т.п. Документы епархиального училищного совета сохранили и имена тех благотворителей, которые пожертвовали свои средства на церковноприходские школы.

Так, мокшанским купцом Е. П. Бочкарёвым (впоследствии активным членом партии эсеров) специально для устройства церков-

ноприходской школы было куплено в г. Мокшане каменное одноэтажное здание. Профессором Московского университета Г. А. Захарьиным, видным врачом, чье имя носит сейчас пензенская городская больница № 6, был пожертвован капитал в 500 тыс. рублей «для пособия процентов с оного в беднейших приходах... Пензенской и Саратовской епархий, церковноприходским училищам и церковному причту». Известный учёный считал, что «духовное укрепление возможно лишь на религиозной основе и, следовательно, должно происходить через служителей церкви».

Имеется в архиве и личный фонд скандально известного Пензенского архиепископа В. Путяты, правда, история Пензенской епархии в его документах отражена слабо: в основном это переписка с частными лицами и фотографии знакомых В. Путяты.

В целом, находящиеся на хранении в госархиве Пензенской области документы позволяют осветить различные стороны деятельности русской православной церкви на территории Пензенской губернии. До 1917 г. – это история развития, становления, расцвета и огромного влияния церкви на все стороны жизни общества. В документах местных органов власти после 1917 г. отражена совершенно другая сторона жизни русской православной церкви – истории разрушения, упадка, разгрома и гибели церковных храмов, да и самих церковных устоев.

Документы, содержащие сведения о ликвидации церквей и дальнейшей судьбе священно- и церковнослужителей, ещё ждут своего исследователя.

(Журнал «Краеведение». Спецвыпуск к 200-летию Пензенской епархии. Пенза, 1999).

Крёстный путь собора

Судьбу Спасского кафедрального собора, что находился на главной площади г. Пензы (ныне Советской, ранее Соборной), трудно назвать лёгкой.

С самого начала всё пошло наперекосяк.

Собор был заложен в 1800 году ещё до приезда в Пензу первого нашего архиерея Гая. Преосвященный по прибытии своём в наш город осмотрел заложенный фундамент, нашёл размеры его слишком громадными и приостановил начатые работы. Собор сооружался на добровольные пожертвования жителей города, и, несмотря на горячее желание пензяков иметь собор не хуже, чем у соседей, скудость материальных средств заставила отказаться от данного проекта.

В том же 1800 году был заложен новый фундамент в уменьшенном виде. Но постройка собора шла чрезвычайно медленно, и была завершена по разным источникам в 1822 или в 1824 году.

Посетивший Пензу 11 сентября (по старому стилю) 1824 года император Александр I пожертвовал на «благоустройство» собора 20.000 рублей ассигнациями.

Собор на долгие годы стал гордостью и красой нашего города. Это был дивный двухэтажный храм с громадной колокольней. Соборный звон разносился по всей округе и был слышен за многие километры от города. Два его колокола были отлиты в 1827 и 1829 годах. Первый имел вес 272 пуда (4.352 кг), а второй – 600 (!) пудов (9.600 кг). Последний вскоре разбился и в 1842 году был перелит во второй раз весом в 676 пудов (10.816 кг).

До 1850 года стены главного храма города оставались нерасписанными. В 1850 году предложено было местным Духовным Советом, в котором участвовал губернатор, расписать собор священными картинами. Для этой цели из Саранска вызван был пользующийся известностью художник Кузьма Александрович Макаров (основатель Пензенской рисовальной школы). Для того чтобы помочь своему отцу, человеку уже довольно пожилого возраста, из Петербурга приехал его сын Иван. Вместе они закончили роспись собора в августе 1851 года.

В соборе в верхнем этаже, или в летней церкви, было два престола: главный – во имя Всемилоственного Спаса и придельный – во имя Успения Богоматери. Этот верхний этаж был очень светлым и воздушным. На правой колонне был расположен богатый киот, в котором помещалась главная святыня нашего города – чудотворная икона Казанской Божьей Матери, подаренная нашему городу в 1664 году царём Алексеем Михайловичем и спасшая наш город и его жителей в 1717 году от гибели и разорения во время Большого Кубанского погрома (ныне икона эта находится в Митрофаньевской церкви в районе Тамбовской заставы). Риза на этой иконе сияла золотом и была усыпана драгоценными камнями.

В нижнем этаже, или в зимней церкви, также имелось два престола: главный в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, освящённый в 1804 году, и придельный во имя Святой великомученицы Екатерины, освящённый в 1812 году. Нижний храм был приземистый и тёмный. Но среди его полумрака выделялся образ Благовещения, находившийся на Горнем месте. Это был витраж, написанный на стекле окна, обращённого к востоку.

В нижнем храме с южной стороны был встроен полуподвальный маленький храм, предназначенный для усыпальницы архиереев.

Почти сто лет прекрасное здание собора тешило гордость пензяков, радовало их глаз, но, главное, очищало их души.

В октябре 1917 года выстрел пушки на крейсере «Аврора» взорвал привычный уютный мир.

В 1918 году революционный вал достиг и столь любимого пензяками собора. Он стал яблоком раздора в споре пензенского православного духовенства и сторонников смещённого с поста архиерея Владимира Путяты, объявившего себя провозвестником и основателем новой «народной» церкви. Они захватили три храма в городе: Старый Спаситель (ныне Воскресенская церковь), Новый Спаситель (ныне ДК им. Дзержинского) и Спасский кафедральный собор.

Позднее собор перешёл в руки ренегатов – обновленцев (части православного духовенства, которая приняла Советскую власть по принципу: «всякая власть от Бога»).

А 7 марта 1923 года Епархиальное управление постановило: «Собор, как не имеющий своего прихода и не могущий продержаться

средствами Епархиального управления, последним жертвуются гражданской власти для использования под общие культурно-просветительские цели всего населения. При чем епархиальное управление, учитывая религиозное значение Собора для верующих масс, просит гражданскую власть не допускать в нем проявлений оскорбления религиозных чувств, от кого бы они не исходили» (ГАПО. Ф.Р.-2. Оп.1. Д.1556. Л.71).

2 апреля 1923 года Отдел музеев Народного комиссариата просвещения известил телеграммой Пензенский губисполком, что «Пензенский кафедральный собор состоит под охраной отдела. ...надлежит сохранить неприкосновенным внутренний и внешний художественный облик...».

А Собор, отлученный от своего высокого служения и незаслуженно преданный анафеме, мучительно умирал.

В 1924 году здесь был размещён архив.

3 октября 1931 года в самый разгар антирелигиозной компании президиум Пензенского горсовета постановил: «Бывший кафедральный собор... предать велозаводу под разборку и использование материалов на строительство». (ГАПО. Ф.Р.-453. Оп.1. Д.776. Л.4). «Молох» индустриализации требовал самых разнообразных жертв.

Единственным человеком, выступившим в то время в защиту Собора, да и то по долгу своей службы, был заведующий Окружным Архивным Бюро Пензенского окрисполкома Средне-Волжской области Осип Шуйфер. В своём письме в Центральное архивное управление 5 ноября 1931 года он писал: «Пензенское Архивное Бюро доводит до сведения Центральное Архивное Управление, что постановлением Малого Президиума Пензенского Горсовета от 3 октября 1931 года ... решено передать бывший кафедральный собор велозаводу под разборку и использование материалов на строительство, обязав велозавод приступить к разборке немедленно.

Означенное решение Президиума Горсовета состоялось без моего личного присутствия, и, несмотря на целый ряд принятых с моей стороны указаний с ссылками как на постановление ВЦИКа от 30 июня 1931 г., так и то, что здание собора находится на учёте Главнауки, – решение своё Горсовет не отменил.

В настоящее время велозаводом приступлено к разборке фундамента ограды вокруг здания собора и вывозке кирпича.

Предоставление же Архивному Бюро соответствующего помещения для архивохранилища взамен занимаемого ныне помещения в здании бывшего собора Горсоветом не отведено, причём в целях разгрузки – предложено из общего количества архивного фонда выделить 50 % архивных материалов в макулатуру и сдать Гострогу...

В виду вышеизложенного Пензенское Архивное Бюро просит в срочном порядке принять соответствующие меры к отмене постановления малого президиума Пензенского Горсовета от 3 октября 1931 года». (ГАПО. Ф.Р.-312. Оп.1. Д.152. Л.1).

Как пелось в популярной тогда песне под названием «Интернационал»: «Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим».

Разрушили... А вот с новым миром не задачка вышла...

Архив «разгрузили» и перевезли в другой собор – Преображенский.

Пензенский горсовет докладывал Средне-Волжскому крайисполкому: «Если иметь ввиду назначение бывшего собора, как складочного помещения, оставлению его в центре города на месте запроектированного парка культуры и отдыха нет оснований. Здание не ремонтируется много лет, пришло в негодность, затрачивать на него средства нерационально, приспособление его под общественно-полезные цели невозможно, между тем, при значительном объеме оно может дать значительное количество строительного остродефицитного материала, предназначенного для велозавода» (ГАПО. Ф.Р.312. Оп.1. Д.152. Л.14).

Убивали собор долго и мучительно... С 1932 по 1935 гг., путём привлечения к его «казни» широких слоёв общественности. Но святые камни не принесли счастья нашему некогда могучему промышленному гиганту, который, как и когда-то собор, долго и мучительно умирает.

(Статья из личного архива Т. А. Евневич).

Пензенская область в первые месяцы Великой Отечественной войны

(по материалам ГУ «Государственный архив Пензенской области»)

Цель данного сообщения – показать, с какими проблемами столкнулась наша Пензенская область в первые месяцы войны и как эти проблемы решались.

С началом войны все ответственные работники вызываются из отпусков, и уже 24 июня собирается бюро обкома ВКП(б). Круг решаемых вопросов в основном не отличается от мирного времени, но наряду с этим ставятся и вопросы, связанные непосредственно с войной. Это вопрос, касающийся активизации работы по размещению займа третьей пятилетки, т.к. в условиях войны мобилизация средств имеет важнейшее значение для обороны, и вопрос о призыве политработников по решению ЦК ВКП (Б) по решению от 17 июня 1941 года.

Но уже через неделю направленность вопросов меняется, т.к. экстремальная ситуация, какой является война, обнажила до предела все недостатки, которые в мирное время являлись менее заметными.

Прежде всего необходимо было решить кадровые проблемы, т.к. наиболее трудоспособное мужское население должно было быть призвано на фронт уже 1 июля. На заседании бюро обкома партии ставится вопрос о подготовке кадров для сельского хозяйства, выносятся решение подготовить женщин для работы на сельскохозяйственной технике из расчёта 2 человека на машину, а через две недели, 15 июля, было вынесено решение об увеличении приёма в ремесленные и железнодорожные училища. Были сняты ограничения на приём девушек, объявлен досрочный приём.

На этом же заседании обсуждался вопрос об уборке урожая. По состоянию на 24 июня на фронт были призваны 41 председатель колхоза и сельсовета, 324 комбайнера, только часть квалифицированных сельскохозяйственных кадров получили отсрочку от призыва на фронт, мужчин заменяли женщины. Так, 6 августа 1941 года секретарь Пензенского обкома партии по пропаганде Евгеньев докладывал, что только в Земетчинском районе на работу вышло 1537 домохозяек.

Несмотря на предпринимаемые усилия, план хлебосдачи по состоянию на 15 ноября был выполнен на 32,3 %. Причина столь низкого показателя заключалась не только в нехватке кадров или техники, но и в игнорировании плановых заданий и непонимании серьёзности создавшейся обстановки. Так, колхоз им. Буденного Головищенского района израсходовал на внутривозрастные нужды 60 % собранного урожая, а план хлебозаготовок выполнил только на 9 %, колхоз им. XVII партийного съезда (Каменка) при плане 2100 центнеров сдал хлеба только 350, 108 центнеров истратил на свои нужды, часть хлеба продал на рынке, на вырученные деньги купили коров, которых затем также продали, но уже по завышенной цене... К нерадивым применялись жестокие меры: были сняты с работы и отданы под суд председатель Н. Ломовского и Б. Вяского райисполкомов, часть председателей колхозов были сняты с работы и осуждены на различные сроки.

Сложная ситуация складывалась и в промышленности. Многие заводы увеличили выпуск продукции по сравнению с довоенным временем, но до выполнения правительственных заданий не дотягивали. Так, на заводе им. Фрунзе выпуск товарной продукции в июле по сравнению с июнем достиг 149,8 %, в августе – 161 %, сентябре 197 %, октябре 158 %, но правительственный план по выпуску боеприпасов выполнялся менее чем на 70 %, завод № 163 в октябре увеличил выпуск товарной продукции на 60 %, но за 18 дней ноября 1941 г. правительственные задания были выполнены лишь на 26,6 %. Ещё хуже обстояли дела на заводе «Пензмаш», в ноябре при плане 300 миномётов не было выпущено ни одного. Или такой факт – с большим трудом из-под обстрела удалось вывезти имущество 133 львовских авиамастерских, они размещались в Тирасполе, затем в Полтаве. Рабочие, в основном поляки, под сильным артобстрелом продолжали производить ремонт самолётов до последнего, не покидая рабочих мест. И последовало распоряжение регионального отдела штаба ВВС об эвакуации мастерских в Кузнецк, где самолётный цех разместился в здании, вмещавшем только 5 самолётов, хотя мастерские были способны отремонтировать до 30 самолётов в месяц.

Наиболее слабым местом оказалась железная дорога, нагрузка на которую с первых же дней войны резко возросла: перевозка военных грузов, оборудования эвакуированных предприятий, людей, пере-

возка раненых и т.п. К такой нагрузке наша железная дорога оказалась практически не подготовленной. В соответствии с приказом НКПС от 23 июня 1941 г. № 254 железная дорога перешла на работу по воинскому графику, а 30 июня вопрос о её неудовлетворительной работе рассматривался на заседании обкома партии. Были отмечены случаи задержки военных перевозок на 10 и 19 часов, случаи подачи неисправных составов (только за период с 22 по 26 июня таких случаев отмечено 6). А 12 августа 1941 года на ст. Пенза-III произошло крушение поезда из-за халатности персонала, в результате которого погибли 20 человек и 33 получили ранение. В ноябре 1941 года на VIII пленуме обкома партии были озвучены следующие цифры: оборот грузового вагона выполняется всего на 33 %, участковая скорость поездов в 3 раза ниже нормы, имелись случаи, когда эшелоны с эвакуированным населением простаивали на станциях по 12 суток. Следует отметить, что и в дальнейшем, до самого конца 1941 года, обстановка на железной дороге оставалась напряжённой, несмотря на то, что её работники, как и все, проявляли чудеса трудового героизма.

Значительно лучше обстояли дела в здравоохранении. Здесь сказалось то обстоятельство, что государство, уделяя значительное внимание обороноспособности страны, в сферу подготовки армии к военным действиям включило и вопросы медицинской помощи на случай возникновения боевых действий. Ещё 30 апреля 1928 года до мест была доведена инструкция НК ВМ и НКВД РСФСР «О порядке обеспечения помещениями, земельными участками и коммунальными услугами частей РККА в мобилизационный период и военное время». В соответствии с данным документом на местах должны быть определены помещения и созданы мобилизационные запасы для быстрого развёртывания госпиталей в военный период. Как продвигалась эта работа, говорят следующие факты: в июне 1940 г. по госпиталю, предполагаемому к размещению в школе № 3 г. Пензы, из 21 намеченных мероприятий было выполнено только 7., по дому престарелых не было сделано ничего, в школе № 6 при заводе им. Фрунзе и оборудовании помещения при механзаводе № 1 дела тоже обстояли неважно. Поэтому дело по оборудованию так называемых «формирований Наркомздрава» было взято под особый контроль. Это сыграло свою положительную

роль. Ещё в марте 1941 г. НКЗ разослал на места указание обеспечить полную готовность к 1 мая 1941 г. По плану с момента объявления войны в Пензенской области в соответствии с утверждённым графиком должна была быть развёрнута сеть эвакуогоспиталей на 2600 коек. И к чести пензенских организаторов здравоохранения на мобскладах имелось всё необходимое для этого. К 1 декабря 1941 г. в соответствии с графиком сеть эвакуогоспиталей была развёрнута. Уже 4 июля 1941 г. Пензенский горздравотдел докладывал в обком партии, что при агитпунктах станций г. Пензы введено круглосуточное дежурство медперсонала, который должен был проверять каждый поезд с эвакуированными и ранеными и при необходимости направлять их на срочную госпитализацию. По состоянию на 15 августа было подготовлено 1700 коек в 7 пензенских госпиталях, и, несмотря на то, что с начала войны прошло меньше двух месяцев, два госпиталя – в Ахунах и Доме политпросвещения – были заполнены уже полностью.

Обстановка в каждом конкретно взятом госпитале во многом зависела от субъективных факторов. Так, по сводке на 20 ноября 1941 г. в Лунинском госпитале № 3283 находилось на лечении 180 человек, персонал готовил развёртывание ещё 50 дополнительных коек, в госпитале была организована библиотека, регулярно вывешивалась стенгазета, обновлялись агитуголки, 1–2 раза в неделю проходила демонстрация кинофильмов и хроники, регулярно проводили чтение книг вслух. Иначе обстояло дело в кузнецких госпиталях № 1312 и 4404 – кинофильмы не демонстрировали, запасы топлива имелись только на сутки, и это несмотря на то, что над госпиталями шефствовали 11 колхозов. Плохо обстояло дело и с обмундированием для выздоравливающих бойцов.

В связи с событиями на фронтах войны и приближением военных действий к Пензе, встал вопрос об обороне города. 27 октября 1941 г. был создан городской комитет обороны, задача перед ним стояла сложнейшая – необходимо было организовать строительство оборонительной линии, которая должна была пройти от Лунино через Бессоновку в г. Пензу, далее через Лемзяйку, Ключи до г. Петровска и вторая линия – обходным путём от Лунино через Мокшан.

Строительство оборонительной линии – это не только рытьё окопов – это оборудованные доты, огненные точки, землянки. Была объявлена мобилизация 64 тыс. человек на строительство оборони-

тельной линии. Работы должны были начаться 1 ноября, но к 5 ноября по мобилизации явились только 10 тысяч, их работа была организована плохо – не хватало лопат, не были продуманы вопросы питания, размещения людей на отдых и т.п., и люди стали просто разбегаться.

Приведённые выше факты говорят, прежде всего, об отсутствии чёткости и требовательности в работе руководящих структур. Интересен тот факт, что при объяснении той или иной сложившейся ситуации такие причины, как отсутствие людских резервов или оборудования, выдвигались довольно редко. Чаще указывали благодущие, расхлябанность, непонимание сложившейся в стране ситуации. Хотелось бы отметить, что руководство страны предвидело подобную ситуацию. Уже директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 30.06.1941 г. отмечала, что некоторые партийные, хозяйственные и профсоюзные руководители всё ещё не понимают «смысла создавшейся серьёзной угрозы для нашей страны в связи с войной и живут благодущно мирными настроениями». Та же мысль прозвучала и в речи Сталина 3 июля 1941 г., где говорилось: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди... поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодущия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время».

Случаев распространения панических настроений и массового дезертирства в области не наблюдалось. Факты членовредительства были единичными. Так, в бессоновском районе один человек отрубил себе два пальца, второй разрезал себе живот, чтобы не идти на фронт. В Тамалинском районе два коммуниста отказались идти в армию, в Колышлейском – один. В северном районе г. Пензы подали заявление об отправке на фронт 675 человек, а 22 коммуниста отказались от призыва.

Таким образом, в первые месяцы войны, наряду с объективными трудностями, приходилось преодолевать трудности субъективного порядка. Не случайно в июле 1942 года первый секретарь пензенского обкома партии Кабанов был снят с занимаемой должности, как не справившийся с работой. На заседании бюро обкома, на котором присутствовал и представитель ЦК ВКП(б), отмечались мягкотелость, нетребовательность и благодущие руководства области, т.е. то, от чего

предостерегал и Сталин в своей речи 3 июля 1941 г. и о чём говорилось в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) 30.06.1941 г.

Все хозяйственные нестыковки, неурядицы, беспечность и т.п. проходили на фоне массового трудового героизма пензенцев, что значительно снижало и сглаживало неотлаженность в работе и безответственность ряда руководителей, а также пьянство и тунеядство.

(От Великой Победы – к великой России: историческая память и будущее России. Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Пенза, 25–26 марта 2010 г. / под общ. ред. А. Д. Гулякова. – Пенза, 2010).

**Организация бытового устройства
эвакуированного в Пензенскую область населения
в Великую Отечественную войну**

С началом Великой Отечественной войны Пензенская область одной из первых приняла поток переселенцев из прифронтовых районов. 29 июня 1941 г. для приёма и размещения семей эвакуированных и оказания помощи в их трудоустройстве в г. Пензе создаётся специальная комиссия, на местах эта обязанность возлагается на горрайисполкомы. В организационный период из местных бюджетов предусматривалось выделение средств на питание прибывающих из расчёта 6 рублей в день для взрослого и 3 рубля на ребёнка, а также для особо нуждающихся средств на приобретение одежды и обуви. Членам семей союзных правительств разрешалось выдавать пособие от 500 до 900 рублей в месяц¹. Кроме этого, на горрайисполкомы возлагалась обязанность строгого учёта всех прибывающих и убывающих, в течение суток информация о каждом человеке по установленной форме должна была сообщаться в переселенческий отдел².

Решением Пензенского облисполкома от 7 июля 1941 г. № 6 в г. Пензе для санитарного обслуживания и обеспечения питанием прибывающих из прифронтовой полосы на базе помещения железнодорожного клуба им. Дзержинского был создан эвакуопункт. Внутренний распорядок в Пензенском эвакуопункте был установлен довольно жёсткий: подъём в 7–00, с 9–00 до 10–00 ежедневная раздача талонов на завтрак для детей до 12 лет, в 10–00 завтрак, с 11–00 до 12–00 раздача талонов на обед для всех, с 13–00 до 15–00 обед, с 16–00 до 17–00 раздача талонов на ужин, ужин с 18–00 до 20–00, приём врача с 15 до 20 часов, отход ко сну в 22–00. Выход в город запрещался, разрешался только в крайних случаях по разовым пропускам³.

Первые эвакуированные прибыли на Пензенскую землю в июле 1941 г., а уже через месяц зам. председателя Облисполкома Давыдов докладывал Уполномоченному комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Пензенской области Новикову, что по состоянию на 12 августа в области, включая г. Пензу, эвакуированных имеется

81546 человек, из них 52 % – дети. Из общего числа эвакуированных 10199 человек разместились в г. Пензе⁴.

Число прибывающих в область продолжало увеличиваться, и для организации работы с такой массой людей требовались специальные органы власти. На основании решения Пензенского облисполкома от 06.10.1941 г. № 1146 было образовано управление по эвакуации, реорганизованное в феврале 1942 г. в отдел хозяйственного устройства эвакуированного населения при Пензенском облисполкоме. Масштабы проводившейся работы были огромны: кроме постоянно проживающих беженцев через Пензенский железнодорожный узел следовали эшелоны с эвакуированными в глубинные районы страны. Только с 1 июля по 12 августа 1941 г. Пенза пропустила 400 таких эшелонов, причём всех переселенцев снабдили питанием, одеждой, денежным довольствием.

Приказом по Пензенскому облторгу от 8 ноября 1941 года № 191 были установлены дневные нормы снабжения эвакуэшелонов сухими продуктами: сахар – 20 гр., кондитерские изделия – 30 гр., крупы – 50 гр., масло – 10 гр., колбасные изделия – 10 гр., хлеб – 400 гр., мясо – 40 гр.⁵.

Конечно, несмотря на принимаемые меры, на первом этапе эвакуации были значительны элементы неорганизованности, возникающие иногда и по субъективным причинам, в частности, непонимании важности чёткой организации этого процесса. Уже в решении Пензенского облисполкома от 8 сентября 1941 г. отмечались факты бездушного отношения к нуждам эвакуированного населения: обеспечение неполным ассортиментом продовольствия из имеющегося в наличии, разбазаривание продовольственных фондов, выделенных для эвакуированных, среди рабочих и служащих совхозов, а также размещение детских яслей в непригодных помещениях, отсутствие медпомощи. Многие из эвакуированных были вынуждены выходить на работу босиком. Указанным решением были ужесточены требования к председателям райисполкомов по организации общественного питания, медобслуживания и решения других нужд эвакуированных, при этом им было вменено в обязанность систематически заслушивать руководителей сельсоветов о проделанной в этом направлении работе⁶.

Остро стояла проблема трудоустройства и обеспечения жильём приезжающих. С теми, кто прибыл с эвакуированными предприятиями,

проблем почти не возникало, их работники проживали, как правило, в общежитиях заводов и на частных квартирах, лишь небольшая часть была обеспечена отдельными домами. Зачастую общежития были без водопровода, канализации, с недостаточным количеством кухонь. Эвакуация породила много проблем, связанных с трудоустройством. Тем не менее, она же создала и немало рабочих мест: предприятия, продолжившие на новом месте выпуск продукции, сразу же обеспечили работой прибывший с ними персонал. Однако в условиях, когда специальность прибывших при расселении не учитывалась, ряд ценных и даже дефицитных специалистов получили низкооплачиваемую и неквалифицированную работу.

Исходя из имеющихся на хранении в государственном архиве Пензенской области списков эвакуированных, подавляющее большинство являлось городскими жителями: служащие, рабочие, интеллигенция; и всех их поселить и трудоустроить в городах было невозможно. Труд эвакуированных горожан, размещённых в сельской местности, был малоэффективен, но трудоустроить их по специальности возможности, как правило, не было. К осени 1941 г. количество эвакуированных достигло 124,3 тыс. человек и около 50 тыс. из них – это жители г. Москвы⁷. Расселение проходило в основном в сельской местности путём подселения в дома колхозников и рабочих совхозов, использования нежилых помещений (клубов, МТС). На начальном этапе эвакуации средняя жилплощадь на одного человека составляла 3 м², позднее она была увеличена до 4. Дети эвакуированных получили места в детских садах и школах. Наиболее благоприятно для эвакуированных граждан складывалась ситуация, когда они встречали радушный приём в семье домохозяев, однако ситуации встречались разные, имели место и проявления антисемитизма к еврейскому населению, и установление высокой квартплаты за проживание, и такой дикий эпизод, когда домохозяйка А. из с. Елизаветино для того, чтобы сжить со своей квартиры женщину с двумя детьми, сломала печную трубу в январе месяце⁸.

Норма снабжения хлебом эвакуированного населения составляла 400 гр. на человека, хотя нередко были случаи, когда эта норма снижалась до 200 гр. Если городское население снабжалось по карточкам, да и при эвакуированных предприятиях создавались подсобные

хозяйства, то сельское население, где отсутствовала карточная система распределения, не получало по 5–8 месяцев товаров первой необходимости. Та продуктовая помощь, которая полагалась эвакуированному населению, нередко задерживалась или не поступала в положенном объёме. Выживаемость в сельской местности во многом зависела от наличия собственного хозяйства, которого у эвакуированного населения, естественно, не было. Когда же задерживалось продовольствие, предназначенное для раздачи на трудодни, людям оставалось только обменивать на еду свои вещи. А вещей у эвакуированных было совсем мало. По линии союзного и республиканского правительства беженцам оказывалась материальная помощь. За 1942 г. и первый квартал 1943 г. им была выплачена сумма в 652 тыс. рублей. Многие трудовые коллективы участвовали в сборах пожертвований для беженцев: сдавали посуду, одежду, постельные принадлежности. Те, кто не в состоянии был заниматься трудом на земле по возрасту или состоянию здоровья, обеспечивались продуктами по минимальным нормам красноармейцев.

Конечно, среди эвакуированного населения встречались разные люди. Участница трудового фронта, жительница тогдашнего Телгинского района А. П. Пылайкина вспоминала об эвакуированных: «Это были разные люди. Многие работали в поле наравне со всеми. А работавшие в учреждениях по вечерам шли в поле вязать снопы, скирдовать, работать на току, как и все мы. Но среди эвакуированных были и такие, которые вызывали удивление. Так, в квартире военкома Куприянова (сын и дочь которого добровольно ушли на фронт) в отдельной комнате поселились две семьи – женщины с подростками. Целый день они о чём-то разговаривали на непонятном для нас языке и... ничего не делали. Зато в воскресенье, ранним утром первыми были на базарчике и скупали самые лакомые продукты: курочек, яички, маслице. «Западники, – говорили про них, – богатые и ленивые»⁹.

Сложнее обстояло дело с семьями военнослужащих. Их жены, как правило, раньше не работали и иногда не имели никакой специальности; тем более что у ряда районных руководителей возник вопрос, а можно ли вообще жёнам начсостава доверять работу. 28 октября 1941 г. за № 1263 выходит специальное решение Пензенского облисполкома «Об обеспечении семей военнослужащих из прифронтовой полосы

в Пензенскую область»¹⁰. Данный документ предусматривал обязательность трудоустройства всех трудоспособных членов семей военнослужащих на общих основаниях, но, кроме обязанности оказания помощи в снабжении хлебом, топливом и т.п., предусматривал право первоочередного получения промтоваров из имеющихся в наличии. Все семьи военнослужащих, проживающих в Пензе, были прикреплены для снабжения продуктами и товарами первой необходимости к Пензенскому отделению Военторга; семьи, имеющие аттестаты, получали причитающиеся им деньги, а не имеющие такового получали авансы в счёт зарплаты мужей¹¹.

Особо следует отметить обеспечение питанием и одеждой детей из эвакуированных детских домов и интернатов. А. П. Пылайкина вспоминала: «Прибыл детский дом. Воспитательницы, разрезая буханки хлеба, осторожничали и боялись кому-нибудь порезать ручку, сколько их тянулось за куском»¹².

К июню 1943 г. таких детей насчитывалось в области 4579 человек. Для улучшения снабжения детских домов и интернатов их обеспечение было переведено на получение продуктов из областного центра, т.к. на местном уровне многих продуктов, положенных к получению, просто не оказывалось. К 1942 г. все детские дома имели свои подсобные хозяйства, многие разводили свиней, кур. С одеждой для детей дело обстояло значительно хуже, выделяемых централизованно фондов крайне не хватало. Так, например, дом младенца № 9 был эвакуирован в начале войны с 63 младенцами грудного возраста и кроме детских распашонок и пелёнок ничего не имел. Подросшие за 2 года дети продолжали пользоваться теми же распашонками и ходить в самодельных тапочках, пошитых персоналом¹³.

Для розыска эвакуированными своих родственников в Пензе действовало отделение центрального справочного бюро, оказывающее помощь в установлении местонахождения родственников.

Возвращение беженцев на родину началось с весны 1943 г. и закончилось уже после войны. Примерно тридцать тыс. беженцев из общего числа эвакуированных остались жить на пензенской земле.

Все предпринятые органами советской власти меры, пусть даже осуществляемые не в намеченных объёмах и не так, как это пред-

писывали различные нормативные акты, не допустили в конечном итоге превращения эвакуации населения в тыловые регионы СССР в стихийный процесс, она осуществлялась планово. Осмысливая конечные результаты эвакуации, можно сделать, на наш взгляд, вывод, что в экстремальных условиях войны административно-командная система сработала достаточно эффективно.

Примечания

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 4356. Л. 13.
2. Там же. Л. 12.
3. ГАПО. Ф. р-1314. Оп.1. Д. 4. Л.17.
4. ГАПО. Ф. р-2038. Оп.1. Д 496. Л. 67, 72.
5. ГАПО. Ф. р-2413. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
6. ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 496. Л. 128–128об.
7. ГАПО. Ф. п-148. Оп. 1. Д 664. Л. 12.
8. ГАПО. Ф. р-2413. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.
9. Цит. по «Пронёвшие знамя Победы». Пенза, 2005. С. 81–82.
10. ГАПО. Ф. р-2038. Оп. 1. Д. 496. Л. 221–221 об.
11. ГАПО. Ф. п-148. Оп. 1. Д. 565. Лл.18–20.
12. Цит. по «Пронёвшие знамя Победы». Пенза, 2005. С. 82.
13. ГАПО. Ф. р-2413. Оп. 1. Д. 4. Лл.55–56об.

(Журнал «Пензенское краеведение Пензенское краеведение», 2016, № 2 (14). 2015).

Поиск имён воинов, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны

Более семидесяти лет назад началась Великая Отечественная война. Прошло совсем немного времени и жители нашей страны стали получать похоронки – извещения о смерти воинов Красной Армии. Точное количество погибших на войне до сих пор вызывает споры, счёт безвозвратных потерь идёт на миллионы человек. Фраза А. В. Суворова о том, что война не закончена, пока не захоронен последний погибший солдат, широко известна, и хотя прошло без малого уже 70 лет с момента окончания кровопролитной войны, судьба сотен тысяч воинов, не вернувшихся с фронтов – неизвестна: погиб человек в бою, умер от ран в госпитале, замучен в концлагере... К сожалению, это в основном реальность российская, а также тех стран, которые ранее входили в состав СССР.

В странах Европы, участниках Второй мировой войны, нет проблемы с неучтёнными останками солдат, в этих странах это было государственной задачей с 1950-х годов. В СССР захоронениями солдат занялись только в 1980-х годах, и то потому, что этим заинтересовалась общественность. Всё началось на уровне поисковых отрядов, параллельно с которыми действовали «чёрные копатели», которые искали оружие и медальоны для сбыта на чёрном рынке. При этом было уничтожено огромное количество материалов, которые могли бы установить имена тех, кто был похоронен или погиб в том месте, где велись раскопки. В Германии первая книга памяти с фотографиями солдат появилась в 1958 году. Где фотографии не было, оставлялось пустое поле. Разыскивались сослуживцы человека, о котором ничего не известно, с целью найти информацию о нём. А в СССР первая книга памяти без фотографий появилась в 1988 году, то есть на 30 лет позже.

К 50-летию Победы в Великой Отечественной войне в России и в странах, ранее входивших в состав СССР, вышло очень много книг памяти с именами воинов, не вернувшихся с войны, эта работа после празднования 50-летия Победы не была приостановлена и во многих регионах была продолжена, в том числе и в Пензенской

области в основном силами сотрудников государственного архива. К вышедшим в середине 90-х годов 10 томам книги «Память. Пензенская область» к 65-летию Победы добавился 11 том, несколько отличавшийся от предыдущих, он состоял из 2 частей: 1 часть – вновь выявленные имена погибших пензенцев, не вернувшихся с войны, и 2 часть – уточнённые данные о воинах, чьи имена уже были включены в ранее вышедшие тома, в основном эти уточнения касались мест захоронения воинов. Практически сразу была начата подготовка следующего, 12 тома книги, выход которого планируется к 70-летию Победы.

Какими же источниками располагают составители очередного тома книги памяти Пензенской области и как осуществляется обработка этих источников. Оговоримся сразу, что речь пойдёт только о доступных составителям книги источниках, т.е. без учёта возможности получения информации из других архивов.

Можно выделить несколько направлений поиска.

Прежде всего, это дополнительный просмотр документов райвоенкоматов, с целью выявления новых имён жителей районов, не вернувшихся с войны. Близким погибших выдавали не сами похоронки, а их копии, подлинники же извещений о смерти до сих пор хранятся в военкоматах. Кроме того, после окончания войны райвоенкоматами была проведена работа по сбору сведений о не вернувшихся с войны воинах, призывавшихся этими военкоматами (подворный опрос). В большинстве местных военкоматов составлялись картотеки на воинов, не вернувшихся с войны. Кроме того, путь на войну начинался, как правило, с военкомата, и в военкоматах сохранены данные о призыве. К сожалению, о количестве и составе имеющихся в пензенских военкоматах документах составителям книги «Память. Пензенская область» не известно, т.к. военкоматы являются достаточно закрытыми структурами. Первый регион, который разрешил сфотографировать документы в военкоматах времён войны, – это Ингушетия. Документы военкоматов скопировали в Татарстане и в Архангельской области, в Пензенской же области этот вопрос не решён, и при использовании этого ресурса приходится довольствоваться теми сведениями, которые представляют работники военкоматов. Следует отметить, что, судя по объёму полученной из военкоматов Пензенской области информации, этот ресурс

на сегодняшний день в области практически исчерпан, т.к. каждый дополнительный просмотр документов выявляет лишь единичные, ранее не включённые в книгу памяти фамилии.

Второй путь – это письма родственников, пытающихся установить судьбу близкого человека, не вернувшегося с войны. За последние два года в госархив Пензенской области поступило примерно полторы сотни таких писем, в основном от жителей других регионов, которым была недоступна книга памяти Пензенской области, или от лиц, которые в этой книге обнаружили неточности, касающиеся их близких. Ценность этого источника заключается в том, что многие уроженцы Пензенской области на момент призыва проживали вне её пределов, призывались из других мест и, естественно, в пензенских военкоматах о них данных не имеется.

Третий – это ресурсы Интернет. В Интернете существует несколько доступных баз данных с различными параметрами поиска, к сожалению, в основном это возможность поиска по фамилиям. При составлении же книги памяти задача состоит как раз в выявлении фамилий уроженцев Пензенской области или лиц, призывавшихся с её территории.

Не существует единого поискового ресурса по погибшим в годы войны, нет даже единого списка баз данных, поэтому поиск в интернете может занять довольно продолжительное время и в значительной степени зависит от «фантазии» производящего поиск. Так, например, при установлении фамилий пензяков, похороненных на территории Могилёвской области, был установлен список всех районов этой области, а их больше 20, просматривался сайт администрации каждого района, где размещены данные о воинских захоронениях, т.к. сводного ресурса по этой области не имелось.

Не следует полностью доверять информации, полученной из Интернета, и это не всегда вина создателя того или иного ресурса. Несмотря на то, что многие из известных Интернет-ресурсов, в том числе и общеизвестный сайт ОБД «Мемориал», созданы на основе официальных документов архивов, относиться к ним надо очень критически. Что такое подлинный документ о потерях в годы войны? Зачастую это списки, составляемые в военно-полевых условиях, когда не всегда предоставлялась возможность уточнить какие-либо данные. Встречаются ошибки в написании фамилий, отчеств, и наиболее

частые – в географических названиях. Действительно, человеку никогда не бывавшему, например, в Пензенской области правильно воспроизвести на бумаге название не только населённого пункта, но и района очень трудно, поэтому приходится часто просто догадываться, что Шамшинский район – это Шемышейский и т.п. Кроме вышеназванного сайта ОБД «Мемориал» часто используются сайты, на которых размещены региональные книги памяти. Следует отметить, что единого формата размещения этих книг в сети Интернет не существует, есть книги, которые позволяют вести поиск по тексту по заданному параметру, например, по словам «Пенза» или «пензенская», есть книги-картинки, которые можно только листать и выбирать фамилии пензенцев, но большинство доступных книг памяти позволяют вести поиск только по фамилиям. В основном региональные книги памяти включают сведения о лицах, уроженцах соответствующего региона, однако в книгах памяти некоторых областей, на территории которых велись боевые действия, приведены сведения о воинах, погибших и захороненных на территории области. В качестве примера можно привести книги Тульской, Калининградской, Мурманской и др. областей.

Особое внимание при составлении книги памяти уделяется лицам, пропавшим без вести, таковым считался воин, который отсутствовал в части по неизвестной причине, и поиск его в течение 15 дней не дал результата. Чаще всего воины, числящиеся без вести пропавшими, погибли или при отступлении, или при разведке боем, или в окружении. Засвидетельствовать их смерть в силу разных причин было сложно. В число пропавших без вести входили также военнослужащие, попавшие в плен, дезертиры, командированные, не прибывшие к месту назначения, разведчики, не вернувшиеся с задания, личный состав целых частей и подразделений в том случае, когда они оказывались разбиты и не оставалось тех командиров, кто мог достоверно донести наверх по инстанции о конкретных видах потерь. Однако причиной отсутствия военнослужащего могла быть не только его гибель. Например, воин, отставший от подразделения на марше, мог быть включён в состав другой воинской части, в которой он затем продолжал воевать. Раненый с поля боя мог быть эвакуирован бойцами другого подразделения и направлен прямо в госпиталь. Известны случаи, когда родственникам за время войны приходило несколько

«похоронок», а человек оказывался живым. Поэтому все указания «пропал без вести», особенно если это указано в ОБД «Мемориал», тщательно проверяются, прежде всего по таким сайтам, как Саксонские мемориалы (лица, бывших в плену на территории Германии), сайтам, содержащих сведения о погибших в плену, умерших в госпиталях и т.п. И, конечно же, проверка проводится по так называемому фильтрационному фонду (документам бывшего УКГБ по Пензенской области на лиц, попавшим в плен), находящемуся на хранении в госархиве Пензенской области. Таким путём, например, были установлены имена примерно 50 уроженцев Пензенской области, погибших в плену и захороненных на мемориале Эренхайн-Цайтхайн в Германии.

Тщательной проверке подвергается и указание на место захоронения.

После войны в деревнях устанавливался самодельный памятник, на котором писали, кто там похоронен. Эти памятники существовали в деревнях до 1960-х годов. А потом был принят хрущёвский план уничтожения неперспективных деревень – это была первая волна, когда исчезло огромное количество имён. Маленькие деревни объявлялись неперспективными, люди высылались в крупные деревни, а захоронения оставались. Часто в это время за могилами не следили. В 1970-х годах стали организовываться перезахоронения, имена никто не переписывал, списки для больших захоронений составлялись кое-как. Так потерялось большое количество имён погибших. А в документах ОБД «Мемориал», как правило, указано место первоначального захоронения. В Интернете можно найти сведения о перезахоронениях, а в некоторых книгах памяти, например, Калужской области, уже указаны новые адреса воинских могил. Сопоставление списков захороненных в годы войны и списков перезахороненных позволяет установить многие имена воинов, числящихся в новых захоронениях как неизвестные.

И, наконец, последний источник – это результаты экспедиций поисковых отрядов. Наиболее известные поисковые отряды, действующие на территории Пензенской области – это отряд «Поиск-Вездеход» (руководитель Казакова Л. В) и каменский отряд «Сапсан» (рук. Данилушкин В. В.). Конечно, большинство обнаруженных останков воинов – безымянны, но бывают и исключения. Так, за последнее пятилетие найдено и перезахоронено около десятка останков воинов, уроженцев Пензенской области, чьи имена установлены по найденным медальонам. Конечно,

не всегда в медальонах полностью читаются все данные, часто на помощь приходят документы, хранящиеся в архиве – метрические записи по указанным в медальонах местам рождения воина, похозяйственные книги, различные списки и т.п. В последние годы сбор документов от различных поисковых отрядов был упорядочен, все данные о находках и местах перезахоронений обнаруженных воинов концентрируются на базе казанского поискового отряда «Отечество». Отряд имеет свой сайт и регулярно издаёт сборники «Имена из солдатских медальонов», сейчас издано уже 6 томов.

Подготовка к изданию очередного тома книги «Память. Пензенская область» не ограничивается только поиском новых имён и уточнением ранее известных сведений. Наиболее трудоёмкий процесс – это обработка выявленных сведений. Уточняется место рождения воина, как правило, в документах оно указано в соответствии с административно-территориальным делением СССР в предвоенные годы, в книге памяти же оно должно соответствовать современному. То же самое относится и к местам захоронений. Если с изменениями в административно-территориальном делении Пензенской области проблем не возникает, то изменения в устройстве других регионов приходится изучать очень подробно, особенно это касается центральных и северо-западных районов бывшего СССР, Кавказа, т.е. тех мест, где и разворачивались военные действия. Известны случаи, когда было известно последнее место службы погибшего воина, и по хронике событий Великой Отечественной войны приходилось устанавливать место, где данная воинская часть в момент гибели воина вела бои.

Установить на сегодняшний день, сколько человеческих жизней стоила победа над фашистской Германией, никто не может, и чем больше времени проходит, тем меньше шансов узнать правду. Однако терять надежду на то, чтобы узнать, что стало с отцами, дедами и прадедами, павшими в боях за родину, не следует, ведь поиск имён не вернувшихся с войны продолжается, и, возможно, кто-то всё же ещё узнает о судьбе близкого им человека.

(X Всероссийская конференция «Моя малая родина». Сборник материалов. Пенза, 2012).

Современная историческая наука, изучая причинно-следственную связь различных явлений, всё чаще обращается к конкретным субъектам происходящих событий – к судьбе отдельно взятой семьи или человека.

Работая свыше 20 лет в государственном архиве Пензенской области, я могу с уверенностью сказать, что за последнее десятилетие у общества значительно возрос интерес к генеалогическим изысканиям, люди стремятся узнать как можно больше о своих предках, причём получить сведения не столько на уровне семейных легенд и рассказов, сколько подтверждённые историческими источниками, документами.

Город Заречный ещё очень молод, но у каждой семьи есть своя история, уходящая в прошедшие века. Всё меньше остаётся людей, являющихся свидетелями многих исторических событий, чья жизнь началась задолго до того, как они приехали в наш город.

Этот рассказ о жизни человека, не занимавшего руководящие посты и не являющегося передовиком производства, это рассказ о рядовом жителе г. Заречного, свидетеле многих событий нашей истории – о Евневиче Ромуальде Марьяновиче.

Ромуальд Марьянович о национальности поляк, родился 4 февраля (ст. стиля) 1898 года в г. Крестцы Новгородой губернии, о чём свидетельствует запись в метрической книге Новгородского Римско-католического костёла: «...окрещён младенец по имени Ромуальд-Леон викарием оной церкви..., и.д. судебного следователя 1-го участка Крестецкого уезда коллежского ассесора потомственного дворянина Мариана Эдуарда и Казимиры-Терезии, урождённой Кушковской, Евневич». Восприемниками при крещении являлись дворяне Ипполит-Доминик Евневич и Ванда Кушковская.

Трудно сейчас сказать, кем доводилась новорождённому Ванда Кушковская – бабушкой или тёткой, а вот Ипполит – Доминик Евневич, или в русской транскрипции Ипполит Антонович Евневич, являлся ему родным дедом, отцом Мариана. Краткие сведения об Ипполите Антоновиче даются в 9 томе Большой советской энциклопедии: «Евневич Ипполит Антонович – 4 (16).08.1831 г. Сенненский уезд Могилёвской губернии – 5 (18) 11. 1903 г. Петербург – русский учёный в области

гидравлики и механики, окончил в 1856 году физико-математический факультет Петербургского университета. С 1868 г – профессор прикладной механики в Петербургском техническом институте. Читал курс прикладной математики в других высших учебных заведениях, основные работы относятся к области гидравлики. В 1874 году им опубликован «Курс гидравлики» – один из первых русских учебников по этой дисциплине¹. И. А. Евневич неоднократно упоминается в выходивших в XIX веке «Адрес-календарях» в качестве декана Санкт-Петербургского практического технологического института и преподавателя курса построения машин других учебных заведений тогдашней столицы, его брат Иван встречается среди служащих Главного казначейства².

О «добряке» И. А. Евневиче вспоминает академик Алексей Николаевич Крылов (1863–1945) – основоположник современной теории кораблестроения, дед другого известного учёного А. П. Капицы, обучавшийся в 1888–1890 годах на кораблестроительном отделении Морской академии: «И. А. Евневич был профессором технологического института, в Морской академии он читал курсы: прикладной механики, теории упругости, и отдельный специальный курс построения машин... Читал он превосходно, ясно, отчётливо, приводя иногда примеры из действительной практики. Он был туг на ухо, поэтому на экзаменах прикладывал руку к ушной раковине и подходил к слушателю вплотную, чтобы яснее услышать ответ³».

Дослужился Ипполит Антонович до чина действительного статского советника⁴ (4). Отец Ромуальда Марьяновича-Марьян (Мариам) Ипполитович, родился в 1863 году, окончил Санкт-Петербургский Императорский университет, с 1892 года служил в ведомстве Министерства юстиции. Известно, что он являлся судебным следователем 1-го участка Крестецкого уезда Новгородской губернии, а в последствии – судебным следователем 1-го участка г. Санкт-Петербурга⁵. Дослужился Марьян Ипполитович до чина статского советника.

В семье Мариана и Казимиры Евневич было пятеро детей, к сожалению имена их всех неизвестны, в сохранившемся в семейном архиве дневнике, который вёл Ромуальде с 1910 года, названы имена только старших – Янины и Здислава. Впрочем, дневник был прочитан только с 1914 года, до этого записи велись по-польски.

После окончания начального курса гимназии, Ромуальд продолжил образование в Петербургских реальных училищах сначала доктора Шиповальникова, затем А. К. Копылова.

Окончание учёбы в училище пришлось на бурные события 1917 года. Т.к. семья проживала в центре города, Ромуальд явился непосредственным свидетелем событий февраля 1917 года, которые и описал в своём дневнике: «...В 12 часов рабочие начали громить дом предварительного заключения и подожгли здание окружного суда, был убит следователь Кузьмин и ранен следователь Ждань-Пушкин, 2 и 3 этажи выгорели... Рабочие овладели пулемётами, которые были расставлены на Невском... Дума заседала до поздней ночи в Таврическом дворце. Рабочие громили участки и сжигали бумаги. Павловский полк расстрелял полицейский отряд... Все министры бежали со своих должностей, назначено Временное правительство из 12 человек... Арсенал разбит, Петропавловская крепость в руках рабочих и войск, все узники выпущены на свободу... Революция прошла удивительно скоро и гладко. Николая содержали между Дном и ещё какой-то станцией. Соппротивление оказывали только городовые..., но их стрельба не приносила почти никакого вреда⁶».

9 марта пришли арестовывать отца, но узнав, что он не имеет никакого отношения к охранному отделению, а 24 года служит в качестве судебного следователя, отпустили.

После окончания училища Ромуальд Марьянович пытался поступить на гидроавиационные курсы, однако не был принят по зрению и поступил в мае 1917 года в Павловское военное училище. Выпуск училища был ускоренным, в сентябре 1917 года он выпускается в чине прапорщика и зачисляется в резерв чинов штаба Петроградского округа. Однако события октября 1917 года круто изменили судьбу Ромуальда Марьяновича.

Казимира-Терезия умерла в ноябре 1914 года от плеврита, Мариан Ипполитович в сентябре 1919 г., все дети, кроме Ромуальда, и ближайшие родственники выехали в начале 20-х годов на свою историческую родину – в Польшу.

А Ромуальд, решивший остаться в Петрограде, поступает в январе 1918 года конторщиком на Петроградский химический завод. А далее

начались «странствия» в поисках более-менее постоянной работы, дальнейшая учёба была невозможна из-за «непролетарского происхождения» и сугубо материальных соображений. За 3 года чем он только не занимался: был и помощником завхоза, и делопроизводителем в военном госпитале в штабе 1-й армии, и, наконец, в сентябре 1920 года направляется на лесозавод Самгублескома в Бузулукский уезд. Так он оказывается в пос. Колтубанка Бузулукского уезда Самарской губернии, где проводит более десяти лет, работая, в основном, на лесозаводе в делопроизводственных и бухгалтерских должностях.

20-е – начало 30-х годов XX века в Поволжье – это годы страшнейшего голода, унёсшего тысячи жизней. Ромуальд Марьянович запишет в своём дневнике в феврале 1922 года: «Голод в Самарской губернии достиг своего апогея, дошёл до таких потрясающих фактов, предположить кои месяцев 6 назад не мог бы никакой наиболее настроенный пессимистически ум... людоедство и трупоедство и прочие ужасы никого особенно не ужасают, люди как-то огрубели, словно застыли... будучи в Петрограде в 1918 году, я думал, что видел настоящий голод, то была игрушка в сравнении с тем, что творится здесь»⁷.

Привыкание к новой взрослой жизни в изменившихся социальных условиях, в одиночестве, без друзей и близких, давалось тяжело. Менялись взгляды, менялись ценности. В 23 года, находясь в Колтубанке, Ромуальд размышляет: «Жизнь так странно исковеркали, что всё потеряло всякую прелесть. Всё существование свелось к заботе о пропитании, причём приходится добиваться его не нормальным путём, т.е. за определённый труд получать вознаграждение, на которое можно приобрести всё необходимое, а всевозможного рода ухищрениями, вроде уплаты за стол одеждой, в которой сам чувствуешь недостаток и которую опять можно получить за хлеб – заколдованный круг, из которого нет выхода...»⁸.

Здесь же, в Колтубанке, Ромуальд Марьянович обзаводится семьёй. Его жена – Екатерина Августиновна Сенкевич была старше на 7 лет и имела ребёнка от первого брака – Всеволода, 1916 года рождения. Первый муж Екатерины Августиновны – Дмитрий Бржезовский – погиб в годы гражданской войны. У Ромуальда Марьяновича и Екатерины Августиновны родилось 4 детей: Ванда в 1921 году, Эдуард в 1925,

Аэлита-Нора в 1927 и Генрих в 1929 году. В живых остались только сыновья, дочери умерли ещё маленькими.

В мае 1932 года семья переезжает в Лунино. Ромуальд Марьянович поступает на службу в Лунинский леспромхоз, где работает сначала на канцелярских, а затем на бухгалтерских должностях. Война не обошла семью стороной: с первых дней войны уходит в армию Всеволод, работавший до этого в ряде местных газет, а в 1943 году призывают и Эдуарда. Всеволод пропал без вести в 1943 году, Эдуард был комиссован после ранения незадолго до окончания войны.

В 1946 году по личной просьбе Ромуальда Марьяновича переводят на должность бухгалтера в Чаадаевский леспромхоз. Интересен тот факт, что Ромуальд Марьянович был не первым из своего рода, прибывшим на Пензенскую землю... Ранее него здесь побывал его прадед Антон. В государственном архиве Пензенской области в материалах Н. Ломовского уездного суда имеются сведения о рассмотрении в этом суде дела о нанесении взаимных оскорблений дворянским заседателем Н. Ломовского земского суда Степаном Поповым, с одной стороны, и дворянином Сенненского уезда Могилевской губернии Антоном Евневичем и дворянином Минской губернии Викентием Витаковским – с другой. Суть дела заключалась в следующем: в марте месяце 1839 года Попов, проезжая по делам службы через село Голицино, встретил повозку, запряжённую тройкой с колокольчиком, которая остановилась около дома, занимаемого капитаном Егерского полка Грудзинским. Как лицо должностное, он послал узнать, кто приехал на этой тройке, т.к. «с колокольчиком партикулярным людям ездить запрещено». Но в ответ и посланцы Попова, и явившийся вслед в дом Грудзинского сам Попов услышали, по их словам, издевательства и насмешки. С другой стороны, приехавшие и хозяин дома обвинили Попова в грубости, пьянстве и нанесении вреда экипажу. Дело рассматривалось в Н.-Ломовском суде 2 с лишним года, но интересно другое: как следует из дела, Могилёвский дворянин Антон Евневич был известен Попову лично, т.е. вполне возможно, бывал в губернии неоднократно⁹.

В Чаадаевском леспромхозе Ромуальд Марьянович проработал до 1960 года. Здесь же, в пос. Чаадаевка умерла в 1956 году Екатерина Августиновна. Но жизнь состояла не только из работы: увлечением

Ромуальда Марьяновича были театр и шахматы. Всё свободное время он проводил в местном драмкружке, выступая в качестве режиссёра и исполнителя многих главных ролей, а так же считался одним из лучших шахматистов в посёлке, принимал участие в шахматных турнирах, в том числе и по переписке.

В 1959 году младший сын Генрих приезжает в новостроящийся город Заречный, а в 1960 году сюда же приезжает и Ромуальд Марьянович, а несколько позже и старший сын Эдуард.

К моменту приезда в город Ромуальд Марьянович был уже пенсионером, но сидеть дома было не в его характере. Во дворе около магазина «Колосок» собирались поклонники шахмат, проходили шахматные турниры, был так же создан городской шахматный клуб, в деятельности которого принимал активное участие и Ромуальд Марьянович. Другим его увлечением были марки. Являясь руководителем городского общества филателистов, он принимал активное участие в большинстве проводимых выставок как в Заречном, так и в Пензе, имел награды. Практически всё летнее время он проводил в пионерлагере «Звёздочка», работая там бухгалтером.

Была у Ромуальда Марьяновича и постоянная общественная работа – он являлся практически бессменным председателем товарищеского суда ЖЭК № 5 и ЖЭК № 2. Работа эта была сложной – приходилось разбираться в самых запутанных проблемах, связанных далеко с не лучшими проявлениями человеческой природы. Обладая завидным здоровьем, до последних дней ездил на велосипеде.

Умер он 22 октября 1980 года на 83 году жизни от кровоизлияния в мозг во время одного из заседаний суда, на котором рассматривалось дело о кляузах, пытаясь доказать недопустимость содеянного.

Нашли своё место в городе и сыновья.

Генрих Ромуальдович начинает работу в единственном тогда культурно-просветительном учреждении в городе – клубе «Дружба». Штатных сотрудников, по его воспоминаниям, тогда было только трое – Николай Фёдорович Малыгин, руководитель, он сам и зав. детской секцией Воеводина Клавдия Тимофеевна. С августа 1960 года Генрих Ромуальдович становится руководителем эстрадного кружка Зареченского клуба. В книге «Заречный. История закрытого города». (Ч. 1) о нём

есть такие строки: «...без его аккордеона не обходились ни один вечер, ни одна новогодняя ёлка, ни один концерт, мало того, что он руководил большим и сложным коллективом духового оркестра, он ещё выступал в качестве руководителя популярнейшего коллектива-ансамбля “Весна”, о котором до сих пор ходят легенды»¹⁰.

После распада «Весны» Генрих Ромуальдович руководил многими музыкальными коллективами города, создал ансамбль «Молодость», с 1967 года он возглавлял хор ДК «Современник», а с 1971 года становится заведующим клубом «Факел», преподаёт пение в школах города.

Эдуард Ромуальдович до приезда в город работал освобождённым комсоргом фабрики «Красный октябрь» в г. Сурске, руководил драмкружком в Сурском клубе, в Заречном находился на партийной и профсоюзной работе.

Сыновья Ромуальда Марьяновича находятся уже на заслуженном отдыхе, в Заречном сейчас продолжают жить и трудиться его внуки, подрастают правнуки и праправнуки.

Примечания

БСЭ, т. 9. С. 6. А. И. Менуа «Инженеры Санкт-Петербурга». СПб-М., 1997, с. 296. 2 «Адрес-Календарь». 1861–1862 гг. С. 442,450. То же. 1871 г.с. 566. 3 Крылов А. Н. Мои воспоминания. Л., 1979. С. 107. 4 Вся Россия, 1899. С. 839. 5 Списки чинам ведомства министерства юстиции. СПб., 1910. С. 11. 6 Дневник Р.М. Евневича. С. 457–462. 7 Дневник... С. 489. 8 Там же. С. 481. 9 Госархив Пензенской области, ф.33. оп. 1 д. 685, лл. 291–296 об. 10 Заречный, ч. 1. 1998. с. 207.

(Записки краеведов. Вып. I. – Пенза, 2003).

Проблемы введения в научный оборот
массовых региональных печатных и рукописных источников:
из опыта работы Государственного архива
Пензенской области

В настоящее время значительно возрастает интерес к изучению своего прошлого (не зависимо от того, прошлое это губернии, села или своего рода) именно на основании первичного материала, т.е. документов, хранящихся в архивах. Следует отметить, что архивы, в частности, наш государственный архив Пензенской области, крайне заинтересованы в том, чтобы информация о находящихся на хранении документах стала, во-первых, общедоступной, во-вторых, чтобы поиск её занимал как можно меньше времени. При этом мы руководствуемся чисто практическими соображениями: обращения в архив становятся более адресными, исключаются излишние запросы.

Учитывая загруженность работников архива различными видами работ, мы просто вынуждены искать пути облегчения поиска информации и пути сокращения времени на её поиск, при этом не забывая тот факт, что чем меньше листают дело в поиске нужной информации, тем лучше его физическая сохранность. И конечно, не последнее место занимает степень востребованности документа и его информативная ценность. При этом мы даём себе отчёт в том, что некоторые источники выпадают из научного оборота только из-за того, что об их наличии в фондах архива просто не известно широкому кругу исследователей. Таким образом, решая проблему введения в научный оборот каких-либо источников, мы преследуем две основные цели – информирование общества о том, что у нас есть, и упрощение поиска запрашиваемой информации.

С появлением современных архивных технологий возможности введения в научный оборот исторических источников были значительно расширены: к традиционным формам добавились новые, в том числе позволяющие донести до пользователя оригинальное изображение документа, а не передачу его текста в научной публикации.

Наиболее удобными для введения в научный оборот являются, на наш взгляд, именно массовые исторические источники, которые пред-

ставлены в той или иной степени практически в любом государственном архиве: метрические книги, ревизские сказки, клировые ведомости и др.

В ГБУ «Госархив Пензенской области» к массовым историческим источникам можно отнести экономические примечания, составленные в ходе Генерального межевания, материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. «Удобство» массовых источников заключается, прежде всего, в том, что к каждой группе можно применить единую методику их «обнародования» вследствие их однотипности. В ГБУ «Государственный архив Пензенской области» использование современных архивных технологий с целью информирования потенциальных пользователей является приоритетным. Введение в научный оборот массовых рукописных источников осуществляется по двум направлениям: повышение информативности научно-справочного аппарата и расширение круга пользователей как к самим документам (точнее их электронным копиям), так и к научно-справочному аппарату.

На сегодняшний день одним из наиболее востребованных источников являются ревизские сказки, метрические книги, клировые ведомости, так называемые ведомости о монашествующих. Это связано как с возросшим интересом отдельного человека к своей родословной, так и с подтверждением каких-то имущественных прав – установление родства для получения наследства, подтверждение имущественных прав церковью и монастырями на объекты недвижимости, земельные участки. Ещё в докомпьютерную эпоху сотрудниками архива были составлены внутренние описи на документы, содержащиеся в деле (в частности, на метрические книги), при появлении компьютерной техники эти внутренние описи были введены в компьютер и составили нашу первую БД «Метрические книги». Эта БД практически исключает использование такого традиционного справочника, как опись. На сегодняшний день у нас существует полтора десятка компьютерных БД. На сайте архива размещена информация о существующих БД, а такие БД как «Метрические книги» и «Ревизские сказки» через интернет-сайт доступны и в удалённом режиме.

С установкой в архиве автоматизированной информационной системы появилась возможность расширить доступ и к самим документам. В качестве пилотного был выбран проект по созданию информа-

ционного массива «Всероссийская сельскохозяйственная и поземельная перепись 1917 г. по Пензенской губернии». Данный проект рассчитан на 4 года и предполагает сканирование карточек по сплошной переписи сельских хозяйств 1917 г. из фонда Пензенской губернской земской управы, обработку полученных отсканированных образов и поэтапное (поуездное) размещение их в сети Интернет. На сегодняшний день это одна из наиболее востребованных категорий документов при генеалогических исследованиях, т.к. отражает состав крестьянской семьи по состоянию на 1917 год, их хозяйственную деятельность и является отправной точкой для начала генеалогического поиска. Поисковым образом является ФИО главы крестьянского хозяйства.

Кроме того, сформированная база данных позволит, значительно сократив посещение архива, осуществлять и демографические, статистические, социально-экономические и др. исследования. Уникальность данного источника заключается не только в его многоаспектности, но и практически в 100 % сохранности.

На сегодняшний день отсканирован и загружен в систему информационный массив, содержащий информацию более чем на 60 % документов от их общего объёма. Данный массив размещён в сети Интернет и любой пользователь может свободно просмотреть карточки сельскохозяйственной переписи. Это не единственный созданный в электронном формате информационный массив на документы архива, правда, другие доступны только в читальном зале архива. Но это только начало.

Кроме рукописных источников архивы хранят и печатные материалы, к которым вполне подходит определение «массовые». Это газеты и другие местные периодические издания, памятные книжки, статсборники и т.п. На сегодняшний день архивистами оцифрованы памятные книжки Пензенской губернии, которые были представлены для доступа читателей библиотеки им. Б. Н. Ельцина. Совместно с Пензенской областной библиотекой им. Лермонтова были оцифрованы «Пензенские епархиальные ведомости», что позволило создать наиболее полный комплект этого издания из архивных и библиотечных экземпляров.

К сожалению, данные проекты осуществляются не так быстро, как это хотелось бы самим архивистам и исследователям, которые обращаются к ретроспективной информации. Сотрудники архива

в силу занятости другими видами работ и своей малочисленности не могут достаточно быстро создавать востребованные информационные массивы, а привлечение сторонних организаций – удовольствие дорогое. Но тем не менее, на наш взгляд, применение современных информационных технологий – наиболее оптимальный вариант для введения массовых источников в научный оборот.

(Выступление на библиоконгрессе (Пенза, 2013 г.) / Из личного архива Т. А. Евневич)

=====**Сборники документов и печатные издания,**=====
выходившие под редакцией Т. А. Евневич или при её участии

1. Государственный архив Пензенской области: краткий справочник / сост. Л. Н. Кушкова под рук. Т. А. Евневич. – Пенза, 2001. – 362 с.
2. Пронесшие знамя победы. Письма, воспоминания, стихи участников ВОВ (1941–1945 гг.) / Сост. Евневич Т. А. и др. – Пенза 2005. – 102 с.
3. Путеводитель по фондам государственного архива Пензенской области периода до 1917 года./ Сост. Кушкова Л. Н. Под общей ред. Евневич Т. А. – Пенза, 2008. – 266 с.
4. «Снабдить...для умножения порядка всякого...» (Из истории управления Пензенским наместничеством) / Кашаев П. В. и др. Под ред. Евневич Т. А. – Пенза, 2009. – 352 с.
5. Путеводитель по фондам государственного архива Пензенской области периода до 1917 года / отв. ред.: Т. А. Евневич. – Пенза, 2010. – 264 с.
6. «Зовёт к Отечеству любовь...» Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года. / Сборник документов/сост. Евневич Т. А. и др. Под общей редакцией С. В. Белоусова. – Пенза, 2011. – 379 с.

Содержание

П. В. Кашаев	
К читателю	2
Часть I	
Евневич Т. А.	
Что я могу рассказать о своей работе. Интервью корреспонденту газеты «Улица Московская»	5
Часть II	
Воспоминания и рассказы о Татьяне Алексеевне Евневич Первые отклики на уход Татьяны Алексеевны Евневич	16
Кристина Евневич, дочь Т. А. Евневич.	
Маленькая женщина с огромным сердцем и душой... ..	21
Белорыбкин Г. Н.	
У истоков журнала «Краеведение»	23
Берлякова Н. П.	
Профессионал высокого уровня	25
Власов В. А.	
Человек, архивист и краевед Татьяна Евневич	30
Вовкотруб О. В.	
Воспоминания о совместной работе	33
Зелев С. В.	
Вспоминая о Т. А. Евневич... ..	35
Кондрашин В. В.	
Татьяна Алексеевна Евневич – ангел-хранитель пензенских историков и краеведов	38
Мурашов Д. Ю.	
Творческое наследие Татьяны Алексеевны Евневич	41

Пугачев О. С.	
Государственный архив Пензенской области и его люди	48
Рассказова Л. В.	
Уютный человек	50
Сухова О. А.	
Ломая стереотипы	55
Филатова В. Н.	
Мои встречи с Т. А. Евневич	59
Часть III	
Статьи и публикации Татьяны Алексеевны Евневич разных лет (в авторском варианте)	
Материалы земской статистики в документах ГУ «Государственный архив Пензенской области».	64
Из истории ярмарок города Пензы	68
Государственный архив Пензенской области – один из основных источников по изучению истории Пензенского края.	75
Личные фонды музейных работников в ГБУ «Государственный архив Пензенской области».	78
Использование А. Ф. Дергачёвым документов Госархива Пензенской области при написании краеведческих работ	87
Особенности коллекции периодической печати журналиста В. И. Нуждова и возможности её использования в научных целях	90
Из истории пензенского чиновничества	93
Последние дни Пензенской жандармерии	100

Дюма и Россия	109
Документы о Столыпиных в фондах Государственного архива Пензенской области	123
Пензенские корни Александра Керенского	128
«... Плод своего времени и его жертва...» (Пензенские корни писателя Владимира Зазубрина)	136
История русской православной церкви в документах Государственного архива Пензенской области	142
Крестный путь собора	148
Пензенская область в первые месяцы Великой Отечественной войны	152
Организация бытового устройства эвакуированного в Пензенскую область населения в Великую Отечественную войну	158
Поиск имён воинов, не вернувшихся с фронтов Великой Отечественной войны	164
Судьба зареченца	170
Проблемы введения в научный оборот массовых региональных печатных и рукописных источников: из опыта работы Государственного архива Пензенской области	177

---

*Памятные фотографии
с П. А. Евневич*

1973 г. – студентка историко-архивного института

На природе с семьёй

День Победы. После шествия «Бессмертный полк»

2004 г. – после открытия первой конференции
«Моя малая родина»

Командировка к коллегам в г. Саратов

За работой

Юбилей

2007 г. – Т. А. Евневич на конференции
в ПГПУ им. В. Г. Белинского

2007 г. – выступление Т. А. Евневич на конференции
в ПГПУ им. В. Г. Белинского

2007 г. – выступление Т. А. Евневич
на Лебедевских чтениях в ПГПУ им. В.Г. Белинского

Презентация 11 тома книги памяти

2014 г. – Т. А. Евневич на презентации книг
пензенских историков в музее В. О. Ключевского

2015 г. – выступление о сохранении исторической памяти
на радиостанции «Эхо Пензы»

2015 г. – во время радиопередачи на «Эхо Пензы»
с участием Первого заместителя
Председателя Правительства Пензенской области
О. В. Ягова

С документами

Экскурсия по материалам о именах участников ВОВ

Поздравление с юбилеем

Презентация учебника «История Пензенского края»

Музей В.О. Ключевского, празднование 170-летия историка

Сенатор В. В. Кондрашин вручает удостоверение
помощника члена Совета Федерации

Вручение Полпредом Президента в ПФО М. В. Бабичем
памятного подарка архиву за активное участие в мероприятиях
70-летия Победы

На открытии памятника В. О. Ключевскому
в Донском монастыре (г. Москва)

2018 г. – вечер памяти Т. А. Евневич
в музее В. О. Ключевского

Участники вечера памяти Т. А. Евневич
в музее В. О. Ключевского

Татьяна Алексеевна Евневич: Архивист. Учёный. Человек
Пенза, 20022 г.

Составитель и редактор: Н. П. Берлякова

Корректор: Л. А. Коновалова

Дизайн и вёрстка: Е. И. Федотова

Подписано в печать

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 20,93

Тираж экз. Заказ №

1955-2018 гг.